J 38
105

А 6/11
Ф 38/105
Син. хн.
I А 6/11

Ген. Н. Е. БРАНДЕНБУРГЪ.

РОДЪ КНЯЗЕЙ МОСАЛЬСКИХЪ.

Рецензія **В. Уляницкаго,**

прив.-доцента Московскаго Университета.

Отдѣльный оттискъ изъ «Отчета о XXXVI присужденіи наградъ гр. Уварова».

ПУБЛИЧ. и РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ
БИБЛІОТЕКА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12).

1895.

136

2007041566

Родъ князей Мосальскихъ.

Соч. ген. Н. Е. Бранденбурга.

Рецензія прив.-доцента Московскаго Университета **В. Уляницкаго.**

Сочиненіе ген. Бранденбурга «*Родъ князей Мосальскихъ*» раздѣляется на три главныхъ отдѣла: первый отдѣлъ посвященъ исторіи рода въ различныхъ его развѣтвленіяхъ; второй содержитъ поколѣнную роспись рода кн. Мосальскихъ съ перечнемъ собранныхъ авторомъ свѣдѣній о членахъ этого рода; въ третьемъ авторъ приводитъ in extenso нѣкоторые документы, касающіеся Мосальскихъ и выясняющіе родственную связь между разными представителями этой фамиліи.

По плану автора, первый отдѣлъ его изслѣдованія представляетъ «не хронологическій лишь сводъ біографическихъ свѣдѣній», а «характеристику той исторической обстановки, въ которой жили и дѣйствовали представители описываемой фамиліи, насколько обстановка эта связывалась съ именами тѣхъ или другихъ членовъ послѣдней». Въ виду того, что родъ Мосальскихъ съ давнихъ временъ распался на нѣсколько вѣтвей, изъ коихъ однѣ перешли въ Московское государство, а другія въ Литовское княжество, а затѣмъ въ Польско-литовское государство, авторъ разсматриваетъ отдѣльно исторію рода Мосальскихъ въ Россіи и въ Польшѣ.

Такъ какъ князья Мосальскіе ведутъ свой родъ отъ Юрія Святославича, перваго Мосальскаго удѣльнаго князя, то авторъ начинаетъ исторію этого рода съ момента возникновенія Мосальскаго удѣла въ Черниговскомъ княжествѣ, который авторъ относитъ приблизительно къ концу XIV вѣка, такъ какъ отецъ Юрья Святославъ Титовичъ Карачевскій упоминается въ 1377 году [1]). Авторъ считаетъ Мосальское княжество подчиненнымъ въ это уже время Литвѣ. Хотя мнѣніе автора (стр. 11 и 37), будто Черниговъ и вся Сѣверская земля находилась уже въ 1320 г. подъ скипе-

1) Татищевъ IV, 240.

тромъ Гедимина, не имѣетъ никакого научнаго основанія и почерпнуто, по всей вѣроятности, изъ Нарбута или иного стараго польскаго лѣтописателя, а запись Витовта 1383 г. (стр. 12) относится вовсе не къ кн. Василію Карачевскому, а къ дворянину изъ рода Карачовскихъ, никогда не пользовавшагося княжескимъ титуломъ[1]), тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что въ концѣ XIV в. вся Сѣверщина была дѣйствительно подъ непосредственною властію Литвы; Брянскъ съ Трубчевскомъ и Черниговъ съ Новгородъ-Сѣверскомъ были въ удѣльномъ владѣніи сыновей Ольгерда, а въ Стародубѣ сидѣлъ Гедиминовичъ — Александръ Патрикѣевичъ. Но одна группа сѣверовосточныхъ украинныхъ (верховскихъ) городовъ Сѣверской (собственно — Брянской) земли: Одоевъ, Новосиль, Воротынскъ, Мезецкъ, Бѣлевъ, Мосальскъ и др. составляли со своими волостями отдѣльныя владѣнія цѣлаго ряда русскихъ удѣльныхъ князей изъ Черниговскаго дома, владѣвшихъ своими родовыми отчинами въ теченіе всей Литовской эпохи, вплоть до присоединенія Сѣверщины къ Московскому государству.

Въ какомъ юридическомъ и политическомъ отношеніи состояли они къ Литвѣ?

Брянская земля, т. е. верхняя часть Сѣверщины занята была Ольгердомъ послѣ «замятни веліей», происшедшей тамъ послѣ смерти послѣдняго русскаго князя Василія въ 1356 г., послѣ чего въ Брянскѣ является въ качествѣ удѣльнаго князя Димитрій Ольгердовичъ[2]). Наши лѣтописи сохранили извѣстіе о походѣ Донского на Брянскъ въ 1372 г. Сохранился и договоръ о перемиріи, заключенный Ольгердомъ и Кейстутомъ съ Дм. Донскимъ, по которому перемиріе распространяется на кн. Дмитрія (Ольгердовича) Брянскаго и всѣхъ князей, живущихъ «въ земляхъ Ольгерда и смоленскаго князя Святослава». Но собственно къ Брянску въ это время принадлежалъ только Трубецкъ, выдѣлившійся послѣ смерти Дмитрія въ 1399 г. въ особое княжество. Что же касается верховскихъ князей, то никакихъ указаній на зависимость ихъ отъ Брянскихъ князей въ литовскую эпоху не имѣется. Удѣлы ихъ расположены были вдоль сѣверныхъ и восточныхъ границъ Брянской земли и представляли собою отдѣльныя группы волостей съ своими отдѣльными вотчинными владѣтельными князьями. Объ этихъ мелкихъ княжествахъ сохранились лишь отрывочныя и крайне скудныя извѣстія, на основаніи которыхъ отношенія ихъ къ Литвѣ и Москвѣ представляются крайне неопредѣленными, хотя изъ нихъ все-таки можно заключить, что политической самостоятельностью они не пользовались.

---

1) Смотр. напр. грамату Сигизмунда Августа, данную въ Люблинѣ 17 іюня 1566 г. nobili Romano Karaczowski, въ подтвержденіе цитируемой авторомъ грамоты Витовта (Кор. Метр. Варшавскаго главн. Архива № 99 л. 34).

2) Временно, въ 80-хъ годахъ, онъ отъѣзжалъ въ Москву.

Такъ, частію современныя, частію позднѣйшія свидѣтельства указываютъ, что верховскіе князья, или по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, «служили на обѣ стороны», т. е. тянули поперемѣнно то къ литовскимъ, то къ московскимъ великимъ князьямъ, становясь къ нимъ въ вассальное положеніе, и что эта двойственность ихъ «службы» признавалась обѣими сторонами, какъ видно напр. изъ докончальной грамоты 1449 г. Василія Темнаго съ королемъ Казимиромъ, въ которую съ московской стороны вставлена была статья: «а верховскіе князи што будутъ издавна давали въ Литву, то имъ и нынѣча давати, а больши того не примышляти».

Хотя автору извѣстны случаи двойственной службы нѣкоторыхъ верховскихъ князей, однако, по его мнѣнію, въ числѣ ихъ не были князья Мосальскіе; основываясь на томъ фактѣ, что въ концѣ XV вѣка литовское правительство отзывалось о Мосальскѣ, какъ объ «изъ вѣка отчинѣ вел. княжества литовскаго», а также на томъ фактѣ, что отецъ родоначальника князей Мосальскихъ Святославъ Титовичъ былъ женатъ на дочери Ольгерда и, наконецъ, на документальномъ свидѣтельствѣ о пожалованіи во второй половинѣ XV в. королемъ Казимиромъ кн. Владимиру Юрьевичу Мосальскому нѣсколькихъ волостей (Недоходова и Ощитеска), ген. Бранденбургъ выражаетъ мнѣніе, что уже при Юріѣ Святославичѣ, т. е. съ самаго своего возникновенія, Мосальское княжество было подчинено одной Литвѣ. Мнѣніе это однако недостаточно обосновано, а сверхъ того формы подчиненія въ тѣ времена были такъ разнообразны, что желательно было бы и выясненіе смысла этого подчиненія.

Что касается перваго вопроса, т. е. вообще подчиненія Мосальска одной Литвѣ, то хотя имѣется полное основаніе предполагать, что дѣйствительно Святославъ Карачевскій былъ вассаломъ Литвы, тѣмъ болѣе, что его княженіе совпадаетъ съ временемъ, когда политическое вліяніе Литвы въ Сѣверщинѣ было весьма сильно, однако это не даетъ намъ еще права утверждать, что въ такомъ положеніи Мосальскіе князья оставались и въ теченіе всего послѣдующаго времени до присоединенія Мосальска къ Москвѣ. Дѣло въ томъ, что если Литовское правительство заявляло права на Мосальскъ [1]), какъ на свою извѣчную вотчину, то съ своей стороны и Московское правительство въ 1493 г. утверждало, что «изъ старины князи Вяземскіе и Мосальскіе служили предкамъ нашимъ великимъ княземъ (т. е. московскимъ) и съ своими вотчинами, а и въ старыхъ докончаньяхъ то писано» [2]). Докончанья эти до насъ не дошли, однако заявленіе московскаго правительства о службѣ ему Мосальскихъ князей не лишено значенія.

1) По случаю разоренія его москвитянами.

2) Сборн. Рус. Ист. Общества XXXV стр. 107. Автору, къ сожалѣнію, остался неизвѣстнымъ этотъ существенно важный для него сборникъ.

О «службѣ» нѣкоторыхъ верховскихъ князей Москвѣ имѣются свѣдѣнія, относящіяся къ временамъ Дмитрія Донского, — къ 1375, 1380 и 1385 г.[1]) и, отчасти, Василія Дмитріевича (1402 г.), и наконецъ, въ 1449 г., когда вліяніе Литвы въ Сѣверщинѣ было уже опять весьма сильно, московское правительство, какъ мы видѣли, все-таки выступаетъ въ роли защитника интересовъ всѣхъ вообще верховскихъ князей. Въ виду всего этого утверждать о князьяхъ Мосальскихъ, что они были именно въ подчиненіи Литвѣ, а не служили «на обѣ стороны», нѣтъ достаточныхъ основаній.

Мало того, и помимо недостатка фактическихъ данныхъ, мы не можемъ признать удачными и тѣ теоретическія соображенія, которыми авторъ подкрѣпляетъ свою догадку. Именно, по его мнѣнію (стр. 11), «ходъ историческихъ обстоятельствъ сложился въ пользу подчиненія удѣла Мосальскихъ великому княжеству Литовскому: 1) въ силу географическаго распространенія послѣдняго и наступательной политики литовскихъ князей, и 2) въ силу отношеній черниговскихъ князей къ развивавшемуся московскому единодержавію, такъ какъ родовыя традиціи черниговскихъ князей клонились въ пользу подданническихъ отношеній къ великому князю литовскому предпочтительно передъ подчиненіемъ московскому великому князю, ибо родъ черниговскихъ князей, потомковъ Святослава Ярославича, естественно долженъ былъ относиться враждебно къ младшей линіи Мономаховичей». Что касается перваго соображенія, то оно не можетъ быть признано достаточнымъ для объясненія подчиненія Мосальска Литвѣ, именно въ виду указанныхъ нами колебаній политическаго вліянія Литвы и Москвы и извѣстныхъ фактовъ службы верховскихъ князей попеременно то Москвѣ, то Литвѣ. Этотъ же фактъ противорѣчитъ и второму соображенію автора; да и трудно допустить, что бы счеты родового старшинства Ольговичей и Мономаховичей, дѣйствительно оказывавшіе вліяніе на отношеніе между этими двумя княжескими линіями въ XII—XIII в., могли имѣть какое-либо политическое значеніе во второй половинѣ XIV в., къ какому времени собственно и относится распространеніе литовскаго верховенства на черниговско-сѣверскія княжества. Едва ли справедливо даже говорить о преимущественномъ тяготѣніи тамошнихъ русскихъ князей къ Литвѣ, а не къ Москвѣ. Дѣло въ томъ, что область верхней Оки, гдѣ лежали владѣнія верховскихъ князей, была ареною, гдѣ политическое вліяніе и господство Литвы и Москвы боролись и попеременно смѣняли другъ друга въ XIV и XV в. Въ половинѣ XIV в. здѣсь верхъ беретъ Литва[2]). Во время усобицъ

---

1) Нѣкоторые изъ нихъ участвовали въ его походѣ на Тверь, въ Куликовской битвѣ и въ войнѣ его съ Олегомъ Рязанскимъ. Самъ Дмитрій Ольгердовичъ Брянскій въ 80-хъ годахъ временно отъѣзжалъ къ Донскому.

2) Иванъ Новосильскій, Святославъ Карачевскій — подручники Литвы.

въ Литвѣ здѣсь верхъ одерживаетъ Москва (во второй половинѣ XIV в. и въ началѣ XV). При Василіи Темномъ, во время усобицъ въ Москвѣ, литовское вліяніе здѣсь опять усиливается. При этомъ особенно важное значеніе въ отношеніяхъ Литвы къ русскимъ верховскимъ князьямъ имѣло присоединеніе Витовтомъ къ Литвѣ Мценска и Любутска, вслѣдствіе котораго верховскія княжества оказались окружены литовскими владѣніями. Этимъ колебаніямъ политическаго вліянія Литвы и Москвы способствовалъ еще и самый характеръ литовскаго верховенства, особенно въ XV вѣкѣ и господство на Руси удѣльной системы.

Литовскіе князья не только съ удивительнымъ политическимъ тактомъ относились къ русскому населенію, къ его вѣрованіямъ, обычаямъ и нравамъ, но и сами постепенно подчиняются культурному вліянію Руси и усвоиваютъ всѣ понятія о княжеской власти и ея отношеніяхъ къ землѣ, выработанныя потомками св. Владимира. Наконецъ, даже въ періодъ внутренняго объединенія государства, путемъ постепенной отмѣны раздробленности литовско-русскихъ областей, со временъ Витовта, литовскіе великіе князья далеко не дѣйствовали такъ круто, какъ великіе князья московскіе, не разбиравшіе средствъ для территоріальныхъ примысловъ: въ большинствѣ случаевъ литовскіе великіе князья подчиняли удѣлы своей непосредственной власти лишь по праву полной выморочности и удаляли русскихъ князей изъ удѣловъ только при явномъ стремленіи съ ихъ стороны къ отдѣленію отъ государства. Этимъ объясняется, конечно, то обстоятельство, что и долгое время спустя по присоединеніи Чернигова и Сѣверщины къ Литвѣ, многіе представители княжескаго черниговскаго рода — князья Новосильскіе, Одоевскіе, Воротынскіе, Бѣлевскіе, Мезецкіе, Мосальскіе продолжаютъ княжить въ своихъ удѣлахъ подъ верховною властью великихъ князей литовскихъ, которые лишь замѣнили для нихъ ихъ прежнихъ черниговскихъ великихъ князей.

Намъ остается еще разсмотрѣть вопросъ о томъ, въ какое политическое положеніе ставились верховскіе князья при вступленіи ихъ подъ верховенство Литвы. Ген. Бранденбургъ ставитъ между прочимъ вопросъ о времени присоединенія Мосальска къ Литовскому государству, при чемъ высказываетъ предположеніе, что уже родоначальникъ дома Мосальскихъ былъ въ литовской сторонѣ и что поэтому присоединеніе это совершилось не позднѣе начала XV в., хотя и не опредѣляетъ, было ли это подчиненіе добровольное или насильственное[1]) (стр. 12—13). Судя по этому и по отзыву автора, что съ переходомъ къ Литвѣ (какъ и къ Москвѣ) русскіе князья становились въ положеніе служебное (стр. 10), съ моментомъ пере-

1) Едва ли оно было насильственнымъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ Мосальскъ не былъ бы оставленъ за князьями Мосальскими.

хода Мосальскихъ князей и Мосальскаго княжества подъ верховенство Литвы связывается въ представленіи автора утрата Мосальскими князьями ихъ независимости и переходъ ихъ въ положеніе князей служебныхъ. Едва ли однако такой взглядъ можетъ быть признанъ справедливымъ. Начать съ того, что о «независимости» удѣльныхъ князей Мосальскихъ не можетъ быть и рѣчи ни въ моментъ возникновенія Мосальскаго княжества, ни позднѣе. Хотя внутренняя исторія Черниговскаго княжества въ XIV вѣкѣ менѣе выяснена, чѣмъ исторія другихъ русскихъ княжествъ, тѣмъ не менѣе имѣется полное основаніе предполагать, что отношеніе между великими и удѣльными князьями тамъ не отличались существенно отъ достаточно выясненнаго общаго типа этихъ отношеній въ великокняженіяхъ Рязанскомъ, Тверскомъ, Ярославскомъ, Московскомъ. Независимость удѣльныхъ княжествъ сѣверовосточной Руси можетъ быть понимаема только въ смыслѣ ихъ внутренней автономіи, въ отношеніи же политическомъ, международномъ, такъ сказать, они были несомнѣнно подчинены верховенству своего великаго князя. Обычная въ княжескихъ договорахъ формула: «быть намъ за одинъ» и обычное обязательство удѣльнаго князя не «отступать» отъ своего великаго князя, промышлять о его благѣ и «не канчивать» съ другими князьями безъ его согласія, вполнѣ выясняютъ это политическое положеніе русскихъ удѣльныхъ князей. Отличалось ли отъ него положеніе русскихъ удѣльныхъ князей въ Литвѣ? Прежде всего нужно замѣчить, что хотя Витовтъ раздавалъ иногда захваченныя русскія волости служилымъ князьямъ (перебѣжчикамъ) въ держаніе или въ вотчину [1]) или намѣстникамъ въ держаніе [2]), но мы не имѣемъ никакихъ намековъ на то, что бы лишены были Литвою своихъ волостей князья Мосальскіе. О правахъ же, какими пользовались русскіе верховскіе князья въ Литвѣ, и объ ихъ отношеніяхъ къ литовскимъ великимъ князьямъ, замѣнившимъ для нихъ ихъ природныхъ великихъ князей черниговскихъ, мы можемъ судить какъ по нѣкоторымъ дошедшимъ до насъ докончаньямъ верховскихъ князей съ великими князьями литовскими, такъ и по другимъ даннымъ [3]). По своему характеру эти докончанья близко напоминаютъ современные имъ междукняжескіе договоры князей великихъ съ удѣльными сѣверовосточной Руси. Именно, подобно послѣднимъ, докончанья, опредѣлявшія службу верховскихъ князей великому князю Литовскому, имѣли характеръ союзовъ ради взаимной обороны

1) Напр. князьямъ Тарусскимъ въ Мезецкѣ.

2) Пограничные Мценскъ и Любутскъ.

3) До нашего времени дошло нѣсколько доканчаній князей Новосильскихъ и Одоевскихъ съ королемъ Казимиромъ 1442, 1459 и 1483 г. (А. Зап. Рос. I, № 41, 63, 80) составленныхъ «по князя великаго Витовтову докончанью» (съ ихъ отцомъ) и письмо кн. Семена Воротынскаго къ тому же королю по поводу отъѣзда этого князя въ Москву. (А. З. Р. I, № 106. Сбор. Р. Ист. Общ. XXXV стр. 84).

своихъ волостей. Обязательства защиты и обороны были обоюдныя и такимъ образомъ докончаніе заключалось на принципѣ равноправности и подчиненіе удѣльнаго князя выражалось лишь обязательствомъ платить «полѣтнее»[1]) князю Литовскому. Затѣмъ, внѣ сферы, такъ, сказать международной, верховскій князь пользуется полною автономіею: онъ знаетъ только свою «дѣльницу» и въ ней онъ такой же самостоятельный князь-отчичъ, какъ и всякій древнерусскій удѣльный князь; служебная зависимость верховскихъ князей не имѣла никакого вліянія на ихъ удѣльныя владѣнія, не умаляла ихъ отчинныхъ правъ на дѣльницы: «а тыи князи (Мезецкіе) въ Мезецку въ городѣ и въ волостехъ вѣдаютъ свои отчины, дѣльницы свои», говоритъ перемирная грамота конца XV вѣка[2]). Русскіе князья, вступая (конечно, не насильственно) въ «службу» великаго князя литовскаго, обязываясь «быть въ его волѣ и послушаніи», смотрѣли на эти обязательства, какъ на результатъ свободнаго соглашенія и тѣхъ услугъ, которыя великій князь литовскій, съ своей стороны, долженъ былъ имъ оказывать[3]). И въ этомъ существенное отличіе въ отношеніяхъ верховскаго князя къ Литовскому великому князю отъ отношеній удѣльнаго князя къ великому въ великихъ княжествахъ русскихъ: въ случаѣ неисполненія великимъ княземъ литовскимъ своихъ обязательствъ, верховскій князь считалъ себя свободнымъ отъ своихъ обязательствъ, получалъ «волю», отъѣзжалъ изъ литовской службы на службу къ великому князю Московскому и этимъ порывалъ всякія связи своей дѣльницы съ Литовскимъ государствомъ[4]).

Этимъ личнымъ характеромъ отношеній верховскихъ князей къ великимъ князьямъ литовскимъ объясняется и служба нѣкоторыхъ изъ нихъ «на обѣ стороны» и слѣдованіе при этомъ за ними ихъ отчинъ: кому изъ сосѣдей въ данное время служилъ верховскій князь, тому подчинялась и принадлежавшая ему дѣльница и только пока онъ служилъ, — отъѣзжалъ верховскій князь отъ своего господаря, за нимъ шла и его отчина, потому что служба верховскихъ князей литовскимъ основывалась на докончаніи, а не на владѣніи отчинными дѣльницами.

---

1) Особый сборъ на военные расходы.

2) 1494 г. См. Сбор. Муханова № 41 стр. 67.

3) За отчину подручника стоять и боронить отъ всякаго и самому въ нее не вступаться; въ случаѣ утраты ея — противъ отчины его городовъ и волостей обмыслить; бояръ его жаловать.

4) «А только хто (т. е. Литовскій великій князь) не всхочетъ правды дати и грамоты свои таковы жъ не всхочетъ дати, а потомужъ ихъ (кн. Новосильскихъ и Одоевскихъ) не всхочетъ держати, ино снять цѣлованіе доловь, а намъ воля». (Докончаніе этихъ князей съ Казимиромъ 1442 г.) «Заньже въ листу стоитъ въ докончалномъ отца твоего: «А по нашемъ животѣ кто будетъ держати вел. княжество Литовское нашихъ намѣстниковъ, ино имъ приняти кн. Семена Ѳедоровича въ таково же докончаніе и въ свое жалованіе; а не имутъ жаловати и не примутъ въ докончаніе, ино со кн. Семена крестное цѣлованіе доловь, а ему воля». (Письмо С. Воротынскаго къ вел. кн. Литовскому. Сб. Р. И. Об. XXXV стр. 84.)

Таковы были политическія отношенія между верховскими князьями и Литвою по дошедшимъ до насъ грамотамъ и историческимъ свидѣтельствамъ. И хотя эти свидѣтельства относятся прямо къ другимъ князьямъ, а не къ Мосальскимъ, однако мы не видимъ основаній для исключенія послѣднихъ изъ этого порядка. Онъ настолько соотвѣтствуетъ общему характеру междукняжескихъ отношеній, повсемѣстно господствовавшему въ XIV—XV в. на Руси, что считать дошедшіе до насъ памятники за исключительные не представляется достаточныхъ поводовъ, тѣмъ болѣе, что они регулируютъ отношенія, установленныя при Витовтѣ и Казимирѣ, слѣдовательно уже въ такой періодъ исторіи литовскаго государства, когда объединительныя тенденціи и тамъ уже выступаютъ наружу. Наконецъ, мы считаемъ возможнымъ предполагать, что именно въ такомъ или по крайней мѣрѣ аналогичномъ положеніи находились князья Мосальскіе къ литовскому государству при самомъ возникновеніи Мосальскаго княжества, или по крайней мѣрѣ въ первый моментъ перехода его подъ литовское верховенство, и что въ положеніи ихъ, такой переходъ ихъ изъ подъ верховенства своихъ природныхъ русскихъ великихъ князей подъ верховенство князей литовскихъ ничего не могъ измѣнить, — бо́льшими правами, чѣмъ какими пользовались верховскіе князья въ Литвѣ въ XV в., они не могли по общему государственному строю Руси пользоваться въ концѣ XIV вѣка, — когда это маленькое княжество возникло[1]). Но будучи сначала князьями удѣльными, вотчинными они вскорѣ переходятъ въ положеніе служебное, — именно съ момента пожалованія сыну ихъ родоначальника, кн. Владимиру Юрьевичу волостей королемъ Казимиромъ[2]), такъ какъ это пожалованіе обязывало его службою великому князю литовскому[3]), а не только вѣрностью ему. Дѣйствительно, сына кн. Владимира — кн. Тимофея Владиміровича мы видимъ уже хотя и владѣльцемъ Мосальска и пожалованнаго его отцу по сосѣдству съ его отчиною Недоходова, но въ должности окольничаго смоленскаго и намѣстника Дубровенскаго, т. е. въ второстепенныхъ административныхъ должностяхъ. Дубровна была волостью Смоленскаго повѣта, а намѣстники занимали въ административно-судебной іерархіи Литовскаго государства второстепенное мѣсто[4]) (ниже старостъ и воеводъ);

---

1) Карачевскій удѣлъ Тита Мстиславича распался сначала на удѣлы Карачевскій и Козельскій; потомъ изъ Карачевскаго выдѣлился еще Мосальскій, а изъ Козельскаго — Перемышльскій и Елецкій.

2) Между 1449—1464—1479 годомъ.

3) Такъ, въ жалованной грамотѣ Казимира дѣтямъ кн. Ѳ. Воротынскаго 1455 г. на волости, пожалованныя изъ отцу, говорится: «а узрѣвши его вѣрную службу къ намъ, то учинили; и его дѣтямъ такожъ съ того вѣрно намъ служити».

4) Намѣстничества въ волостяхъ давались большею частью мѣстнымъ князьямъ и боярамъ въ держаніе на время, какъ доходныя статьи, въ видѣ жалованья за службу.

точно также и окольничіе смоленскіе не были болѣе, какъ членами намѣстническаго смоленскаго управленія — «рады», подчиненными намѣстнику Смоленскому. Племянники же кн. Тимофея значатся въ спискѣ смоленскихъ бояръ боярами Мащьинскими; боярами же въ это время назывались военно-служилые землевладѣльцы и классъ этотъ въ Польско-литовскомъ государствѣ соотвѣтствовалъ классу дѣтей боярскихъ въ Московскомъ государствѣ. Поэтому-то литовское правительство и могло опротестовать въ XV в. переходъ служилыхъ князей Мосальскихъ въ Москву.

Вообще начальная исторія рода Мосальскихъ разработана у ген. Бранденбурга не достаточно обстоятельно и полно, что́ объясняется недостаточностію и качествомъ источниковъ, которыми пользовался авторъ: это польскія брошюры XVII—XVIII в. геральдическаго и панегирическаго характера, нѣсколько страницъ изъ Исторіи отношеній между князьями Рюрикова дома Соловьева, глава изъ соч. Погодина, статья въ энциклопедическомъ лексиконѣ Оргельбранда и 2—3 документа Метрики литовской. Матеріалъ, очевидно, недостаточный для характеристики положенія первыхъ Мосальскихъ князей и ихъ отношеній къ Литвѣ и Москвѣ. И хотя мы въ немногихъ страницахъ, посвященныхъ авторомъ этому періоду, и не находимъ ничего противорѣчащаго исторической истинѣ, но за то не находимъ и ничего такого, что бы выходило изъ рамокъ вполнѣ уже выясненныхъ элементарныхъ вопросовъ русско-литовской исторіи.

Не вполнѣ удовлетворительна и вторая часть этой главы изслѣдованія ген. Бранденбурга, посвященная вопросу о времени и мотивахъ перехода изъ Литвы въ Москву нѣкоторыхъ кн. Мосальскихъ. Объясняется это главнымъ образомъ тѣмъ, что авторъ почему то не нашелъ нужнымъ обращаться къ подлиннымъ документамъ по сношеніямъ Москвы съ Литвою, опубликованнымъ въ XXXV т. Сборника Имп. Русск. Историческаго Общества и предпочелъ воспользоваться для своего изслѣдованія выборкою изъ нихъ или даже, вѣрнѣе говоря, обозрѣніемъ ихъ, составленнымъ Бантыш.-Каменскимъ, и напечатаннымъ въ 1860 г. въ Чтеніяхъ Имп. Общества исторіи и древностей Россійскихъ[1]).

Недоумѣнія и сомнѣнія автора вращаются около двухъ вопросовъ: 1) почему нѣкоторые изъ Мосальскихъ перешли въ Москву, между тѣмъ какъ другіе остались въ Литвѣ, и 2) къ какому точно времени относится этотъ переходъ?

Разрѣшить первый вопросъ, конечно, довольно трудно, хотя сообра-

1) Изъ того же источника авторъ почерпнулъ и свѣдѣнія о посольствѣ Тимофея Мосальскаго въ Москву. Поэтому здѣсь показаны у него между прочимъ князья Каширскіе вмѣсто князей Крошинскихъ, намѣстникъ Чернокутскій вмѣсто Чернокунскій, и не упомянуто о томъ, что князь Тимофей занималъ въ Литвѣ должность намѣстника Дубровенскаго.

женіе, выставленное авторомъ (стр. 22 сл.), что въ виду постоянныхъ разореній и грабежей въ пограничныхъ областяхъ, гдѣ лежали вотчины Мосальскихъ, трудно допустить, чтобы послѣднихъ удерживали въ Литвѣ матеріальныя выгоды, утрачиваетъ значительную часть своей убѣдительности, если принять во вниманіе, что къ началу XVI в. не всѣ Мосальскіе жили въ Мосальскѣ и не всѣ одинаково, слѣдовательно, терпѣли отъ московскихъ разореній.

Что же касается вопроса о переходѣ нѣкоторыхъ Мосальскихъ въ Москву, авторъ утверждаетъ, будто дошедшія до насъ историческія данныя относительно этого событія не совсѣмъ ясны. Эту неясность авторъ усматриваетъ въ требованіи, заявленномъ Литвою въ 1493 г. черезъ посла Кишку[1]), чтобы великій князь Иванъ отпустилъ въ Литву «подданныхъ слугъ великаго князя литовскаго князей Мосальскихъ съ ихъ вотчинами» и въ письмѣ великаго князя Ивана къ Менгли-Гирею 1500 г.[2]), въ которомъ онъ увѣдомляетъ о переходѣ въ Москву князей Мосальскихъ съ городомъ Мосальскомъ. «Такимъ образомъ выходитъ, — говоритъ авторъ, что Мосальскіе къ этому времени уже приняли московское подданство; однако ближайшее разсмотрѣніе этихъ фактовъ отнимаетъ у нихъ большую часть (?!) подобнаго значенія». Оказывается, что автора привело въ смущеніе то обстоятельство, что по документальнымъ свѣдѣніямъ Литовской Метрики въ 1496 г. кн. Дмитрій и Семенъ Ивановичи Мосальскіе были еще въ Литвѣ, а въ 1513 г. они значатся уже воеводами въ Московскомъ войскѣ. Поэтому, по соображеніямъ автора, въ 1493 г. могла быть рѣчь лишь о Мосальскихъ, захваченныхъ въ плѣнъ при набѣгѣ кн. Оболенскихъ и Одоевскихъ на Мосальскъ въ 1492 г., а въ 1500 г. Иванъ Васильевичъ подразумѣвалъ князей Дмитрія и Семена, — *если только* они перешли въ Россію въ промежутокъ между 1496 и 1500 годами».

У автора, повторяемъ, не было бы этихъ сомнѣній и вопросъ разрѣшился бы для него вполнѣ просто и ясно, если бы онъ пользовался прямыми первоисточниками[3]). Въ 1493 г. никакіе князья Мосальскіе въ Москву не переходили. Въ 1492 г., какъ извѣстно и автору (стр. 16) на основаніи обозрѣнія Бантыша Каменскаго, литовскій посолъ требовалъ возвращенія насильственно захваченныхъ кн. Перемышльскимъ и кн. Одоевскимъ князей Мосальскихъ и «ихъ статковъ», т. е. имущества, а не города

---

1) Авторъ называетъ его (стр. 23) паномъ Яновичемъ, смѣшавъ отчество съ фамиліею: посла звали Станиславомъ Яновичемъ (Ивановичемъ) Кишкою.

2) Не въ апрѣлѣ, какъ сказано на основаніи ошибки Карамзина у автора, а въ августѣ, какъ видно изъ подлинныхъ крымскихъ дѣлъ, опубликованныхъ въ 41 т. Сборника Имп. Русск. Истор. Общества.

3) Хотя-бы не въ архивныхъ подлинникахъ, а въ изданіяхъ Имп. Русскаго Историч. Общества. (Сборн. т. 35 и 41).

Мосальска, который не былъ взятъ, а лишь разграбленъ и сожженъ. Можно даже полагать, что Московское правительство вполнѣ искренно отвѣчало литовскому послу, что ему неизвѣстно о сожженіи Мосальска и о захватѣ князей, — это было дѣломъ побѣга на Мосальскъ кн. Перемышльскаго и кн. Одоевскихъ. Это было въ концѣ 1492 года[1]). Затѣмъ вторично вопросъ о Мосальскихъ и, на этотъ разъ, и о г. Мосальскѣ возбужденъ былъ Литвою въ слѣдующемъ 1493 г., или даже въ 1494 году[2]), вслѣдствіе вторичнаго нападенія русскихъ на Мосальскъ. На этотъ разъ нападеніе было, такъ сказать, офиціальное. Въ лѣтописи сохранилось извѣстіе, что на Мосальскъ посланы были великимъ княземъ Иваномъ князья Дмитрій и Семенъ Воротынскіе (только что передъ тѣмъ перешедшіе отъ Литвы въ Москву), — «они же градъ взяша»[3]); въ іюнѣ 1493 г. о взятіи Мосальска, о захватѣ въ плѣнъ и о приводѣ въ Москву сидѣвшихъ въ городѣ людей, пановъ и князей Иванъ увѣдомлялъ своего союзника Менгли-Гирея[4]), а въ отвѣтъ на жалобу литовскаго посла на это нападеніе и на его требованіе освобожденія плѣнниковъ, ему было объявлено, что нападеніе сдѣлано въ отвѣтъ на литовскія нападенія на русскихъ князей, перешедшихъ отъ Литвы въ Москву и что, впрочемъ, изъ старины «князья Вяземскіе и Мосальскіе служили предкамъ нашимъ великимъ князьямъ и съ своими вотчинами, а и въ старыхъ докончаньяхъ то писано»[5]). Вмѣстѣ съ Мосальскомъ захвачены были въ это время Москвою пожалованныя еще Казимиромъ Владимиру Мосальскому волости Недоходовъ и Ощиговъ. Во время открывшихся затѣмъ въ 1494 г. мирныхъ и брачныхъ переговоровъ между Иваномъ III и Александромъ Литва требовала возвращенія всѣхъ этихъ волостей и послѣ нѣкотораго сопротивленія Москва уступила, — по заключенному въ томъ же году перемирію всѣ они возвращены были Литвѣ[6]), а по подписаніи акта перемирія литовскимъ посламъ выданъ былъ (12 февраля 1494 г.) и сидѣвшій въ плѣну въ Москвѣ кн. Мосальскій[7]). Имя его не упоминается въ актахъ, но, быть можетъ, это былъ Петръ Мосальскій, участвовавшій затѣмъ (въ апрѣлѣ) въ Смоленскѣ въ пріемѣ русскихъ пословъ, ѣхавшихъ къ Александру[8]). Такимъ образомъ документально разрѣшаются сомнѣнія автора относительно значенія событій 1492 и 1493 г.

---

1) Сбор. Русск. Ист. Общ. XXXV, стр. 73—74 и 77.

2) На основаніи даты грамоты Александра (въ Сборн. Муханова № 40), авторъ относитъ эти переговоры къ концу 1493 г., между тѣмъ, какъ посолъ прибылъ съ нею въ Москву въ началѣ 1494 г. (Сбор. Р. И. Об. XXXV стр. 108 и 111).

3) Карамз. VI, примѣч. 385.

4) Сборн. Р. Ист. Общ. т. XLI стр. 186 и 192.

5) Сборн. Русск. Ист. Общ. т. XXXV стр. 104, 106 и 107.

6) Сборн. Русск. Ист. Общ. XXXV стр. 118, 120, 122, 136 и 152.

7) Сборн. Русск. Ист. Общ. XXXV стр. 136.

8) Тамъ-же стр. 142.

въ судьбѣ князей Мосальскихъ. Замѣтимъ кстати, что по указаннымъ нами документамъ замѣчается нѣкоторая связь между судьбами Мосальска въ эти годы и фактомъ перехода кн. Воротынскихъ изъ Литвы въ Москву. Извѣстно, что Воротынскіе (собственно говорится о кн. Дмитріи) передали Москвѣ и Козельскъ, не смотря на то, что этотъ городъ данъ былъ (послѣ захвата его Литвою въ 1447 г.) королемъ Казимиромъ ихъ отцу кн. Ѳеодору лишь «въ держаніе» и съ присяжнымъ обязательствомъ не передавать его Москвѣ[1]). Любопытно свидѣтельствоословъ короля Казимира, пріѣзжавшихъ по этому поводу въ Москву, что «князь Дмитрій Воротынскій тыми часы, какъ вжо тобѣ (великому князю московскому) били чоломъ въ службу, поддашныхъ нашихъ паповъ и слугъ нашихъ городы и волости за себе побралъ и свои намѣстники посажалъ, напервѣй городъ Серпескъ ...такожъ волость Недоходовъ»[2]); а изъ документа, приведеннаго у геп. Бранденбурга, видно[3]), что Недоходовъ былъ пожалованъ Казимиромъ кн. Владимиру Мосальскому. Еще интереснѣе свѣдѣніе, имѣющееся въ документахъ о мирныхъ переговорахъ 1494 г., именно заявленіе литовскаго посланника: «А что которыя повины сталися государю нашему — Вязма, Мезческъ, Серпеескъ, Мосалескъ, Опаковъ и иные волости, которые король и его милость даваль кн. Ѳеодору Воротынскому, да и осподарь нашъ даваль сыну его кн. Семену чинячи ихъ собѣ слугами, и тѣ бы городы и волости были вернуты, за то докончанью не быти»[4]). Въ другомъ же мѣстѣ значатся бывшими «отъ великаго князя за Семеномъ за Воротынскимъ: городъ Мосалескъ съ волостьми . . . и съ Недоходовымъ . . . и волости . . . Ощитовъ»[5]). Всѣ эти мѣстности — вотчины Мосальскихъ. Наконецъ, въ мѣстническомъ счетѣ съ Василіемъ Мосальскимъ въ 1572 г. Романъ Олферьевъ показывалъ, что «не вѣдаетъ, почему Мосальскіе князья и кто они, а Мосальскіе князья служили Воротынскому: кн. Иванъ Мосальскій Колода служилъ кн. Ивану Воротынскому, а были ему приказаны собаки, да и иные Мосальскіе служили у нихъ же». Мосальскій на это не возражалъ[6]).

---

1) А. Зап. Рос. Т. № 48 и Сборн. Муханова № 5. Переговоры по этому поводу въ 1490 г. см. въ Сб. Русск. Ист. Общ. XXXV № 12.

2) Тамъ-же стр. 48, 54.

3) Родъ Мосальскихъ ч. II стр. 2. Документъ помѣченъ 7 ноябремъ 13 индикта, который въ царствованіе Казиміра выпадалъ на 1449—50, 1464—65 и 1479—80 годы.

4) Сбор. Русск. Ист. Общ. XXXV стр. 115. Эти пожалованія были ранѣе 1455 года. (А. З. Р. I № 57).

5) Тамъ-же стр. 136. Полученные Ѳ. Воротынскимъ отъ Казиміра Козельскъ (въ держаніе) и Перемышль (въ вотчину) входили въ половинѣ XIV в. въ составъ Карачевскаго удѣльнаго княжества, какъ и Мосальскъ.

6) Лихачевъ, Разрядные дьяки, стр. 461. Кн. Ив. Воротынскій перешелъ въ Москву въ 1487 году.

Разработка всѣхъ этихъ намѣченныхъ нами вопросовъ была бы весьма интересна не только для исторіи Мосальскихъ, но и какъ иллюстрація исторіи отношеній Литвы къ Москвѣ и русскихъ верховскихъ князей къ обоимъ этимъ государствамъ, но, къ сожалѣнію, все это оставлено ген. Бранденбургомъ безъ вниманія — къ прямому ущербу научной цѣнности его труда.

Впрочемъ, возвращаемся къ затрудняющему автора вопросу о переходѣ Мосальскихъ въ Московское государство. У автора, повторяемъ, не было бы такихъ затрудненій, если бы онъ пользовался первоисточниками, т. е. документами, опубликованными въ XXXV и LXI томахъ Сборника Импер. Русскаго Историч. Общества. Изъ этихъ документовъ оказывается, что въ апрѣлѣ 1500 г. въ Москву пріѣхали послы отъ вел. кн. Александра съ жалобою между прочимъ на то, что вел. кн. Иванъ Васильевичъ принялъ выѣхавшихъ изъ Литвы подъ предлогомъ понужденія къ римскому закону здрадцевъ князя Бѣльскаго, кн. Хотѣтовскаго (Хотѣтовъ городокъ по близости отъ Мосальска) и иныхъ «съ землями, съ водами и съ людьми, съ нашею отчиною» — и съ требованіемъ выдать ихъ и за нихъ не вступаться. Иванъ Васильевичъ приказалъ отвѣтить литовскимъ посламъ, что никакой измѣны великому князю литовскому со стороны Бѣльскаго и другихъ ушедшихъ въ Москву князей не было, а «тое для нужи, для закона приняли (Бѣльскаго) къ себѣ въ службу и съ его отчиною; а Хотѣтовскій и Мосальскіе князи и съ своими отчинами, и мченскіе бояре . . . . и иные люди и съ землями и съ водами отъ тое-жъ нужи не хотя отступить отъ вѣры греческаго закона къ намъ пріѣхали служити, и мы ихъ для тое ихъ нужи и приняли въ службу и съ землями, и князь великій Александръ въ вотчины, съ которыми къ великому князю Московскому служить пріѣхали князи Мосальскіе и Хотѣтовскій . . . . не вступался бы»[1]). Переходъ этотъ князей Мосальскихъ въ Москву подтвержденъ былъ и перемирною грамотою 1503 г., въ силу которой Александръ обязывался «не воевать, ни зацѣплять ничѣмъ тѣхъ нашихъ городовъ (вел. кн. Московскаго) и волостей и земель, которые за нашими слугами . . . . и за Мосальскими князми и за иными за нашими слугами, за князми». Сюда отнесены между прочимъ — Карачевъ, городъ Мосальскъ съ волостьми, городище Недоходовь, волость Ощитово и др.[2]). Эта уступка Мосальска съ волостьми подтверждена была затѣмъ перемирными договорами 1508, 1522 и 1526 годовъ. Что же касается князей Дмитрія и Семена, то они, очевидно, перешли въ Москву въ 1499 г., такъ какъ ранѣе начала 1500 г. объ нихъ въ сохранившейся

1) Сбор. Рус. Ист. Общ. XXXV стр. 301 и 302.
2) Сбор. Русск. Историч. Общ. т. XXXV стр. 399—400.

сполна за это время дипломатической перепискѣ между Москвою и Литвою вовсе не упоминается. Это предположеніе подтверждается и извѣстнымъ автору только по цитатѣ Карамзина письмомъ Ивана III къ Менгли-Гирею, хотя нужно замѣтить, что въ апрѣлѣ Иванъ III писалъ только о переходѣ князя Бѣльскаго [1]), а въ *августѣ* увѣдомлялъ и о пріѣздѣ князей Мосальскихъ «съ городомъ Мосальскомъ и съ волостьми» и другихъ князей съ вотчинами, а также (отдѣльно отъ нихъ) и о взятыхъ «на бою» городахъ, волостяхъ и воеводахъ литовскихъ, въ числѣ которыхъ названы опять князья Мосальскіе [2]). Впрочемъ, во второй, исправленной редакціи наказа Мамонову [3]), везшему отъ Ивана эти извѣстія Менгли-Гирею, князей Мосальскихъ въ числѣ «воеводъ» Александра уже не находимъ.

Такимъ образомъ документально опредѣляется не только время перехода кн. Мосальскихъ въ Москву, но и мотивъ этого перехода — притѣсненіе въ вѣрѣ. Замѣтимъ, что извѣстіемъ о захваченныхъ въ плѣнъ въ числѣ воеводъ литовскихъ «князьяхъ» Мосальскихъ подтверждаются приведенные ген. Бранденбургомъ (стр. 26) документы Литовской метрики о Ѳедорѣ Михайловичѣ *и* двоюродномъ братѣ его Василіи Ѳедоровичѣ.

Что касается перехода въ Москву родоначальниковъ линій Кольцовыхъ Мосальскихъ и Мосальскихъ Литвиновыхъ, то время ихъ перехода авторъ совершенно правильно опредѣляетъ временемъ завоеванія Смоленска, т. е. промежуткомъ отъ 1514 до 1522 года. Дѣйствительно, по договору 1522 г. къ Москвѣ отошла между прочими смоленскими волостями и Добровенская [4]), въ которой расположены были помѣстья, пожалованныя королемъ Александромъ Семену и Василію Михайловичамъ и Ивану Ѳедоровичу Мосальскимъ. Впрочемъ, авторъ не дѣлаетъ даже попытки опредѣлить положеніе, въ какое поставлены были эти члены рода Мосальскихъ въ Москвѣ, въ особенности по отношенію къ ихъ бывшимъ вотчинамъ — Мосальску, Недоходову, Оцептову и др. Какой смыслъ, напр., имѣетъ выраженіе перемирной грамоты 1522 г.: «Также тобѣ, Жигимонту королю и тѣхъ нашихъ городовъ и волостей и земель, которые за нашими слугами .... за Трубетскими князми и за Мосальскими и за иными нашими слугами, за князми и за нашими намѣстники .... ни воевати, ни зацѣпляти ничѣмъ: города .... Мосальска съ волостьми ....» [5])? Извѣстно, напр., что въ 1492 г. кн. Михаилу Мезецкому, перешедшему въ Москву, пожалована была его же отчина и велѣно съ нея служить. То же ли было съ Мосальскими? Воз-

1) Сбор. Русск. Историч. Общ. т. XLI, стр. 308.
2) Сбор. Русск. Ист. Общ. т. XLI, стр. 318.
3) Тамъ-же стр. 327—328 и 345.
4) Сбор. Рус. Ист. Общ. XXXV, 639.
5) Сбор. Русск. Истор. Общ. XXXV, 638.

можно, что въ документахъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ не имѣется, но задача историка (и историка «рода» точно также) не исчерпывается сводкою документальныхъ данныхъ, а къ тому же отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ документы XVI вѣка.

Начиная со II главы своего изслѣдованія, авторъ соотвѣтственно происшедшему въ родѣ Мосальскихъ съ XVI в. раздѣленію на двѣ группы — одну, оставшуюся въ Литвѣ, и другую, выселившуюся въ Россію, — ведетъ дальнѣйшую исторію этого рода по вѣкамъ отдѣльно и параллельно для той и другой группы. Такимъ образомъ II глава [1]) посвящена вопросу о положеніи Мосальскихъ въ Литвѣ и Москвѣ въ XVI вѣкѣ.

Въ это время родъ Мосальскихъ въ Литвѣ разросся уже такъ широко, что распался на нѣсколько группъ, не связанныхъ между собою никакою политическою и религіозною солидарностью. Такъ какъ никто, повидимому, изъ многочисленнаго рода Мосальскихъ не игралъ въ это время выдающейся политической роли въ Литвѣ, то автору приходится характеризовать ихъ политическую дѣятельность тамъ на основаніи крайне скудныхъ, отрывочныхъ и мелочныхъ свѣдѣній (числомъ 6), изъ которыхъ можно вывести только одно заключеніе, что одни Мосальскіе были противниками объединенія Литвы съ Польшею, а другіе сторонниками его. Авторъ, повидимому, склоненъ думать, что послѣдніе дѣйствовали не по убѣжденію, а подъ давленіемъ обстоятельствъ, но никакихъ доказательствъ этого предположенія мы у него не находимъ, а характеристика отношеній русско-литовскаго дворянства къ политической уніи 1569 г., которую даетъ авторъ, настолько поверхностна и слаба, что нисколько не облегчаетъ автору предположенную имъ задачу, убѣдить читателя въ справедливости его мнѣнія.

Къ разсматриваемому времени относится между прочимъ весьма интересный въ исторіи русско-польскихъ отношеній эпизодъ кандидатуры царя Ѳедора Іоанновича на польско-литовскій престолъ послѣ смерти Стефана Баторія въ 1587 г. По словамъ автора «почти вся Литва [2]), въ вопросѣ объ избраніи новаго короля была на сторонѣ кандидатуры царя, по поводу чего велись даже офиціальные переговоры, при участіи прибывшихъ по этому поводу въ Польшу пословъ русскихъ» (стр. 49). Однако изъ сохранившихся отписокъ русскихъ пословъ Годунова и Троекурова [3]), а также и изъ другихъ источниковъ не видно, чтобы Мосальскіе играли въ этомъ событіи какую-либо роль.

---

1) Родъ Мосальскихъ ч. I, стр. 42 сл.

2) Не только Литва, но и многіе польскіе магнаты, замѣтимъ мы.

3) М. гл. Арх. М. И. Д. дѣла польскія 1587.

Не играли Мосальскіе выдающейся роли и въ религіозной борьбѣ православной русско-литовской народности съ католицизмомъ и уніею. Но благодаря большому количеству имѣвшихся въ рукахъ автора свѣдѣній объ нихъ въ этой сферѣ, автору удалось (стр. 50 сл.) довольно живо и интересно охарактеризовать отношеніе Мосальскихъ къ религіозному вопросу въ Польско-литовскомъ государствѣ въ XVI вѣкѣ.

Наконецъ, свѣдѣнія, собранныя авторомъ касательно общественнаго и служебнаго положенія въ Литвѣ различныхъ членовъ рода Мосальскихъ (стр. 62 сл.) даютъ читателю вполнѣ достаточный матеріалъ для того, чтобы вывести изъ него заключеніе, что Мосальскіе (какъ православные, такъ и католики) ничѣмъ не возвышались надъ общимъ уровнемъ польско-литовскаго дворянства. Особенно подробныя и болѣе любопытныя свѣдѣнія удалось автору собрать относительно участія Мосальскихъ въ военныхъ службахъ[1]).

Въ заключеніе этого очерка исторіи Мосальскихъ въ Литвѣ въ XVI в. авторъ сообщаетъ (стр. 78 сл.) свѣдѣнія объ имущественномъ положеніи отдѣльныхъ линій этого рода и бытовыя черты изъ исторіи его въ разсматриваемую эпоху. Такъ какъ для этого отдѣла авторъ располагалъ только памятниками судебными, то картина получилась, правда, очень односторонняя, — мы видимъ лишь рядъ насилій и самоуправствъ, частію совершавшихся самими Мосальскими, частію претерпѣвавшихся ими, — но тѣмъ не менѣе эти картинки и факты представляютъ собою хотя и не новую, но интересную иллюстрацію для характеристики той эпохи.

Вообще объ этихъ послѣднихъ отдѣлахъ II главы (стр. 50—98) сочиненія ген. Бранденбурга нельзя не отозваться съ полною похвалою. Авторъ вполнѣ использовалъ бывшіе у него подъ руками источники[2]) и довольно удачно сгруппировалъ заключавшіяся въ нихъ крайне отрывочныя и

---

1) Здѣсь сдѣлаемъ лишь маленькое дополнительное замѣчаніе и поправку. О Матвеѣ Мосальскомъ, попавшемъ въ плѣнъ въ Москву при взятіи Полоцка, имѣется свѣдѣніе, что онъ былъ еще живъ въ 1566 г. (Сбор. Рус. Ист. Общ. LXXI, стр. 414). Свѣдѣніе о плѣнѣ кн. Александра Мосальскаго имѣется только подъ 1563 годомъ (тамъ-же стр. 281). Что касается предположенія автора (стр. 72), что «въ 1566 г. онъ получилъ уже свободу, такъ какъ въ это время обоюдный размѣнъ плѣнныхъ былъ уже рѣшенъ», то это мнѣніе основано на неточности въ изложеніи хода переговоровъ у Бантыша Каменскаго, которымъ пользовался авторъ; изъ подлинныхъ-же дѣлъ видно (Сбор. Рус. Ист. Общ. LXXI, стр. 461 и 613) что вопросъ этотъ не былъ рѣшенъ (на практикѣ) даже въ 1569 году. Замѣтимъ кстати, что здѣсь авторъ могъ-бы найти любопытныя подробности, характеризующія положеніе плѣнниковъ въ Москвѣ.

2) Хотя возможно было дать этому отдѣлу болѣе полноты. Такъ авторъ не вполнѣ использовалъ польскую историческую литературу. Напр. въ Львовскомъ изданіи Archiwum Ks. Sanguszkow въ IV томѣ напечатано соглашеніе И. Т. Мосальскаго и его жены Е. А. Сангушко съ ея братомъ о наслѣдствѣ 1536 г. (къ стр. 86 Рода Мосальскихъ) и письмо И. Б. Сапѣги къ кн. О. Б. Корецкому съ просьбой оборонять его «подданныхъ» отъ Мосальскаго, согласно королевскому приговору (къ стр. 96 сл. Рода Мосальскихъ).

мелочныя свѣдѣнія и можно лишь пожалѣть, что значительный кропотливый трудъ, положенный на это дѣло, останется безъ ощутительной пользы для науки, такъ какъ онъ въ своихъ результатахъ не вноситъ въ нее ничего новаго. Наиболѣе интересные документы, сообщаемые авторомъ, въ этомъ отдѣлѣ (стр. 57—63) опубликованы были уже ранѣе.

Вторая половина II главы (стр. 98—117) посвящена вопросу о положеніи Мосальскихъ, переселившихся въ Москву. Къ сожалѣнію, вопросъ этотъ разработанъ у автора гораздо слабѣе и недостаточнѣе, чѣмъ вопросъ предшествующій, и посвящено ему всего 19 страницъ противъ 56, отведенныхъ для исторіи Мосальскихъ въ Литвѣ. Объясняется это, конечно, между прочимъ скудостію матеріаловъ, коими располагалъ авторъ для этого отдѣла, — онъ не только не пользовался актами архивными, но и опубликованные матеріалы использованы имъ далеко не вполнѣ.

Прежде всего авторъ ставитъ весьма любопытный и въ историческомъ отношеніи вопросъ объ имущественномъ положеніи Мосальскихъ относительно ихъ родового удѣла — города Мосальска съ волостьми. По этому вопросу автору извѣстны только 3 документа: 1) духовная Ивана Грознаго 1572 г., въ которой говорится: «А князи Одоевскіе, Оболенскіе, Воротынскіе, Трубецкіе, Мосальскіе съ своими вотчинами служатъ сыну моему Ивану, а которые отъѣдутъ къ сыну моему Ѳедорову или инуды куды инбудь, и тѣхъ вотчины сыну моему Ивану»; 2) постановленіе 1562 г. объ ограниченіи порядка наслѣдованія и отчужденія тѣхъ же вотчинъ: «которыя вотчины за князьями Ярославскими, Стародубскими, Ростовскими, Суздальскими, Тверскими, Оболенскими, Бѣлозерскими, Воротынскими, Мосальскими, Трубецкими, Одоевскими и за иными служилыми князьями вотчины старинныя и тѣмъ княземъ вотчинъ своихъ не продавати и не мѣняти и за дочерьми своими и за сестрами въ приданое не давати, а котораго князя бездѣтна не станетъ и тѣ вотчины имати на государя»; и 3) одинъ документъ, въ которомъ говорится о кн. Мосальскихъ «изъ Мосальска».

На основаніи этихъ документовъ авторъ заключаетъ, что Мосальскіе, сдѣлавшись «князьями служебными, сохраняли еще въ своей фамиліи родовыя отчины, хотя на совершенно иныхъ правахъ владѣнія».

Документы, приведенные авторомъ, могутъ быть пополнены приведеннымъ нами выше мѣстомъ изъ договора 1522 г., которое имѣетъ совершенно тождественный характеръ съ цитированными у ген. Бранденбурга документами 1562 и 1572 г., и двумя записями въ боярской окладной книгѣ (7064) 1556 г., хранящейся въ Моск. главномъ Архивѣ М. И. Д.[1]),

1) Напечатана въ III кн. Архива Калачова. Тутъ-же ихъ оклады и количество выставлявшихся ими ратныхъ людей.

изъ которыхъ видно, что двое Мосальскихъ — Осипъ Дмитріевичъ[1]) Мосальскій и Иванъ Васильевичъ[2]) Литвинъ-Мосальскій владѣли въ Мосальскѣ на вотчинномъ правѣ — первый 1104 четвертями, а второй 660 (или 500) четвертями и на помѣстномъ — 85 и 400 четвертями. Подобныя же свѣдѣнія о помѣстьяхъ и вотчинахъ Мосальскихъ въ Мосальскѣ имѣются, какъ мы увидимъ ниже, и для XVII в. Сопоставляя всѣ эти документы, мы придемъ къ положительному заключенію, что Мосальскіе по переходѣ въ Московское государство оставались дѣйствительно, а не идеально только, вотчинными князьями въ Мосальскѣ и что тамъ же преимущественно они получали и помѣстья. Это явленіе, впрочемъ, вполнѣ соотвѣтствовало всей системѣ объединительной политики московскихъ государей въ XV—XVI в. Какъ извѣстно, политическое объединеніе Московскаго государства не сопровождалось немедленно административнымъ. Присоединенныя къ нему княжества (и вольные города) по многимъ дѣламъ долго управлялись особо и только мѣстныя ихъ учрежденія переносились въ Москву, становились мѣстными приказами. Если владѣтельный князь добровольно подчинялся Москвѣ, его обыкновенно оставляли владѣльцемъ всей его прежней вотчины и тамъ новый московскій слуга пользовался значительной долей своихъ прежнихъ владѣтельныхъ правъ. Въ еще большей, пожалуй, степени эта система примѣнялась къ владѣтельнымъ князьямъ, выходцамъ изъ Литвы. Такъ, въ 1493 г., когда московскіе воеводы взяли у Литвы Вязьму и князей Вяземскихъ привели въ Москву, великій князь ихъ «пожаловалъ ихъ же вотчиною Вязьмою и повелѣлъ имъ себѣ служити». Такимъ поступилъ онъ съ пріѣхавшимъ къ нему на службу кн. М. Мезецкимъ; но братья послѣдняго, насильно привезенные имъ въ Москву, были посланы имъ въ заточенье. То же было, повидимому, и съ князьями Одоевскими[3]) и, какъ заставляютъ предполагать документы, и съ Мосальскими. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что въ вотчинахъ Мосальскихъ произведена была уже въ началѣ XVI в. нѣкоторая перетасовка. Такъ, по духовному завѣщанію Ивана III, Недоходовъ былъ отданъ съ Мѣческими волостями кн. Дмитрію Ивановичу, а Ощитовъ съ Дорогобужскими волостями Василію. Притомъ о князьяхъ Мосальскихъ въ этомъ завѣщаніи не упоминается. Въ завѣщаніи Ивана IV о Недоходовѣ не упоминается, но Ощитовъ передается кн. Ивану. Повидимому, Недоходовъ и Ощитовъ оставались за потомствомъ кн. Владимира Юрьевича Мосальскаго и они были присоединены къ Московскому государству по праву завоеванія. Что же касается города Мосальска, то по духовной Ивана IV треть города отказана кн. Ивану:

1) № 45 по поколѣнной росписи автора.
2) № 64 по той же росписи.
3) Сб. Русск. Историч. Общ. XXXV.

«треть города Мосальска, княжъ Володимерскую Всеславля, съ волостями и съ путьми и съ селы и съ тамгами и со всѣми пошлинами, какъ было къ той трети изстари». Какимъ образомъ въ собственности московскаго царя оказалось лишь треть города и о какомъ здѣсь упоминается князѣ Владимирѣ — вопросъ чрезвычайно интересный[1]), но авторомъ онъ даже не замѣченъ.

При всемъ томъ, однако положеніе Мосальскихъ среди остальнаго дворянства московскаго было второстепенное,—имъ нужно было «выслужить» себѣ положеніе. Свѣдѣнія объ этихъ службахъ Мосальскихъ въ Москвѣ собраны ген. Бранденбургомъ довольно полно, хотя вслѣдствіе пользованія свѣдѣніями изъ вторыхъ рукъ, ему приходится иногда становиться въ затрудненіе передъ вопросами, отвѣты на которые найти было вовсе не такъ трудно. Такъ напр. сообщая по Щербатову, Карамзину и Соловьеву о посольствѣ Василія Мосальскаго въ Крымъ въ 1578 г. авторъ говоритъ (стр. 103) что «котораго (Василья) именно—рѣшить довольно трудно... въ подлинныхъ современныхъ документахъ, къ сожалѣнію, находимъ только одно имя князя Мосальскаго, безъ указанія отчества». Между тѣмъ можемъ удостовѣрить автора, что въ подлинныхъ современныхъ документахъ, именно въ Крымскомъ статейномъ спискѣ № 15 и въ Крымскихъ дѣлахъ 1579 г., хранящихся въ Моск. глав. Архивѣ М. И. Д. имя Мосальскаго—Василій Васильевичъ неоднократно упоминается. Кстати сдѣлаемъ по этому поводу два замѣчанія. Во первыхъ, въ числѣ источниковъ, которыми пользовался авторъ для опредѣленія отчества Василія Васильевича Мосальскаго указаны «Матеріалы для исторіи дворянскихъ родовъ въ Россіи» Спиридова, гдѣ посломъ въ Крымъ названъ Василій Михайловичъ Мосальскій-Рубецъ. Это одна изъ многочисленныхъ невѣрностей, которыми переполнена рукопись Спиридова, служившая однако однимъ изъ главныхъ источниковъ, которыми пользовался авторъ для своего изслѣдованія. Во вторыхъ, приводя свѣдѣніе Щербатова, что посломъ въ Крымѣ былъ Василій Васильевичъ Мосальскій, авторъ замѣчаетъ, что «если вѣрить Щербатову, то это былъ Василій Васильевичъ Мосальскій-Литвиновъ, такъ какъ В. В. Мосальскій-Кольцовъ въ 1577 г. уже умеръ.» Здѣсь у автора замѣчается въ выведенной имъ родословной нѣкоторая путаница. Для опредѣленія девяти князей Мосальскихъ, живщихъ въ половинѣ XVI в., мы имѣемъ вполнѣ точныя данныя въ указѣ 1550 года (который приведенъ у ген. Бранденбурга въ примѣчаніи 140 на стр. 100), и въ упомянутой нами выше Архивской разрядной книгѣ. Между тѣмъ эти данныя не сходятся съ родословіемъ,

1) Замѣтимъ, что по той же духовной Ивана IV, князь Мих. Воротынскій вѣдаетъ треть Воротынска да гор. Перемышль, Одоевъ, Новосиль... со всѣмъ потому какъ было изстари, а сынъ мой Иванъ въ то у него не вступается.

выведеннымъ у ген. Бранденбурга. Въ указѣ 1550 года перечисляются: Василій Кольцовъ да Андрей Семеновы дѣти Стараго Мосальскаго и князь Василій Усатова княжъ Семеновъ сынъ Мосальскаго. Въ родословной ген. Бранденбурга имъ могутъ соотвѣтствовать только №№ 36, 39 и 49 поколѣнной росписи, составленной авторомъ. И тутъ уже путаница. Въ указѣ два Василія Семеновича; чьи они дѣти? Одинъ изъ нихъ Василій Усъ или Усатый (№ 49) былъ сыномъ Семена Ивановича (№ 24) бывшаго воеводою московскимъ въ 1513 г. Василій же Кольцо или Кольцовъ Семеновъ превращенъ у ген. Бранденбурга подъ № 39 въ Василія Семенова Литвина, а Андрей Семеновъ подъ № 36 въ Васильевича [1]), при чемъ ему приписано прозвище Стараго, между тѣмъ какъ прозвище это, очевидно, относится къ его отцу Семену (Старому) Михайловичу (помѣченному у автора № 16), въ отличіе отъ Семена Ивановича № 24, тѣмъ болѣе, что этому прозвищу соотвѣтствовало и дѣйствительное старшинство обоихъ Семеновъ. Но этимъ дѣло не ограничивается и получаетъ далѣе очень курьезный оборотъ. Въ указѣ 1550 г. перечисляются далѣе Василій, Иванъ и Михайло княжъ Васильевы дѣти Мосальскаго-Литвинова. Очевидно, это дѣти Василія Михайловича № 15 (брата Семена Михайловича) и двоюродные братья Василія и Андрея Семеновичей, а между тѣмъ у ген. Бранденбурга они превращаются сначала въ Семеновичей (№№ 39, 40, 41), а потомъ уже въ Васильевичей (№№ 64, 65, 66) какъ сыновья мнимаго Василія Семеновича Литвина [2]).

Путаница эта не разъясняется и мотивированною родословною или поколѣнною росписью (ч. II сочиненія «Родъ Мосальскихъ»), составленною ген. Бранденбургомъ, такъ какъ и въ ней, напр., мы не находимъ Андрея Семеновича Мосальскаго, а нѣкоторыя данныя объ разсматриваемыхъ нами членахъ рода Мосальскихъ перепутаны, другія же (особенно заимствованныя у Спиридова) и прямо невѣрны. Поэтому обращаемся для сличенія къ другимъ родословіямъ Мосальскихъ, съ цѣлію возстановить при ихъ помощи правильную поколѣнную роспись, а затѣмъ провѣримъ ее хотя бы при помощи сообщенныхъ ген. Бранденбургомъ данныхъ. Съ этою цѣлью мы выбрали двѣ родословныхъ Мосальскихъ XVII вѣка; одну — напечатанную во Временникѣ Общ. Ист. и Др. Росс. т. X на стр. 200 [3]), а другую рукописную, въ извѣстномъ такъ называемомъ Лобановскомъ родословцѣ

---

1) Василій Семеновъ и Андрей Семеновъ Мосальскіе упоминаются еще въ поручной грамотѣ за Бѣльскаго 1562 г. (С. Г. Гр. и Д. № 176) и въ разрядныхъ книгахъ подъ 1556 и 1565 г. Василія Семеновича ген. Бранденбургъ считаетъ Усатымъ (№ 49), а объ Андреѣ мы у него свѣдѣній не находимъ.

2) Иванъ Вас. значится въ поручной записи за Бѣльскаго какъ Мосальскій-Литвиновъ, а авторъ называетъ Литвиномъ Ивана Семеновича и Василія Семеновича.

3) Хранится подлинникъ въ библіотекѣ Моск. глав. Архива М. И. Д.

XVII в., хранящемся въ библіотекѣ Москов. Глав. Архива М. И. Д. за № 173/278 in f° («Родословіе вел. князей и иныхъ родовъ многихъ», 1665 г.).

Приведемъ параллельно по этимъ родословцамъ и по поколѣнной росписи ген. Бранденбурга данныя объ интересующихъ насъ линіяхъ, именно Василія и Семена Михайловичей (№ 15 и 16)[1].

По росписи ген. Бранденбурга:	По родословцамъ Архивскимъ[2]:
Семенъ Михайловичъ (16).	
дѣти:	
Василій Литвинъ (39).	
Иванъ Литвинъ (40).	
Михаилъ (41) бездѣтный.	
и у Василія (39)	Василій Михайловичъ Литвинъ.
дѣти:	дѣти:
Иванъ (64).	Василій (39 и 65) бездѣтный.
Василій (65).	Иванъ Гнусъ (40 и 64).
Михаилъ (66).	Михаилъ (41 и 66) бездѣтный.
Василій Михайловичъ (15).	Семенъ Михайловичъ (№ 16).
дѣти:	дѣти:
Василій Кольцо (35).	Василій Кольцо (35).
Андрей (36), Романъ (37), Петръ (38) } бездѣтные.	Андрей (36), Петръ (38), Ѳедоръ (48?) } бездѣтные.
и у Василія Кольцо сынъ Владимиръ (63).	и у Василія Кольцо сынъ Владимиръ (63).

Такимъ образомъ по Архивскимъ родословцамъ отпадаетъ цѣлое колѣно №№ 64—66 росписи ген. Бранденбурга и тѣмъ не менѣе всѣ поименованные въ указѣ 1550 года Мосальскіе оказываются на лицо. Полагаемъ, что правильными и должны быть признаны именно росписи Архивскія въ этой, конечно, части родословія Мосальскихъ. У ген. Бранденбурга въ составленной имъ поколѣнной росписи приводятся, правда, различныя историческія свѣдѣнія для всѣхъ почти выведенныхъ имъ Мосальскихъ, въ томъ числѣ и для несуществовавшихъ №№ 64—66, но если провѣрить эти данныя, то одинъ изъ нихъ окажутся фантастическими, а другія неправильно распредѣленными. Такъ о Василіи Васильевичѣ № 35 говорится между

1) Потомства Дмитрія и Семена Ивановичей (№№ 23—24) во всѣхъ трехъ родословіяхъ сходятся.

2) Съ соотвѣтственными №№ поколѣнной росписи ген. Бранденбурга.

прочимъ: «Въ разрядахъ 1572 г. упомнинается на земскомъ дворѣ казначей князь Василій Мосальскій» и дается ссылка на Карамзина. Но на земскомъ дворѣ никакого казначея никогда не было, а у Карамзина сказано: «на земскомъ дворѣ Мятлевъ да Нагой; казначей кн. В. Мосальскій». Царскимъ казначеемъ (на казенномъ, а не на земскомъ дворѣ) дѣйствительно былъ въ это время Василій Мосальскій, но не Кольцо, а Литвиновъ[1]) и казначеемъ онъ оставался до самой своей смерти въ 1577 г. — «а сидѣлъ Мосальскій съ Олферьевымъ по смерть на казенномъ дворѣ», т. е. казначеемъ[2]). Какой же это былъ Василій Мосальскій? По нашему мнѣнію, это былъ не Василій Васильевичъ Михайловича, а его отецъ самъ Василій Михайловичъ, такъ какъ въ Лобановскомъ родословцѣ и въ указѣ 1550 года онъ названъ «Литвиномъ», а всѣ сыновья его, въ томъ числѣ и Василій значатся въ этомъ указѣ дѣтьми боярскими изъ Мосальска[3]). Наконецъ, по показанію самаго казначея Василія Мосальскаго, что онъ родился въ Литвѣ, онъ былъ дѣйствительнымъ «Литвиномъ». Затѣмъ, въ виду свидѣтельства разрядной книги Е. В. Барсова, что казначей Василій Мосальскій — Литвиновъ «по смерть сидѣлъ на казенномъ дворѣ», мы полагаемъ, что ген. Бранденбургъ неправильно относитъ къ нему свидѣтельство разрядной книги объ отправкѣ Василія Мосальскаго въ Ругодивъ въ 1573—1575 г. Хотя авторъ безъ разбора приписываетъ это самое извѣстіе и Василію Васильевичу и Василію Семеновичу Усу (№ 49), но въ разрядной книгѣ этотъ Ругодивскій воевода прямо названъ Василіемъ Васильевичемъ[4]). Слѣдовательно это былъ сынъ Василія Михайловича Литвина. Наоборотъ, къ этому же Василію Васильевичу № 35 должны быть отнесены свѣдѣнія, приведенныя авторомъ подъ Василіемъ Васильевичемъ № 65[5]).

Далѣе, свѣдѣнія, сообщаемыя о мнимомъ Андреѣ Васильевичѣ (№ 36) невѣрны. Головою въ казанскомъ походѣ могъ быть Андрей Семеновичъ.

Романа и Петра Васильевичей (№ 37 и 38) въ московскомъ спискѣ дѣтей боярскихъ третьей статьи не находится[6]).

Василій Семеновичъ (№ 39) невѣрно названъ Литвиномъ и къ нему невѣрно отнесены (на основаніи Спиридова?) ссылки на указъ 1550 г. и

---

1) См. у Лихачева, Разрядные дьяки стр. 464 сл. выписку изъ разрядной книги, принадлежащей Е. В. Барсову, Др. рос. вивл. XX и Лихачева стр. 223 прим.

2) Разрядная Е. В. Барсова (смотр. у Лихачева, 465).

3) Въ Литовской метрикѣ «зрадцею», т. е. выходцемъ въ Россію (ок. 1534 г.) значится только одинъ Василій. (Родъ Мосальскихъ, ч. I стр. 32).

4) Вивліоопка XIII стр. 450.

5) Въ выноскѣ 128 показано невѣрно стр. 97 вмѣсто 99.

6) Замѣтимъ, что списокъ этотъ 1550 г., какъ это и сказано вѣрно въ текстѣ I отдѣла на стр. 32, 100—101, а въ росписи подъ №№ 45, 36—39, 41, 46, 47, 49, 64—66 вездѣ онъ датированъ почему-то 1551 годомъ (согласно съ датировкою его у Спиридова?) Вмѣсто девятерыхъ Мосальскихъ, значащихся въ этомъ спискѣ, въ поколѣнной росписи ген. Бранденбурга ихъ оказывается 13.

на описаніе свадьбы царя Симеона: въ указѣ 1550 г. прямо названъ Василій *Кольцовъ* Семеновъ Мосальскій, а въ описаніи свадьбы царя Симеона (Вивл. XIII, 59) Василій княжъ Семеновъ сынъ Кольцо Мосальскій.

Свѣдѣнія объ Иванѣ Семеновичѣ (№ 40) и Михаилѣ Семеновичѣ (№ 41) слѣдуетъ частію соединить со свѣдѣніями объ Иванѣ и Михаилѣ Васильевичахъ (№ 64 и 66), частью же отнести къ Ивану и Михаилу Семеновичамъ (№ 51 и 52). Кстати замѣтимъ, что въ М. гл. Архивѣ М. И. Д. хранится «книга Веневская Городенскаго посада и церковныхъ и велик. князя дворцовыхъ селъ, письма и мѣры кн. Ивана Васильевича Мосальскаго съ товарищи лѣта 7080 (1572) году».

Здѣсь же пропущенъ Андрей Семеновичъ Михайловича, бывшій воеводою на Соловѣ и на Пловѣ въ 1556 и 1564 г.[1]) и показанный въ числѣ поручителей за Бѣльскаго въ 1562 г. и въ числѣ дворянъ 1-й статьи, участвовавшихъ въ земскомъ соборѣ 1566 г.[2]).

Данныя о Оедорѣ Семеновичѣ (№ 48), почерпнутыя авторомъ у Спиридова, невѣрны. Они относятся къ только что упомянутому нами Андрею Семеновичу[3]). Кромѣ того, по поводу двухъ Оедоровъ Семеновичей, показанныхъ у ген. Бранденбурга подъ № 48 и 50, какъ сыновья Семена Ивановича, нужно замѣтить, что въ Лобановскомъ родословцѣ у кн. Семена Ивановича показанъ только одинъ сынъ имени Оедора — Ѳедоръ Черный (№ 48); но вмѣстѣ съ тѣмъ показанъ сынъ Ѳедоръ у Семена Михайловича (№ 36), котораго въ родословной росписи ген. Бранденбурга нѣтъ. Гораздо естественнѣе принять указаніе Лобановскаго родословца, чѣмъ допускать двухъ сыновей одного имени у Семена Ивановича, какъ то дѣлаетъ ген. Бранденбургъ.

О Василіи Семеновичѣ № 49 мы уже говорили выше. Здѣсь замѣтимъ еще, что свѣдѣніе, сообщаемое на основаніи Спиридова, объ участіи его на свадьбѣ короля Арцымагнуса, въ описаніи этой свадьбы (Вивліоѳика XIII) не находитъ подтвержденія.

Наконецъ, свѣдѣнія объ несуществовавшихъ сыновьяхъ Василія Семеновича Иванѣ и Михаилѣ (№ 64 и 66) должны быть отнесены, какъ мы уже замѣтили выше, къ № 51 и 52.

Итакъ, изъ разсмотрѣнія всѣхъ этихъ данныхъ мы имѣемъ, кажется, право рѣшить вопросъ о Василіи Васильевичѣ Мосальскомъ, посылавшемъ въ 1578 г. въ Крымъ, въ пользу Василія Васильевича Михайлова Мосальскаго Литвинова.

---

1) Вивліоѳика XIII (разряды) и Сибирск. Сборникъ (разряды).
2) С. Г. Гр. и Д. I № 192 стр. 550.
3) Вивліоѳика XIII стр. 377, 407, 430, 440.

Для исторіи и характеристики положенія Мосальскихъ въ Москвѣ въ XVI в. авторъ разсказываетъ по Карамзину и Соловьеву содержаніе посольства Мосальскаго въ Крымъ и перечисляетъ (стр. 103) историческія событія, въ которыхъ Мосальскіе принимали участіе, какъ-то: земскій соборъ 1566 года, избраніе на царство Бориса Годунова въ 1598 г., а также свѣдѣнія о военныхъ службахъ различныхъ членовъ рода Мосальскихъ. Никакихъ новыхъ историческихъ фактовъ мы тутъ не находимъ; нѣтъ даже сколько-нибудь интересныхъ подробностей. Къ тому же всѣ эти мелкіе факты выбраны изъ печатныхъ источниковъ, при чемъ нѣкоторыя противорѣчія оставлены невыясненными [1]), а нѣкоторыя свѣдѣнія сообщаются невѣрно. Такъ въ родословной росписи подъ №№ 83 и 84 два Владимира Ивановича Клобуковъ и Горбатовъ оба показаны воеводами въ Воронежѣ въ 1592 г., между тѣмъ какъ дѣйствительно тамъ былъ воеводой Владиміръ Клобуковъ, переведенный въ слѣдующемъ году въ Шацкъ. О Ѳедорѣ Александровичѣ Гладышѣ (№ 79) говорится, что онъ въ 1577 г. былъ въ Кашинѣ, «а затѣмъ былъ головою въ передовомъ полку въ походѣ подъ Колывань»; между тѣмъ это назначеніе его въ головы состоялось въ сентябрѣ 1576 г. (7085), а собираться войску приказано было за недѣлю до Рождества [2]).

Весьма мало правдоподобными кажутся намъ и подвиги въ Сибири, приписываемые авторомъ Ивану Владимировичу князю Кольцову Мосальскому (№ 95). Именно, онъ несомнѣнно лично участвовалъ въ февралѣ 1598 г. въ избраніи на царство Бориса Годунова, такъ какъ расписался на грамотѣ объ избраніи не только за себѣ, но и за брата родного, Андрея [3]). И «въ томъ-же году, — по свѣдѣнію автора, почерпнутому у Спиридова, — показанъ воеводой въ Тарѣ (въ Сибири) и нанесъ сильное пораженіе хану Кучуму». Пораженіе это нанесено, по свѣдѣніямъ автора, весною 1598 г. (стр. 111) [4]), слѣдовательно выходитъ, что герой этого пораженія одновременно находился и въ Москвѣ, и за нѣсколько тысячъ верстъ отъ нея [5]). Такая непостижимая даже для нашего времени быстрота перемѣщенія не поколебала однако у автора довѣрія къ тому источнику, изъ котораго

---

1) Смотр. напр. выноски 162 и 165 на стр. 111 и 112.

2) Вибліоѳика XIV стр. 318—319 и 321.

3) А. А. Э. II № 7 стр. 52. Онъ здѣсь названъ Солнцовымъ-Мосальскимъ, какъ и отецъ его Владиміръ Васильевичъ (стр. 44).

4) Дѣйствительно, въ январѣ 1599 г. уже состоялся въѣздъ въ Москву взятой въ плѣнъ семьи Кучума. Ср. впрочемъ Ак. Ист. II № 1, 2, 5.

5) Замѣтимъ, впрочемъ, что и о Владиміръ Васильевичѣ Кольцовѣ (№ 63) имѣется свѣдѣніе, что онъ съ 1591 г. былъ воеводой въ Данковѣ и оттуда схожимъ воеводой въ передовомъ полку (Сибир. Сбор. стр. 112 и 113) — свѣдѣніе неизвѣстное, правда, автору, но заставляющее нѣсколько усумниться въ точности сообщаемой авторомъ даты его побѣды надъ Кучумомъ — 1 августа 1591 г. (Родъ Мосальскихъ ч. I стр. 110).

онъ почерпнулъ столь поразительное извѣстіе и онъ ограничивается примѣчаніемъ (162), что Карамзинъ, — (основывавшій свои свѣдѣнія на первоисточникахъ)[1] — «называетъ виновникомъ пораженія Кучума Воейкова». Не правильнѣе ли было бы отнести въ примѣчаніе извѣстіе о Мосальскомъ? По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ Иванъ Владимировичъ Мосальскій прибылъ въ Тару на воеводство лишь въ 1601 г.[2]). Съ другой стороны, авторъ лишь вскользь упомпнаетъ (ч. II стр. 48 № 95) о бытности П. В. Мосальскаго въ 1611 г. въ столыпкахъ въ Сибири (на основаніи Спиридова)[3]), между тѣмъ какъ извѣстно, что съ 1610 г. онъ былъ вторично воеводою въ Тарѣ и велъ переговоры съ калмыками, присвоившими себѣ право владѣнія соляными озерами, которыми пользовались до того времени тарскіе казаки и вообще причиняли большой вредъ тарскому уѣзду грабежами[4]).

Таковы случайно бросившіяся намъ въ глаза и попавшія подъ руку несообразности и неточности въ сообщаемыхъ авторомъ фактахъ. Все это, конечно, мелочи, но изъ этихъ мелочей состоитъ вся книга ген. Брандепбурга и единственно въ точности и правильности этихъ собранныхъ авторомъ мелочныхъ фактовъ и могла бы заключаться нѣкоторая цѣнность его сочиненія.

За недостаткомъ матеріаловъ авторъ отказывается выслѣдить какія-либо черты объ отношеніяхъ членовъ рода Мосальскихъ между собою и объ ихъ частномъ бытѣ. Онъ сообщаетъ лишь прозвища, которыя даны были нѣкоторымъ Мосальскимъ и о распаденіи рода на нѣсколько вѣтвей, къ которымъ перешли и эти прозвища для отличія одной отъ другой. Замѣтимъ здѣсь кстати, что Ивану Дмитріевичу (№ 47) авторъ присвоиваетъ прозваніе «Клубокъ», вѣроятно, на томъ основаніи, что отъ него произошли Клубковы-Мосальскіе. Но старыя родословныя даютъ ему прозваніе не «Клубокъ» (прозваніе безсмысленное), а «Клобукъ» и первоначально его потомство именовалось Клобуковыми, — напр. такъ они названы въ грамотѣ объ избраніи Бориса Годунова. Любопытно, что въ этой же грамотѣ Владимиръ и Иванъ Кольцовы-Мосальскіе названы и расписались какъ Солнцевы-Мосальскіе[5]).

Въ заключеніе этого отдѣла ген. Брандепбургъ говоритъ[6]): «Несмотря на такое (сильное) размноженіе и распаденіе Мосальскихъ на вѣтви съ разными прозвищами, единство ихъ рода въ Россіи, повидимому, удержива-

---

1) Документы, которыми онъ, повидимому, пользовался, напечатаны во II т. Актовъ Историческихъ.

2) Миллеръ, Вѣд. о воевод. (М. Гл. Арх. М. И. Д. № 505, I тетр. 3).

3) Объ этомъ свидѣтельствуетъ и боярскій списокъ 7119 г. (Древ. Росс. Вивл. III. IX).

4) Смотр. напр. Андріевича, Ист. Сибири, I, 102 и Др. Р. Вивл. IX стр. 226, № 45.

5) А. Арх. Эксп. II № 7 стр. 44 и 52. Не ошибочное ли это чтеніе?

6) Родъ Мосальскихъ стр. 115.

лось болѣе, нежели то мы видѣли въ Литвѣ. Хотя прямыхъ фактовъ о подобной солидарности до насъ не сохранилось, но это можно до извѣстной степени заключить изъ нѣкоторыхъ косвенныхъ указаній, обнаруживающихъ взглядъ современниковъ на весь родъ Мосальскихъ, какъ на нѣчто цѣлое, сохранявшее связь между своими многочисленными представителями». Такимъ косвеннымъ указаніемъ авторъ считаетъ дѣло о мѣстничествѣ Пушкина съ Плещеевымъ, въ которомъ Плещеевъ ссылался на то, что князь Василій Рубецъ-Мосальскій «больше» Пушкина двумя мѣстами, а князь Владиміръ Кольцовъ Мосальскій «въ роду своемъ» больше кн. В. Рубца восемью мѣстами. «Такимъ образомъ здѣсь видна общая для всѣхъ Мосальскихъ связь родового старшинства, — заключаетъ авторъ, — едва ли имѣвшая бы мѣсто при полномъ разъединеніи различныхъ вѣтвей цѣлаго рода». Такое мнѣніе автора однако совершенно ошибочно и обнаруживаетъ полное незнакомство его съ институтомъ мѣстничества и съ различными его видами. Ему неизвѣстно, очевидно, что какъ въ государственной службѣ, такъ и во всякомъ родѣ, между его членами отъ родоначальника считались мѣста по нисходящей и боковымъ линіямъ по старшинству, независимо отъ личныхъ отношеній между членами рода [1]). Лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ можно напасть въ мѣстническихъ счетахъ на такое заявленіе, что такіе-то де «прежде въ родствѣ лѣствицею не считывались, потому что разошлись отъ прародителей далече» [2]). Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Плещеевъ для своихъ мѣстническихъ счетовъ прибѣгнулъ къ счету мѣстъ въ родѣ Мосальскихъ и — конечно — во всемъ родѣ ихъ, а не въ одной только линіи. Авторъ совершенно вѣрно замѣчаетъ далѣе по тому же поводу, что изъ этихъ случаевъ мѣстничества Мосальскихъ съ другими видно, что «въ описываемое время князья Мосальскіе вошли уже вполнѣ въ общій уровень всего тогдашняго русскаго дворянства и были уже чужды какихъ-либо традиціонныхъ родовыхъ преданій, — они наравнѣ съ прочими мѣстничаются съ разными лицами, одинаково и послѣднія въ свою очередь завязываютъ споры съ самими Мосальскими». Авторъ даже какъ бы сѣтуетъ на нихъ, что они «не становились выше мелкихъ счетовъ мѣстничества», что «мелочное самолюбіе находило себѣ исходъ въ полученіи какой-нибудь невмѣстной грамоты съ какимъ-нибудь Пушкинымъ» и что «измелчавшіе интересы потомковъ Михаила св. довольствовались уже и этимъ». Но эти сѣтованія совершенно неосновательны. По крайней мѣрѣ изъ книги ген. Бранденбурга вовсе не видно, чтобы эти потомки св. Михаила своими государственными заслу-

1) См. напр. Маркевича Исторію мѣстничества (стр. 121, 452 — 457, 468 сл.) и его же: о мѣстничествѣ.

2) Погодинъ, О мѣстничествѣ (Р. Ист. Сб. III, 377 и Р. Ист. Сбор. II, 297).

гами достойны были какого-то исключительнаго положенія,—быть можетъ, и справедливъ упрекъ имъ въ мелочномъ самолюбіи, но эта мелочность соотвѣтствовала ихъ заслугамъ.

Впрочемъ, этотъ упрекъ автора Мосальскимъ въ недостаткѣ генеалогическаго тщеславія объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что подавленный количествомъ мелочныхъ извѣстій о службахъ различныхъ членовъ этого рода, онъ не обратилъ вниманія на ихъ качество для оцѣнки общественнаго и служебнаго положенія Мосальскихъ въ Москвѣ въ XVI вѣкѣ, подобно тому, какъ не видѣли мы такой оцѣнки и для литовско-польскихъ Мосальскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, участіе нѣсколькихъ членовъ рода Мосальскихъ въ земскомъ соборѣ 1566 г. или въ избраніи Бориса Годунова ровно ничего не доказываетъ, такъ какъ въ обоихъ этихъ событіяхъ принимали участіе наличные въ то время въ Москвѣ представители всѣхъ привиллегированныхъ сословій. Гораздо любопытнѣе и поучительнѣе обращеніе къ косвеннымъ свидѣтельствамъ. Такъ, мы видимъ, что въ указѣ 1550 г. перечислено не менѣе 9 членовъ рода Мосальскихъ изъ всѣхъ его линій и всѣ они числятся «дѣтьми боярскими», т. е. боярами по происхожденію, по «родословному отечеству», но не по разрядамъ [1]). Оно и понятно,—при огромномъ наплывѣ въ XVI в. въ объединявшееся московское государство княжескихъ родовъ, въ бояре выходили преимущественно представители лишь знатнѣйшихъ изъ нихъ. Въ Москвѣ охотно принимали всякаго, кто пріѣзжалъ на службу вел. князя московскаго, но онъ получалъ мѣсто по личнымъ качествамъ, какъ они цѣнились въ Москвѣ, держался на этомъ мѣстѣ, падалъ или поднимался по личнымъ заслугамъ или личной удачѣ, вообще вступалъ въ личныя отношенія къ принявшему его хозяину. Понятно, что рядомъ съ какимъ-нибудь М. Воротынскимъ и Н. Одоевскимъ, которые даже при Иванѣ IV по свидѣтельству Курбскаго «велія отчины подъ собою имѣли, а колико тысящъ съ нихъ, не чту, воинства было слугъ ихъ», которыхъ они сами набирали, вооружали и содержали, Мосальскіе совершенно стушевывались. Но вскорѣ и эти личные договоры пришлыхъ служебныхъ элементовъ отступаютъ на второй планъ; вслѣдствіе массоваго прилива новыхъ слугъ на мѣсто личнаго ряда въ опредѣленіи служебнаго положенія ихъ должно было явиться уложеніе, общая норма служебной іерархіи въ Москвѣ. Первоначально установилось общее правило, что бывшій удѣльный (теперь—служилый) князь становится выше нетитулованнаго, хотя бы и родовитаго и заслуженнаго боярина. Но между

1) Въ цитированной нами выше боярской окладной книгѣ 1556 (7064) г. двое изъ нихъ: Іосифъ Дмитріевичъ (№ 45) и Иванъ Васильевичъ (№ 61) значатся: первый въ 20-й статьѣ съ окладомъ на его голову въ 12 рублей, да на людей его съ земли 3 рубли, а второй въ 18-й статьѣ съ окладомъ по 17 рублевъ. (М. глав. Арх. М. И. Д. № 1 л. 75 и 137).

самими служилыми князьями — потомками удѣльныхъ — порядокъ служебной іерархіи распредѣлялся при этомъ по качеству столовъ, на которыхъ сидѣли ихъ владѣтельные предки. Мало того, уже къ началу XVI в., когда исчезли послѣднія самостоятельныя княжества, въ спискѣ московскаго Разряда накопилось много такихъ удѣльныхъ князей, которые перешли въ Москву не прямо съ удѣльныхъ столовъ,— которые раньше этого уже успѣли сдѣлаться слугами другихъ такихъ же удѣльныхъ князей, какими были прежде они сами. Строгое примѣненіе указаннаго выше правила къ такому случаю уничтожало іерархическія преимущества, вытекавшія изъ княжескаго происхожденія: нетитулованный бояринъ, служившій московскому великому князю, становился выше князя, служившаго до перехода въ Москву князю удѣльному[1]). Мы упомянули выше о мѣстническомъ спорѣ 1572 г. думнаго дворянина дьяка Р. В. Алферьева, противъ назначенія его товарищемъ казначея В. В. Мосальскаго Литвинова. Жалуясь на униженіе, Алферьевъ главнымъ доказательствомъ служебнаго превосходства своего рода предъ князьями Мосальскими приводилъ то, что «мы (Алферьевы), холопи твои, искони вѣчные ваши государскіе, ни у кого не служивали окромя васъ, своихъ государей, а Мосальскіе князи служили Воротынскимъ княземъ, — кн. Ив. Мосальскій-Колода служилъ кн. Ив. Воротынскому, были ему приказаны собаки (т. е. онъ былъ у него ловчимъ, путнымъ боярином ловчаго пути), а и иные Мосальскіе служили у нихъ же». И кн. Мосальскій призналъ силу этого доказательства, заявивъ, что онъ счету съ Романомъ не держитъ никотораго, такъ какъ родства не помнитъ, потому что родился въ Литвѣ. Мало того, Алферьевъ выражалъ даже сомнѣніе въ княжескомъ достоинствѣ этихъ потомковъ св. Михаила, заявляя, что «не вѣдаетъ, почему Мосальскіе князья и кто они». И все это во второй половинѣ XVI вѣка.

Имѣемъ и другія указанія на общественное положеніе Мосальскихъ въ Москвѣ въ это время. Такъ, изъ числа Мосальскихъ, участвовавшихъ въ соборѣ 1566 г., одинъ только Андрей Семеновичъ (№ 31) значится въ дворянахъ 1-й статьи, а его племянники — Осдоръ Осиповичъ, Осдоръ и Михаилъ Александровичи, Левъ Ивановичъ Клобуковъ и Владимиръ и Дмитрій Ивановичи Горбатовы всѣ въ дворянахъ 2-й статьи. Далѣе въ I т. Актовъ Московскаго Государства[2]) подъ № 26 въ «Спискѣ бояръ, окольничихъ и дворянъ, которые служатъ изъ выбора, 85 (1577) года», мы находимъ въ числѣ дворянъ: кн. Дмитрій князь Васильевъ сынъ Горбатово-Мосальской, кн. Иванъ князь Даниловъ сынъ Клубковъ-Мосальскій, кн.

---

1) См. Ключевскаго, Боярская дума.
2) Изд. Акад. Наукъ, 1890 стр. 41.

Иванъ княжъ Львовъ сынъ Клубковъ-Мосальскій, и кн. Василій княжъ Осдоровъ сынъ Олександровъ Мосалской. Двое первыхъ зачеркнуты съ помѣтою «измѣнилъ», а къ двумъ послѣднимъ только прибавлена помѣта: «измѣнилъ». Когда сдѣланы эти помѣты — опредѣлить трудно, такъ какъ при нѣкоторыхъ другихъ именахъ встрѣчаются въ этомъ спискѣ помѣты 105 и даже 115 г. По всей вѣроятности, интересующія насъ помѣты о Мосальскихъ относятся къ концу царствованія Годунова, а можетъ быть, даже Шуйскаго, такъ какъ всѣхъ этихъ Мосальскихъ мы находимъ въ числѣ приверженцевъ второго самозванца. Даже въ концѣ XVI в., при избраніи Годунова, Мосальскіе, въ томъ числѣ и наиболѣе выдающійся и заслуженный изъ нихъ — Владимиръ Васильевичъ Кольцовъ, числятся еще простыми дворянами, а трое — Иванъ Львовичъ и Иванъ и Андрей Владимировичи Кольцовы — даже въ числѣ жильцовъ[1]). И не ранѣе 1605—1606 г., при Самозванцѣ мы впервые встрѣчаемъ *бояръ* Мосальскихъ — Василія Михайловича Рубца[2]) и Владимира Васильевича Кольцова. При такихъ условіяхъ, понятно, для Мосальскихъ представлялось довольно труднымъ мѣстничаться съ старинными московскими родами. Напротивъ, разные Алферьевы, Пушкины не хотятъ равняться по службѣ съ Мосальскими, считая себя выше послѣднихъ. И лишь Владимиру Мосальскому-Кольцову удается понемногу выдвинуть свой родъ впередъ: въ 1591 г. онъ считаетъ уже невмѣстнымъ для себя быть меньше кн. Ромодановскаго[3]), а въ 1593 г. велѣлъ государь быть кн. Владимиру Мосальскому больши кн. Ивана Елецкова и кн. Ив. Вяземскова[4]).

Вообще было бы весьма интересно подробнѣе прослѣдить и точнѣе опредѣлить положеніе, занимавшееся Мосальскими по мѣстническимъ счетамъ относительно другихъ московскихъ родовъ съ одной стороны и относительно ихъ сородичей, потомковъ другихъ верховскихъ князей — выходцевъ въ Москву. Именно въ разсматриваемое время (въ XVI в.) такое изслѣдованіе могло бы дать нѣкоторые любопытные и въ научномъ историческомъ отношеніи вообще, и для исторіи Мосальскихъ результаты. Но, къ сожалѣнію, авторъ на эту сторону вопроса не обратилъ ни малѣйшаго вниманія.

---

1) Дворцовой стражи и военной свиты царя.

2) По отзыву посла князя Волконскаго, посланнаго въ Польшу отъ царя Василія Шуйскаго,—«князь Василій Мосальскій (Рубецъ) до того вора до растриги былъ рядовой человѣкъ въ дворянехъ, а какъ пришелъ къ Путимлю воръ растрига, а тотъ кн. Василій въ тѣ поры былъ въ Путивлѣ въ головахъ и тотъ воръ далъ боярство». (М. гл. Арх. М. И. Д., Польск. стат. сп. № 26).

3) Ромодановскій былъ потомкомъ кн. Стародубскихъ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ жалоба Кольцова не была уважена (См. Синбирск. Сбор. стр. 123).

4) Лихачевъ, Разряди. дьяки, 508.

III глава книги ген. Бранденбурга (стр. 118 слѣд.) посвящена исторіи Мосальскихъ въ XVII в. и, подобно предшествовавшей, раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ одна посвящена Мосальскимъ польско-литовскимъ, а другая — русскимъ.

Прежде всего авторъ разсматриваетъ положеніе Мосальскихъ въ Польско-литовскомъ государствѣ въ отношеніи религіи. При этомъ оказывается, что «значительная часть» рода Мосальскихъ неуклонно держалась религіи предковъ, но «не мало было уже членовъ его, не только принявшихъ латинство, но даже фанатически преданныхъ ученію католической церкви» (стр. 119 и 125). Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія авторъ приводитъ примѣръ 9 членовъ православныхъ, изъ коихъ одинъ, впрочемъ, умеръ католикомъ (№ 148), а дѣти другого (№ 102) тоже приняли католицизмъ (№ 125—127) и 9 членовъ католиковъ, хотя сюда же слѣдовало бы отнести между прочимъ не одного только Януша Михайловича (№ 89), а все потомство Михаила Богушевича (№ 54), т. е. и братьевъ Януша—Богдана и Фридриха и ихъ дѣтей (№№ 118, 119, 136—143, 87, 114—116, 131—135, 88, 93 и 94) и, вѣроятно, еще и другихъ. Принимая во вниманіе это обстоятельство, а также нѣкоторыя данныя, сообщаемыя самимъ авторомъ [1]) и, главнымъ образомъ, свидѣтельство Мелетія Смотрицкаго, относящееся къ началу XVII в. (къ 1610 г.), трудно будетъ согласиться съ мнѣніемъ автора, что даже въ первой половинѣ этого вѣка «еще значительная часть рода Мосальскихъ неуклонно держалась религіи своихъ предковъ».

Далѣе слѣдуетъ у автора характеристика «роли кн. Мосальскихъ въ государственномъ строѣ Литвы», состоящая, впрочемъ, изъ голаго перечня должностей, въ какихъ состояли различные члены этого рода, и нѣкоторыхъ историческихъ событій, въ которыхъ они принимали участіе. Историческое значеніе этихъ событій и участія въ нихъ Мосальскихъ остается, впрочемъ, неразъясненнымъ. Видно только, что шестеро Мосальскихъ участвовали въ избраніи на царство бывшаго іезуита и кардинала Яна Казимира, а одинъ — въ варшавской конвокаціи 1632 г. по вопросу между прочимъ о правахъ диссидентовъ; наконецъ, совершенно невыяснена историческая подкладка дѣйствительно «любопытнѣйшаго» документа 1700 г. (стр. 131) въ пользу установленія наслѣдственной неограниченной королевской власти Августа II. Дѣло въ томъ, что какъ этотъ актъ, который авторъ объясняетъ консервативною привязанностью извѣстной части литовскаго дворянства къ порядкамъ временъ Гедимина, Ольгерда и Ягайла, такъ и другой 1697 г., о такъ называемой коэкваціи правъ литовскаго дворянства съ правами дворянства польскаго, находящійся, по мнѣнію автора (стр. 130)

1) Напр. завѣщаніе Ганны Мосальской (стр. 123).

въ прямомъ противорѣчіи съ первымъ, имѣли въ дѣйствительности одинъ и тотъ же общій источникъ: соперничество въ Литвѣ двухъ партій — Сапѣговъ и Огинскихъ, характеризующее исторію Литвы въ концѣ XVII в. Противниками Сапѣговъ потребована была и достигнута въ 1697 г. коэквація правъ, содержавшая между прочимъ ограниченіе гетманской власти, а съ другой стороны обѣ враждовавшія партіи искали опоры другъ противъ друга въ лицѣ короля Августа II. Мосальскіе и вся мелкая шляхта литовская принадлежали къ партіи Огинскихъ, одержавшей 18 ноября рѣшительную побѣду надъ Сапѣгами при Олькеникахъ [1]). Впрочемъ, политической и исторической характеристики рода Мосальскихъ въ Польшѣ и Литвѣ мы въ этомъ отдѣлѣ «Рода Мосальскихъ» вообще не находимъ.

Слѣдующая затѣмъ группа извѣстій (стр. 141 сл.) касается участія различныхъ членовъ рода Мосальскихъ во внѣшнихъ событіяхъ Польско-литовскаго государства въ XVII в., и именно въ отношеніяхъ Польши къ Россіи. Здѣсь авторъ разсказываетъ о посольствѣ Олесницкаго и Гонсѣвскаго отъ короля Сигизмунда къ Лжедимитрію (1606 г.), въ которомъ участвовалъ въ «королевскихъ дворянахъ» одинъ изъ Мосальскихъ. Объ этомъ посольствѣ, т. е. цѣли его, въ русскихъ оффиціальныхъ источникахъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній, такъ какъ, по заявленію пословъ Василія Шуйскаго къ Сигизмунду, «съ чѣмъ пришли къ тому вору (самозванцу) отъ вашего государя послы, того сенаторемъ ничего не вѣдомо и въ посольскомъ приказѣ того не объявилось и были государя вашего послы у того вора въ хоромѣхъ наединѣ, сенаторей въ тѣ поры никого не было-жъ, только одинъ былъ его совѣтникъ и московскаго государства измѣнникъ Петръ Басмановъ и что было отъ короля съ тѣми послы къ тому вору растриглѣ грамотъ и что ихъ посолство, того ничего сенаторемъ тотъ воръ объявити не велѣлъ» [2]). Поэтому авторъ правильно заимствовалъ свѣдѣнія объ этомъ посольствѣ изъ польскихъ печатныхъ источниковъ. Но такъ какъ онъ ими одними и ограничился, то ему осталась неизвѣстна дальнѣйшая судьба этого посольства послѣ убійства Лжедимитрія и вступленія на престолъ Василія Шуйскаго. Онъ ограничивается замѣчаніемъ (стр. 142) что «послѣ трагической смерти самозванца посольству пришлось еще долго оставаться въ предѣлахъ Россіи въ видѣ заложниковъ за безопасность пословъ русскихъ, отправленныхъ къ Сигизмунду». Между тѣмъ имѣются полныя свѣдѣнія и объ окончаніи этого посольства. Именно, въ отвѣтъ на посольство Волкопскаго (отъ царя Василія Шуйскаго) въ Москву прибыли

1) Краткій очеркъ событій въ Литвѣ въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. смотр. напр. у Szujski, Dzieje Polski, IV § 49—51, 54, 56.

2) М. гл. Архивъ М. И. Д. Польск. стат. спис. 1606 № 26 л. 80 об. и 282, и Польск. дѣла 1607 № 2.

отъ Сигизмунда посланники Витовскій и кн. Друцкій-Соколинскій съ новою вѣрющею грамотою Олесницкому и Госевскому, вслѣдствіе чего 28 января 1608 г. послѣдніе были приняты въ торжественной аудіенціи царемъ Василіемъ и съ ними возобновились переговоры. На этой аудіенціи съ послами былъ и «дворянинъ королевскій» кн. Александръ Мосальскій. Послы и Мосальскій были пожалованы къ царской рукѣ и поднесли царю помники: Олесницкій — золотую пкону, запану съ алмазами и жемчугомъ, золоченые часы, рукомойникъ и лахань серебряные и золотую цѣпь; Госевскій — 2 кубка серебряныхъ и бураго жеребца, а Мосальскій — кубокъ двойчатый серебряный золоченый и сѣраго турецкаго коня. Послѣ долгихъ переговоровъ, 28 іюня 1608 г. съ послами заключено было перемиріе на $3^1/_2$ года, послѣ чего они уѣхали изъ Москвы [1]).

Въ заключеніе авторъ перечисляетъ тѣхъ изъ Мосальскихъ, о которыхъ имѣются свѣдѣнія, что они участвовали въ войнахъ съ Россіею. Въ дополненіе къ этимъ, впрочемъ, мало интереснымъ и мелочнымъ свѣдѣніямъ можно прибавить извѣстіе о кн. Степанѣ (Япушевичѣ? № 117) Мосальскомъ, что въ 1633 г. онъ былъвъ польскомъ войскѣ и понесъ пораженіе отъ русскихъ [2]) и что въ 1632 г. какой-то князь «Микулай» Мосальскій, полякъ, перешелъ изъ Мстиславлявъ Мосальскъ, а оттуда отправленъ или отправился въ Москву [3]). Наконецъ, имѣется свѣдѣніе и о Николаѣ Мосальскомъ (№ 61), бывшемъ въ Московскомъ плѣну въ 1660 г. Именно, въ столбцахъ Сибирскаго приказа Глав. Архива Министт. Юстиціи имѣются [4]) два дѣла 168 и 169 (1660 и 1661) годовъ, изъ которыхъ видно, что въ январѣ 1661 г. по государевѣ грамотѣ присланы были съ Москвы въ Тобольскъ ссыльные польскіе и литовскіе и нѣмецкіе люди 58 человѣкъ и тобольскому воеводѣ кн. Хилкову велѣно ихъ разобрать и поверстать въ государеву службу, кто въ какую пригодится и оклады имъ государева жалованья денегъ и хлѣба и соли велѣно учинить по своему разсмотрѣнію; а кому изъ нихъ, ссыльныхъ людей, въ чемъ быть въ Тобольску, и тѣмъ быть въ Тобольску, а достальныхъ послать въ сибирскіе дальніе городы. Плѣнные расписаны были Хилковымъ по прежнимъ примѣрамъ въ дѣти боярскіе съ денежнымъ окладомъ въ 11 руб., въ казаки конные съ окладами въ 8—6 р. и въ казаки пѣшіе съ окладами въ 5 — 4 р. Группа ссыльныхъ польскихъ и литовскихъ людей состояла изъ ротмистра Яна Невѣровскаго и еще шести шляхтичей, въ томъ числѣ Микулая Мосальскаго, — они посланы въ Томскъ, а государева

---

1) М. гл. Арх. М. И. Д. Польск. дѣла 1608 № 1.

2) Акты Моск. Государства, I стр. 476 и 480.

3) Тамъ же № 401. Этого Николая мы въ родословной росписи ген. Бранденбурга не находимъ — (это не № 61).

4) За сообщеніе настоящей справки приносимъ благодарность С. А. Бѣлокурову.

служба велѣно имъ служить ротмистру Яну въ дѣтехъ боярскихъ, а остальнымъ въ литовскомъ спискѣ въ конныхъ казакахъ, причемъ Микулаю Мосальскому положенъ окладъ денегъ 8 руб., хлѣба 7 чети ржи, 6 чети овса, 2 пуда соли. Если принять во вниманіе, что завѣщаніе кн. Н. Мосальскаго писано въ Москвѣ 20 ноября 1660 года, что въ немъ Мосальскій отказывается отъ надежды на освобожденіе и возвращеніе на родину, и что завѣщаніе явлено было въ литовскомъ трибуналѣ въ 1663 г., при чемъ въ явочномъ актѣ значится, что завѣщатель находится въ плѣну[1]), то позволительно будетъ предположеніе, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же лицомъ.

Въ числѣ другихъ извѣстій разсматриваемаго нами отдѣла ген. Бранденбургъ затронулъ одинъ фактъ изъ исторіи рода Мосальскихъ, хотя и не представляющій выдающагося историческаго интереса, но являющійся любопытною деталью для характеристики политики и политическихъ цѣлей царя Алексѣя Михайловича послѣ удачныхъ походовъ въ Литву 1654—1656 г. Мы говоримъ объ отношеніяхъ русскаго правительства къ кн. Станиславу Андреевичу Мосальскому[2]). На основаніи краткаго извѣстія Метрики Литовской объ амнистіи королемъ кн. Станислава въ 1658 г., авторъ сообщаетъ, что «съ вступленіемъ московскихъ войскъ въ литовскіе предѣлы, онъ принялъ сторону побѣдоноснаго непріятеля и успѣлъ даже выпросить себѣ гродненскую экономію, т. е. самый городъ Гродно съ окружными имѣніями». Къ этому авторъ присоединяетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о двуличномъ поведеніи кн. Станислава въ 1658 г. и объ его амнистіи. Въ результатѣ получается фактъ изъ самыхъ заурядныхъ. Между тѣмъ авторъ имѣлъ полную возможность придать этому факту нѣкоторый исторический интересъ, если бы онъ не ограничился (какъ и во всемъ своемъ изслѣдованіи) одними только актами Метрики Литовской, да печатными источниками.

Нужно замѣтить, что помимо бѣдственнаго положенія Польши въ это время, несомнѣнно одною изъ причинъ быстрыхъ и рѣшительныхъ успѣховъ русскихъ войскъ въ кампаніи 1654 и 1655 г. было то, что, по выраженію современника, «—Москва занимала литовскія земли милостью и жалованіемъ царскимъ». Войскамъ запрещено было безчинствовать и грабить населеніе[3]), православная шляхта, сдававшаяся на царское имя, получала пожалованія, а которая не хотѣла сдаваться — отпускалась, и т. п. Съ другой стороны, сочувствіе, встрѣчавшее русскихъ среди православнаго насе-

1) Родъ Мосальскихъ, ч. I стр. 147 и ч. III, прилож. 40.

2) Родъ Мосальскихъ, ч. I стр. 146 сл. и ч. II № 122.

3) Впрочемъ, это повелѣніе не соблюдалось и это было потомъ одною изъ причинъ охлажденія населенія къ Москвѣ.

ленія и успѣхи русскихъ войскъ (занятіе столицы литовскаго княжества— Вильны — въ 1655 г.), а можетъ быть, и преданіе о прежнихъ кандидатурахъ московскихъ царей на польско-литовскій престолъ, вызвали въ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ мысль о присвоеніи себѣ вел. княжества литовскаго. 1 сентября 1655 г. онъ получаетъ благословеніе патріарха писаться вел. княземъ литовскимъ и дѣйствительно употребляетъ этотъ титулъ какъ въ новой государственной печати, такъ и во внутреннихъ и внѣшнихъ отношеніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разсылаетъ агентовъ (напр. пововыѣзжаго могилевскаго шляхтича Поклонскаго) уговаривать земляковъ, чтобы поддавались государю и непосредственно обращается съ этимъ предложеніемъ даже къ дворянству, остававшемуся вѣрнымъ польскому королю (напр. гетману литовскому Сапѣгѣ и перешедшему на сторону шведовъ кн. Радзивилу), предлагая ему пожалованіе всѣхъ его маетностей и литовскихъ должностей.

Ко всѣмъ этимъ фактамъ иллюстрацію, выясняющею и характеризующею и нѣкоторые детали, являются сохранившіеся документы касательно вышеупомянутаго Станислава Андреевича Мосальскаго [1]). Изъ этихъ документовъ видно, что Станиславъ Мосальскій, по занятіи Бреста русскими войсками въ 1656 г., принесъ присягу на вѣрность царю, что онъ поддерживалъ отношенія съ русскимъ правительствомъ, набиралъ ратныхъ людей и пользовался такимъ довѣріемъ, что ему поручалось не только оборонять Гродненскій повѣтъ противъ шведовъ и прусаковъ, но даже склонять литовскую шляхту на сторону царя, а противъ замышляющихъ отъѣздъ въ Польшу «промышлять» — ловить ихъ и доставлять къ царю. Таково было положеніе Мосальскаго въ іюнѣ 1656 г., а изъ факта пожалованія ему различныхъ имѣній въ 1657 г. видно, что онъ продолжалъ еще служить царю [2]), и, быть можетъ, первымъ актомъ покаянія его была отправка имъ осенью 1658 г. королю собранныхъ съ экономіи гродненской денежныхъ сборовъ, о которой доносилъ Шереметеву гродненскій воевода Б. Апрѣлевъ. Что побудило его вернуться въ подданство королю — неизвѣстно. Но возможно между прочимъ предполагать здѣсь вліяніе гетмана Павла Сапѣги, котораго Апрѣлевъ называетъ братомъ Ст. Мосальскаго: извѣстно, что въ отвѣтъ на предложеніе царскаго посланца, призывавшаго его подъ высокую руку вел. государя, Сапѣга отвѣчалъ, что онъ своего пана короля, своей вѣры, своего сапѣжинскаго дома и права не можетъ покинуть, из-

1) М. Гл. Архивъ М. И. Д. дѣла польскія 1656 г. № 19: Отпуски государевыхъ грамотъ къ литовской шляхтѣ Петру Вяжевичу, кн. Мосальскому и полковнику Купцевичу. См. выписку въ приложеніяхъ.

2) М. гл. Архивъ М. И. Д. дѣла польск. 1656 г. № 19. См. выписку въ приложеніяхъ № I.

мѣнникомъ быть не хочетъ[1]). Сапѣга ходатайствовалъ и объ амнистіи князя Станислава[2]).

Въ заключеніе нужно замѣтить, что существуютъ намеки на сношенія съ русскимъ правительствомъ въ это время и нѣкоторыхъ другихъ членовъ рода Мосальскихъ. Такъ, въ іюнѣ 164 года воевода А. Нащокинъ доноситъ, что пріѣзжалъ къ нему изъ Браславскаго повѣта поручикъ князь Александръ Мосальскій съ вѣстями о событіяхъ въ Польшѣ[3]). (Староста Браславскій Завиша былъ на русской сторонѣ).

Послѣдняя часть этого отдѣла (стр. 152 сл.) заключаетъ перечисленіе владѣній Мосальскихъ въ Литвѣ и переходовъ недвижимой собственности въ ихъ родѣ[4]); указываются приговоры по взысканію съ Мосальскихъ разныхъ денежныхъ обязательствъ, взаимныя тяжбы и самоуправства Мосальскихъ и т. п., на основаніи которыхъ читатель получаетъ довольно ясное представленіе о внутреннемъ бытѣ и общественномъ положеніи Мосальскихъ въ Литвѣ и Польшѣ. Все это подаетъ поводъ автору къ весьма грустнымъ размышленіямъ о глубокомъ нравственномъ и матеріальномъ упадкѣ безчисленнаго потомства этой древне-русской княжеской фамиліи въ Польшѣ[5]).

Относительно соотвѣтствующей части генеалогической таблицы и поколѣнной росписи князей Мосальскихъ въ Польшѣ и Литвѣ замѣтимъ, что автору не удалось опредѣлить генеалогическаго мѣста цѣлаго ряда Мосальскихъ, упоминаемыхъ въ современныхъ документахъ[6]).

Вторая половина этой главы (стр. 174 сл.) посвящена, какъ мы уже замѣтили, исторіи рода Мосальскихъ въ Московскомъ государствѣ и, преимущественно, въ смутное время. По самому свойству источниковъ, которыми пользовался авторъ (печатныя изданія)[7] новыхъ фактовъ мы въ этомъ отдѣлѣ не находимъ, но разбросанныя въ разныхъ изданіяхъ свѣ-

---

1) Соловьевъ, Ист. Росс., X.

2) Намъ кажется несомнѣннымъ родство одной изъ линій Мосальскихъ съ Сапѣгами.

3) М. гл. Арх. М. И. Д. Дѣла польск. 1656 г. № 18: Отправленіе въ Жмудію Куряндца Лемберха съ наказомъ для приведенія тамошняго народа въ россійское подданство.

4) Замѣтимъ, что Чабишками владѣлъ уже отецъ к. Михаила Станиславича по пожалованію ц. Алексѣя Михайловича. (См. выписки въ приложеніяхъ).

5) Впрочемъ, что касается, напр., рабольства польскихъ Мосальскихъ передъ Сапѣгою, которымъ такъ возмущается авторъ (стр. 168 сл.), то ему нисколько не уступало рабольство русскаго А. О. Мосальскаго-Литвинова или В. М. Мосальскаго-Рубца тоже передъ Сапѣгою (стр. 208 пр. 224, стр. 219 пр. 242).

6) Смотр. Родъ Мосальскихъ ч. I стр. 64 пр. 32, 95 пр. 128, 96, 125 пр. 15, 128 пр. 26, 129 пр. 30, 31 и 34, 130 пр. 35, 135 пр. 45, 140 пр. 67—69, 145 пр. 76 и 78, 146 пр. 79, 151 пр. 87, 158 пр. 117, 159 пр. 121—125, 165 пр. 142, 166 пр. 144 и 150, 168 пр. 158, 170 пр. 160, 172 пр. 162.

7) И притомъ—вторыхъ рукъ: напр. на стр. 178 пр. 172 извѣстіе взято у Костомарова, а не изъ первоисточника — Сказанія Массы изд. Археогр. Ком. стр. 123.

дѣній объ участіи Мосальскихъ въ событіяхъ смутнаго времени собраны съ достаточною полнотою. Можно лишь пожалѣть, что авторъ не дѣлаетъ даже попытки анализпровать и освѣтить эти факты, — не съ общеисторической точки зрѣнія, конечно, — а относительно исторіи рода Мосальскихъ: чѣмъ, напр. вызвано было значительное участіе ихъ въ этихъ событіяхъ, имѣло ли оно вліяніе на дальнѣйшую судьбу Мосальскихъ и ихъ общественное положеніе при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ и т. п.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ приводитъ (стр. 227 сл.) извѣстія объ участіи Мосальскихъ въ различныхъ военныхъ дѣйствіяхъ XVII в., которыя самъ, впрочемъ, признаетъ имѣющими лишь второстепенное значеніе. Такъ, сообщается (стр. 227 сл.) объ экспедиціи кн. В. Мосальскаго въ Сибирь для постройки острога въ Мангазеѣ въ 1601 г., при чемъ однако вслѣдствіе пользованія устарѣлыми источниками (Щербатова Ист. Рос., Записки сиб. исторіи, Фишера Сиб. исторія и Спиридова Матеріалы) въ разсказѣ объ ней встрѣчаемъ нѣкоторыя, хотя и несущественныя неточности [1]). Отписка въ Москву тобольскихъ воеводъ Шереметева и Пушкина съ наказомъ ихъ Мосальскому и Савлуку, напечатанная въ Р. Ист. библіотекѣ т. 11, № 188 (стр. 824, 826 и др.), автору неизвѣстна. Неполны свѣдѣнія автора и объ успѣхахъ А. Ѳ. Мосальскаго противъ поляковъ въ бытность его воеводой въ Путивлѣ (стр. 231) и о пожалованіи его за это царемъ. Изъ неизвѣстнаго автору «дѣла по челобитью кн. А. Литвинова Мосальскаго», напечатаннаго въ I т. Актовъ Моск. Государства (№ 547 стр. 518 сл. и 600) видно, что, кромѣ упоминаемаго авторомъ пожалованія въ февралѣ 1633 г. милостивымъ царскимъ словомъ и золотыми, Мосальскій получилъ еще другую болѣе существенную въ матеріальномъ отношеніи награду въ сентябрѣ того же года по истеченіи трехлѣтняго его воеводства въ Путивлѣ: по челобитью его о пожалованіи «за работишку» помѣстною и денежною придачею и по справкѣ въ Разрядѣ о его службахъ и промыслѣ въ Путивлѣ и о наградахъ, какія получали въ подобныхъ случаяхъ другіе воеводы, состоялся указъ учинить ему государева жалованія съ прежнимъ его помѣстнымъ окладомъ (700 четей) — 900 четьи и денегъ съ прежними (70 руб. изъ четп) — 130 рублей и въ четвертныхъ книгахъ написать его съ придачею во 130 рублей; сверхъ того ему пожалованъ кубокъ съ кровлею и шуба атласъ золотной на соболѣхъ и дано ему то государево жалованіе, какъ онъ былъ у государя у стола.

---

1) Мангазея — поселеніе существовала ранѣе экспедиціи Мосальскаго (А. Ист. II № 30) а Мосальскій лишь поставилъ тамъ «острогъ» и подчинилъ правительству эту мѣстность, эксплуатировавшуюся промышленниками; административный пунктъ перенесенъ былъ изъ Мангазеи въ Туруханскъ не «черезъ нѣсколько лѣтъ», а въ 1672 г. и т. п. (Срав. «Мангазея» Буцинскаго).

Рядомъ съ заурядными фактами военныхъ службъ Мосальскихъ болѣе интереса представляли бы факты гражданскихъ ихъ службъ и общественнаго положенія, сгруппированные въ концѣ разсматриваемой нами главы (стр. 238 сл.). Авторъ начинаетъ съ разсмотрѣнія владѣльческихъ правъ различныхъ Мосальскихъ. На основаніи жалованной грамоты Сигизмунда III восьми Мосальскимъ на «отчизну ихъ замокъ Мосальскъ съ селы, съ деревнями, съ крестьяны и со всими до него принадлежностями и пожитками здавна належачими», и выраженія, что «маютъ они тую отчизну свою со всими пожитками держати и уживати таковымъ же правомъ, яко и до сего часу держали и уживали»[1]), авторъ дѣлаетъ заключеніе (стр. 241), что родъ князей Мосальскихъ въ XVII в. не потерялъ вполнѣ имущественной связи съ территоріею своего прежняго удѣла, несмотря на тѣ мѣры, которыя проводились верховною властью въ XVI в. относительно обращенія въ казну этихъ прежнихъ княжескихъ владѣній. Это совершенно вѣрно. Но авторъ, повидимому, преувеличиваетъ значеніе этихъ владѣній. Самъ же онъ отмѣчаетъ фактъ, что въ 1676 г. владѣнія Клубковыхъ Мосальскихъ въ Мосальскомъ уѣздѣ перешли къ кн. Куракину, а въ 1683 г. упоминаются разныя лица въ качествѣ владѣльцевъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель города Мосальска. Но въ Мосальскомъ уѣздѣ и ранѣе раздавались помѣстья. Такъ, въ 1621 г. тамъ имѣлъ вотчину кн. Дм. Мих. Пожарскій[2]), а затѣмъ въ числѣ другихъ 29 городовъ въ Мосальскѣ находились такъ называемыя дикія поля, въ которыхъ каждый дворянинъ, находившійся на службѣ, имѣлъ право отыскивать себѣ въ помѣстье земли[3]), при чемъ оклады здѣсь полагались: боярину 1000 чет., окольничимъ и думнымъ дворянамъ по 800 ч., стольникамъ по 350 ч. и т. п. Да и земельнымъ владѣніямъ самихъ Мосальскихъ въ Мосальскомъ уѣздѣ въ XVII в. невозможно придавать иного значенія, кромѣ чисто историческаго, такъ какъ мы видѣли, что уже въ половинѣ XVI в. Мосальскіе имѣли тамъ и вотчины, и помѣстья, и если за шестерыми Мосальскими въ концѣ XVII в. значилось въ разныхъ уѣздахъ свыше 1070 дворовъ, то изъ этихъ 1000 дворовъ на Мосальскій уѣздъ приходилось всего 208 дворовъ. Впрочемъ, насколько подробны свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ относительно земельныхъ владѣній Мосальскихъ въ Польшѣ, настолько они скудны въ разсма-

---

1) Автору неизвѣстно напечатанное въ Сборникѣ кн. Хилкова (№ 12 стр. 23) характерное письмо В. Мосальскаго къ Сапѣгѣ съ просьбою «пожаловать смиловаться надъ нами по государевѣ милости, тѣми намъ деревнями велѣть дать владѣть и которые будетъ литовскіе люди въ тѣхъ нашихъ деревняхъ, велѣть выѣхать, а мы имъ учнемъ кормы давать, какъ сможемъ».

2) Акты Моск. Госуд. I, № 137, стр. 165.

3) Смотр. Иванова, Систематъ. обозр. помѣстныхъ правъ и обязанностей въ Россіи, стр. 9 сл.

трпваемомъ нами отдѣлѣ. Невыясненнымъ остается поэтому и вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ перешли къ Мосальскимъ-Кольцовымъ земельныя владѣнія угасшихъ къ тому времени другихъ линій этого рода и, въ частности, знаменитаго героя смутнаго времени В. М. Мосальскаго-Рубца, который, по свидѣтельству Массы, — «забралъ себѣ самыя лучшія помѣстья, какія только могъ захватить, и очень разбогатѣлъ».

Въ заключеніе разсматриваемаго нами отдѣла авторъ указываетъ нѣкоторые случаи мѣстничества Мосальскихъ съ другими въ XVII в. Какъ и въ предшествовавшей главѣ, авторъ, упуская изъ виду бытовое значеніе мѣстничества, и здѣсь опять усматриваетъ въ мѣстническихъ спорахъ Мосальскихъ «лишь продуктъ мелкаго самолюбія» и опять повторяетъ замѣчаніе объ обнаруживающейся будто бы изъ мѣстническихъ случаевъ «фамильной связи между разными вѣтвями рода кн. Мосальскихъ и въ XVII в., несмотря на многочисленность ихъ представителей», такъ какъ «въ разборѣ мѣстническихъ споровъ служебное положеніе Мосальскихъ оцѣнивается судьями по всѣмъ линіямъ вообще, не считая ихъ между собою чуждыми» (стр. 251 сл.). Мы выше высказали уже наше мнѣніе о такомъ взглядѣ на мѣстничество и полагаемъ, что автору было бы гораздо правильнѣе сослаться для доказательства непрекратившейся родовой связи у Мосальскихъ на примѣръ исходатайствованія В. М. Мосальскимъ у Сигизмунда III помѣстныхъ дачъ не только для себя, но и для семерыхъ племянниковъ, хотя въ смутное время Мосальскіе дѣйствовали далеко не единодушно и члены этого рода неоднократно оказывались въ противоположныхъ, другъ другу враждебныхъ лагеряхъ.

Въ заключеніе обзора настоящей главы считаемъ не лишнимъ нѣсколько остановиться на соотвѣтствующихъ ей частяхъ поколѣнной росписи. Здѣсь авторомъ собраны отрывочныя свѣдѣнія объ отдѣльныхъ лицахъ рода Мосальскихъ. Нельзя однако сказать, чтобы эти свѣдѣнія собраны были съ достаточною полнотою и точностію. Во 1-хъ, авторъ оставилъ безъ вниманія нѣкоторыя даже печатныя изданія, содержащія свѣдѣнія о Мосальскихъ, какъ напр. изданные Академіею Наукъ Акты Московскаго Государства и весьма цѣнную по документальности сообщаемыхъ въ ней свѣдѣній родословную Мосальскихъ, помѣщенную въ IX т. Древней Росс. Вивліоѳики [1]); во вторыхъ, онъ безъ всякой критики сообщаетъ свѣдѣнія, почерпнутыя у Спиридова, и 3) онъ совершенно игнорировалъ документы М. гл. Архива

1) Этотъ томъ Вивліоѳики хотя и цитированъ у автора въ прим. 401, 455, 464 и 468 къ поколѣнной росписи, но, повидимому, цитаты эти взяты изъ вторыхъ рукъ, такъ какъ на ряду съ цитированными четырьмя мелкими (за исключеніемъ 468) свѣдѣніями мы не находимъ у автора другихъ, гораздо болѣе интересныхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ въ этой родословной. На нѣкоторыя изъ нихъ мы укажемъ ниже.

М. И. Д. А сверхъ всего этого, авторъ недостаточно внимательно отнесся и къ подбору и распредѣленію собранныхъ имъ фактовъ. Такъ напр. въ числѣ Мосальскихъ, пожалованныхъ Сигизмундомъ III, значатся у автора во II части двое Владимировъ Ивановичей — № 83 и № 84, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности пожалованъ былъ одинъ В. И. Клубковъ (№ 83) какъ это, впрочемъ, вѣрно указано и въ примѣчаніи на стр. 238 первой части. Замѣтимъ кстати, что извѣстіе автора о бытіи этого кн. Мосальскаго приставомъ при англійскимъ послѣ Т. Смитѣ авторъ имѣлъ возможность иллюстрировать характернымъ описаніемъ встрѣчи этого посла Мосальскимъ, которое имѣется въ описаніи пребыванія Смита въ Россіи. хранящемся въ Имп. Публичной Библіотекѣ и нынѣ изданномъ.

Точно также о двухъ Иванахъ Даниловичахъ (№ 105 и 108) сообщается: о первомъ, что онъ былъ воеводой въ Серпуховѣ въ 1615 и 1618 г. (цитированъ Временникъ 1849 г. и Кн. Моск. стола № 7 л. 251 въ Моск. Арх. Юст.), а о второмъ, — что онъ былъ воеводой въ Серпуховѣ въ 1614 и 1615 г. (цит. Дворц. разр. I, 145 и Чтенія 1846 г.). Невольное апріорное, такъ сказать, недовѣріе, вызываемое такимъ удивительнымъ совпаденіемъ, вполнѣ подтверждается и провѣркою источниковъ, изъ которыхъ авторъ почерпнулъ эти свѣдѣнія. Именно, при провѣркѣ оказывается, что въ Чтеніяхъ 1846 г. (на стр. 40 прилож. 64) помѣщена выдержка изъ разряда 7123 (1615) года, напечатаннаго во Временникѣ 1849 г. (на стр. 52) и что, такимъ образомъ, одно и то же извѣстіе изъ одного и того же источника отнесено авторомъ къ двумъ разнымъ, хотя и одноименнымъ лицамъ. Къ которомуименно изъ двухъ одноименныхъ князей относится это воеводство можно было и не опредѣлять или даже отмѣтить его у обоихъ, но съ надлежащею оговоркою, а не приписывать его безъ всякихъ основаній къ обоимъ одновременно.

Укажемъ теперь нѣкоторыя пропущенныя авторомъ свѣдѣнія о Мосальскихъ въ дополненіе къ ихъ поколѣнной росписи.

Къ № 83. Владиміръ Ивановичъ Клубковъ въ 1614 г. окольничій и воевода въ Кашинѣ (Ак. Моск. Гос. стр. 106). У ген. Бранденбурга значится невѣрно подъ № 84 Влад. Ив. Горбатовъ въ 1614 г. въ Каширѣ (по Спиридову).

Къ № 96. По окладной боярской книгѣ М. гл. Архива М. И. Д. 7112 (1604) года № 2, л. 406: князю Андрею Володимировичу Кольцову-Мосальскому до указу давать (окладнаго жалованья) не велѣно.

Къ № 97. Въ спискѣ боярамъ, окольничимъ и проч. лицамъ, имѣвшимъ вотчины и помѣстья въ 1613 г. (въ Госуд. Архивѣ; нынѣ напечатанъ въ Чтен. Общ. Ист. и Др. Росс. 1895 кн. 1) на л. 32: Князь Григорій князь Володимеровъ сынъ Кольцовъ-Мосальской, — вотчины за нимъ старыя въ

Мосальску да въ Медыни 3463 чети, да помѣстья на Углечѣ, что ему дано при боярехъ, изъ помѣстныхъ земель 280 чети; и обоего 3743 четверти.

Къ № 99. Тамъ же на л. 31: Князь Андрей княжъ Оедоровъ сынъ Мосальской, — вотчины за нимъ старыя въ Мосальску по его памяти село Высокое да село Вятцкое, а что въ нихъ четвертные пашни, того не вѣдомо; да помѣстья новыя дачи 372 четверти.

Къ № 99 и къ прим. 284 на стр. 239—240. Кромѣ упоминаемаго авторомъ пожалованія отъ Лжедимитрія помѣстья въ Муромскомъ уѣздѣ имѣется свѣдѣніе о пожалованіи ему помѣстья въ Суздальскомъ уѣздѣ сельца Шекшева. Характерно письмо Мосальскаго къ Сапѣгѣ (28 мар. 1609 г.) въ которомъ онъ проситъ послать туда «пристава добра», такъ какъ прежній, посланный туда Сапѣгою приставъ «лишь только смуту учинилъ, и не слушали ни въ чемъ ни его, пристава, ни присланнаго съ нимъ отъ Сапѣги листа, такъ что это помѣстишко паны разорили и выграбили и людишекъ (Мосальскаго) перебить хотѣли», и онъ бы, Сапѣга, смиловался, послалъ туда «такого пристава, что бы твоего листа и пристава во всемъ слушали». (Сборн. кн. Хилкова № 12 стр. 60).

Къ № 99. Въ спискѣ 119 (1611 г.) написанъ не въ дворянахъ, а въ столыпкахъ (Др. Р. Вивл. IX стр. 227 № 49). Затѣмъ въ родословной Мосальскихъ, помѣщенной въ Др. Р. Вивліоикѣ, IX на стр. 227 — 230 много другихъ, недостающихъ у ген. Бранденбурга свѣдѣній о кн. Андреѣ Ѳедоровичѣ.

О назначеніи изъ столыпковъ въ дворяне: «135 (1627) г. марта 18 на Вербное воскресенье были у государева стола... дворяне, были напередъ того въ столыпкѣхъ: ... князь Ондрей княжъ Ѳедоровъ сынъ Литвиновъ-Мосалской... Того жъ дни указалъ государь написать въ дворяне изъ столпиковъ... кн. Андрей княжъ Ѳедоровъ сынъ Литвиновъ-Мосалской... Того же года марта 25 въ свѣтлое Воскресенье ударили государю челомъ въ комнатѣ дворяне:... кн. Андрей Ѳедоровъ Литвиновъ-Мосалской (Рус. Ист. Библіотека, т. IX, Зап. книги Москов. стола, стр. 471—475).

Въ боярской окладной книгѣ Моск. Архива М. Юстиціи (II, 6) значится: «Князь Ондрей Ѳедоровъ сынъ Литвиновъ-Мосалской: въ нынѣшнемъ во 143 году августа учинешъ (новый окладъ) съ прежнимъ, что было во дворянехъ 300 рублевъ». 147 г. (1639) февраля 3 государь, слушавъ росписей городовъ владимерскаго и московскаго судныхъ приказовъ, указалъ для поспѣшенія, чтобъ дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ въ судныхъ дѣлѣхъ волокиты не было, взяти изъ приказовъ городы и судити по приказомъ боярамъ... Тула, Мценскъ судить околничему кн. Ондрею Ѳедоровичу Литвинову-Мосальскому да дьякомъ. (Р. Ист. Библ. X, зап. кн. Моск. ст., стр. 157).

Авторъ говоритъ, что въ 1639 г. назначенъ военнымъ воеводой въ Тулу, но не былъ за болѣзнью. Это замѣчаніе относится лишь ко времени назначенія (въ мартѣ мѣсяцѣ), а въ маѣ онъ вмѣстѣ съ другими воеводами прибылъ въ Тулу: съ нимъ было стольниковъ и стряпчихъ и дворянъ московскихъ и жильцовъ и дворянъ и дѣтей боярскихъ украинныхъ и замосковныхъ городовъ 702 (тамъ же стр. 190 — 192). Затѣмъ въ октябрѣ 1640 (149) г. состоялся указъ отпустить большихъ воеводъ и ратныхъ людей по домамъ и въ томъ числѣ съ Тулы отпустить воевод кн. Трубецкаго, окольничаго и воеводу кн. А. Ѳ. Литвинова-Мосальскаго и кн. Шаховскаго — (тамъ же стр. 206).

Авторъ говоритъ, что въ 1645 г. былъ походнымъ воеводой въ Тулѣ и въ томъ же году принималъ участіе въ переговорахъ бояръ съ турецкимъ посломъ. Слѣдовало бы поставить эти извѣстія въ обратномъ порядкѣ, такъ какъ «состоять въ отвѣтѣ» къ турецкому послу Мосальскій (и Шереметевъ) назначенъ былъ 13 декабря 1644 г. (Дворц. разр. т. II, ст. 745).

Книга боярская (М. Гл. Арх. М. И. Д.) 7154 (1646) и 7155 (1647) г. № 12: Вѣдомость сколько за которымъ боярином помѣстья и вотчинъ, л. 138:

Окольничіе: князь Ондрей Ѳедоровичъ Литвиновъ-Мосалской; вотчинъ за нимъ въ Звенигородѣ по переписнымъ книгамъ кн. Ив. Щербатого да подъячего Божена Ушакова 154 году въ городцкомъ стану селцо Сумарково дворъ крестьянской. Въ Мосальску по переписнымъ книгамъ Микиты Беклецова да подъячего Петра Ахмурова село Протопо, да въ Мосальску слободка на посадѣ да село Мусоръ, да село Высокое съ деревнями 95 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, да 2 двора задворныхъ людей. Въ Медыни по переписнымъ книгамъ Дм. Вольнскаго да подъячего Матвѣя Кондратьева въ городцкомъ стану село Вздымъ съ деревнями 21 дворъ крестьянскихъ и бобыльскихъ. Въ Дмитровѣ по переписнымъ книгамъ Гаврила Юшкова да подъячего Кирила Семенова въ Каменскомъ стану село Смердино съ деревнею 19 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ. На Угличѣ по переписнымъ книгамъ Григорья Зузина да подъячего Якова Звягина въ городцкомъ стану село Рожествепое съ деревнями 45 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, да 2 двора дѣловыхъ кабальныхъ, да дворъ старинного человѣка, а клалъ-ли крѣпости, того въ книгахъ не написано. Въ Кашинѣ по переписнымъ книгамъ Гаврила Юшкова да подъячего Кирила Семенова въ Гостулскомъ стану селцо Горки 11 дворовъ крестьянскихъ. Да помѣстья въ Мещерѣ по переписнымъ книгамъ столника кн. Василья Волконскаго да подъячего Осипа Гнѣвашева въ Подлѣсномъ стану въ селѣ Берестелкахъ, да въ селѣ Ушаковѣ, да въ селѣ Демидовѣ 75 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ. Въ Ярославлѣ по переписнымъ книгамъ Ив.

Собакина да подъячево Кручины Черицова въ городскомъ стану село Мевягино съ деревнями 73 двора крестьянскихъ и бобыльскихъ. На Вологдѣ въ Ухтушской волости въ Оксентьевскомъ стану деревня Щадрино съ деревнями, а въ нихъ по переписному списку Ив. Бутурлина да подъячего Ерофея Иванова нынѣшняго 155 году 51 дворъ крестьянскихъ и бобыльскихъ. Всего за околничимъ за княземъ Андреемъ Осдоровичемъ Мосальскимъ-Литвиновымъ въ вотчинахъ и въ помѣстьяхъ 391 дворъ 5 дворовъ люцкихъ.

Къ № 108. Кн. Ив. Данловичъ Клубковъ въ 1577 и въ 1616 г. въ дворянахъ; денежный окладъ его въ 1616 г. — 50 рублей. (Ак. Моск. Гос. I, стр. 41 и 144).

Къ № 110. Книга боярская 7156 (1648) г. № 14 (М. Гл. Арх. М. И. Д.) о сборѣ съ нихъ и съ разныхъ людей перехожихъ городовъ и семей денегъ, л. 11:

Князь Иванъ князь Львовъ сынъ Мосалской, съ перехожихъ за дву дворовъ взять денегъ 2 рубли (Помѣта 148 г. октября 7 о состоявшейся уплатѣ). А человѣкъ даточной въ допмкѣ, а деньгами взять 20 рублевъ и по государеву указу десети рублевъ имать не велѣно, а другія 10 рублевъ донять. — Ср. также въ родословной Мосальскихъ въ Др. Р. Вивл. IX, стр. 230, № 54, дополнительныя, не имѣющіяся у Ген. Бранденбурга свѣдѣнія объ кн. Ив. Львовичѣ, доходящія тоже до 1647 года. (Въ книгѣ ген. Бранденбурга послѣднее извѣстіе объ немъ — 1633 года). Съ 1611 по 1647 г. значится въ дворянахъ.

Къ № 111. Въ спискѣ боярамъ, околничимъ и проч. лицамъ, имѣвшимъ вотчины и помѣстья въ 1613 г., на л. 32: Князь Петръ князъ Володимеровъ сынъ Клупковъ-Мосалской, — помѣстья за нимъ новые дачи въ Кашинѣ изъ черныхъ волостей 250 чети.

Въ спискѣ 119 (1611) г. написанъ въ стольникахъ, а съ 1626 г. въ дворянахъ. Съ февраля 1631 г. воевода въ Калугѣ. Помѣстный окладъ ему 900 четвертей. (Др. Рос. Вивл. IX, стр. 231, № 55).

Въ 134 (1625) г. въ сентябрѣ въ Сергіевскомъ походѣ въ окольничихъ были дворяня: кн. Петръ князъ Володимеровъ сынъ Мосалской... и кн. Петръ изъ походу отпущенъ въ деревню. Въ 135 г. іюня 12 и осенью участвовалъ въ Сергіевскомъ походѣ въ окольничихъ. (Р. Ист. Библ. IX, Зап. кн. Моск. стола, стр. 523, 495).

Къ № 112. Кн. Василій князь Владимеровъ сынъ Клубковъ-Мосальскій упомянается въ «спискѣ лицъ, бывшихъ въ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенья въ комнатѣ у государя и въ передней избѣ съ 1626 г. Здѣсь Иванъ Львовичъ (№ 110) и Петръ Владимировичъ (№ 111) значатся въ числѣ «дворянъ въ комнатѣ», а Василій Владимировичъ — «въ передней

избѣ». Объ немъ же помѣта, что умеръ. Такъ какъ списокъ составленъ въ 1633 — 34 г., то онъ умеръ не позднѣе этого года. (Такая же помѣта о смерти сдѣлана и о Петрѣ Владимировичѣ).

По документамъ, напечатаннымъ въ Актахъ Моск. Государства (т. I, № 108 стр. 141) Василій Владимировичъ Клубковъ значится въ 1616 г. въ стольникахъ и у него «помѣстный окладъ до Московскаго разоренья 400 четей».

Въ приходъ литовскаго короля въ 126 и во 127 г. былъ въ Москвѣ въ осадѣ и за эту осадную службу пожалованъ изъ своихъ помѣстій въ вотчину. (Др. Рос. Вивл. IX, стр. 232, № 56).

Окладная боярская книга М. гл. Архива М. И. Д. 7127 (1619) года № 3, л. 559: Оевраля въ 19 день по челобитной за помѣтою думнаго дьяка Сыдавного Васильева князю Василью князъ Володимерову сыну Мосальскому отца его князю Владимеру на постриганье 30 рублевъ дано. Взялъ Ѳед. Лодыгинъ.

Къ № 120. Въ записныхъ книгахъ Моск. стола значится въ 1639 и 1647 г. въ стольникахъ (Р. Ист. Библ. X стр. 137, 142, 174, 371). Дополнительныя свѣдѣнія объ немъ также въ Др. Рос. Вивліоопкѣ IX, стр. 232, № 58.

Къ № 128. Упоминается въ 1647 г. въ дворянахъ съ прежнимъ окладомъ. (Др. Рос. Вивл. IX, стр. 234, № 59).

Къ № 129. Семенъ Васильевичъ Клубковъ былъ сборщикомъ ратныхъ людей въ Костромѣ въ 1633 г. Въ январѣ 1634 г. ему сдѣланъ выговоръ отъ имени царя за то, что онъ «сборомъ замотчалъ и идетъ на службу мѣшкотно и нашимъ дѣломъ не радѣетъ». (А. Моск. Гос. I стр. 570).

Въ 1636—1649 г. значится стольникомъ (Р. Ист. Биб. X стр. 6, 61, 452, 449). Въ февралѣ 1639 г. былъ еще на воеводствѣ въ Ельцѣ (Тамже стр. 149, 157).

Былъ воеводой въ Томскѣ до 1645 г., а съ этого года до 1648 въ Тулѣ въ полку воеводы кн. Черкасскаго, въ Мценскѣ и въ Ливнахъ. Упомянается въ 1658 г. на службѣ въ Тулѣ (Др. Росс. Вивл. IX стр. 234 сл. № 60).

Къ № 130. М. Гл. Архива М. И. Д. Дѣла приказныя старыхъ лѣтъ съ 27 мая 7130 (1622) г. по 20 ч. сентября 7139 (1630) г.: «Памяти о награжденіи чиновъ и о придачѣ къ денежному окладу разныхъ чиновъ людей за службы, л. 211:

Лѣта 7137 (1629) генваря въ 31 день по государеву цареву и вел. князя Михаила Оедоровича всеа Русіи указу память дьяку Михайлу Смывалову: въ прошломъ во 135 (1627) году великій государь святѣйшій патріархъ Ѳиларетъ Никитичъ Московскій и всеа Русіи пожаловалъ князь

Оедора княжъ Иванова сына Мосалсково, велѣлъ ему быти у себя государя въ столникахъ, а въ нынѣшнемъ во 137 (1628) году ноября въ 24 день государь царь и вел. князь Михайло Оедоровичъ всеа Русіи и отецъ его государевъ великій государь святѣйшій патріархъ Ѳиларетъ Никитичъ Московскій и всеа Русіи пожаловалъ князь Ѳедора княжъ Иванова сына Мосалсково, велѣли ему учинити своего государева жалованья денежной окладъ въ чети 18 рублевъ, и по государеву цареву и вел. князя Михаила Оедоровича всеа Русіи указу дьяку Михаилу Смывалову велѣти князь Оедора Мосалсково въ Устюжской чети въ государевѣ жалованьѣ въ денежномъ окладѣ написати въ 18 рублехъ. (Помѣта:) Дьякъ Михайло Даниловъ. Справилъ Гришка Ларіоновъ.

Далѣе, въ Боярскихъ окладныхъ книгахъ М. гл. Архива М. И. Д. «стольникъ патріарха Филарета Никитича кн. О. И. Мосальскій» упоминается съ 18 рублевымъ окладомъ непрерывно съ 1634 по 1664 г. Смотр. Боярскія книги М. гл. Арх. М. И. Д. № 5 — 7142 (1634), № 6 — 7145 (1637), № 7—7146 (1638), № 9 — 7148 (1640), № 10—7153 (1645), № 11—7154 (1646), № 15—7160 (1652), № 16—7161 (1653), № 19—7162 (1654), № 21—7164 (1656), № 23—7169 (1661) и № 24—7172 (1664) г. Ср. также Р. Ист. Библ. X стр. 121, 139 и 253. Въ книгѣ ген. Бранденбурга послѣднее извѣстіе объ немъ—1639 г.

Дополнительныя, и притомъ документальныя свѣдѣнія о кн. Ѳ. И. можно найти еще въ родословной Мосальскихъ, помѣщенной въ Др. Рос. Вивліоѳикѣ IX, стр. 225, № 33, гдѣ напр. поясняется, что до назначенія въ патріаршіе стольники Ѳ. И. не былъ ни на какой службѣ и что потомъ онъ переведенъ былъ на должность государева стольника.

Къ № 144—147 и 166—167. Наконецъ къ №№ 144—147 и 166—167 много дополнительныхъ документальныхъ свѣдѣній даетъ родословная Мосальскихъ въ Др. Росс. Вивліоѳикѣ, IX, стр. 236—244 №№ 62—67.

Заключительная 4-я глава книги ген. Бранденбурга посвящена исторіи Мосальскихъ въ XVIII в., при чемъ первая половина главы (стр. 261—326) занимается Мосальскими въ Польшѣ, а послѣднія 3 страницы ея — Мосальскими въ Россіи.

Собственно говоря, изъ безконечно размножившагося къ этому времени въ Польшѣ рода Мосальскихъ болѣе замѣтную роль въ историческихъ событіяхъ играли лишь весьма немногіе изъ нихъ и при томъ лишь во второй половинѣ XVIII в. Въ самомъ дѣлѣ, кн. Михаилъ Мосальскій, объ участіи котораго въ дѣлѣ избранія Августа III авторъ выбралъ изъ сочиненія Герье нѣкоторыя подробности, игралъ въ этомъ дѣлѣ, повидимому,

второстепенную, несмотря на свое положеніе маршала конвокаціоннаго сейма, роль. По крайней мѣрѣ въ донесеніяхъ русскихъ агентовъ въ Польшѣ его имя встрѣчается не болѣе двухъ — трехъ разъ: — въ томъ числѣ гр. Левенвольдъ доносилъ, что Мосальскій избранъ въ маршалы случайно и о политическомъ направленіи его извѣстно только, что онъ приверженецъ Станислава Лещинскаго.

Авторъ справедливо замѣчаетъ (стр. 272), что въ продолжительное и бурное царствованіе Августа III о Мосальскихъ не встрѣчается выдающихся чѣмъ-нибудь извѣстій. Но онъ напрасно пренебрегъ выясненіемъ ихъ политическаго положенія въ это время, такъ какъ именно здѣсь подготовлялась будущая политическая роль Мосальскихъ и, въ частности, Игнатія Мосальскаго. Впрочемъ, болѣе замѣтную роль въ событіяхъ того времени, и притомъ въ качествѣ «благонамѣренныхъ» сторонниковъ Россіи, Мосальскіе—великій гетманъ литовскій Михаилъ и сынъ его Игнатій, епископъ виленскій—начинаются играть лишь со второй половины XVIII вѣка и особенно съ 60-хъ годовъ, когда возникъ вопросъ о преемникѣ Августу III. Авторъ почему-то причисляетъ Мосальскихъ къ сторонникамъ Россіи уже въ первой половинѣ XVIII в.[1]), хотя въ пользу такого мнѣнія не имѣется рѣшительно никакихъ данныхъ. Замѣтимъ кстати, что фактъ, приведенный авторомъ (по Щебальскому) для характеристики отношеній кн. Игнатія Мосальскаго (въ то время референдаря литовскаго), къ православному духовенству въ Вильнѣ (стр. 264) передалъ не совсѣмъ вѣрно. Дѣло въ томъ, что, какъ видно изъ донесеній нашего посланника въ Польшѣ и приложенныхъ къ нимъ жалобы Мосальскаго на О. Леонтовича и оправдательныхъ записокъ послѣдняго[2]), жалоба была предъявлена противъ Леонтовича въ томъ, что онъ совершеніемъ публичныхъ церковныхъ процессій по улицамъ города подаетъ поводъ къ нарушеніямъ общественнаго спокойствія, а за тѣмъ въ томъ, что онъ самоуправно напалъ съ своими служителями на одного виленскаго гражданина, къ которому въ качествѣ настоятеля монастыря имѣлъ судебную претензію, въ домѣ послѣдняго и до полусмерти избилъ послѣдняго и его сына[3]). На эту жалобу Леонтовичъ представилъ объясненіе, въ которомъ жаловался на то, что онъ отъ виленскаго бискупа и подчиненныхъ ему пановъ изобиженъ, просилъ не вѣрить ябедническимъ жалобамъ, жаловался на проклятыхъ уніатовъ и въ заключеніе признавался, что приказалъ дать 100 плетей мѣщанину и 50 плетей

---

1) См. разсужденія его стр. 265—266.

2) Донесенія Гросса № 46 и 49 отъ 24 апрѣля и 8 мая 1757 г. съ приложеніями.

3) Щебальскій объ этомъ фактѣ не только умолчалъ, но увѣряетъ даже, будто «единственное указывавшееся противъ Леонтовича преступленіе было нарушеніе закона относительно публичнаго совершенія церковныхъ обрядовъ». (Русс. Вѣстн. 1864 г. № 8, стр. 362).

его сыну за то, что они незаконно присвоили себѣ монастырскія лавки. Въ этомъ поступкѣ онъ оправдывался тѣмъ, что «если за всякія продерзости и обиды обыкновеннымъ образомъ въ надлежащихъ здѣшнихъ судахъ милости просить либо посланнику россійскому короля и министровъ за нами трудить, то изъ сего ничего иного не послѣдуетъ, какъ прежняя столѣтняя многоубыточная безконечная и безнадежная волокита и прежнія насилія, безчестья» и т. д. Нашъ посланникъ ограничился донесеніемъ объ этомъ инцидентѣ въ Петербургъ съ замѣчаніемъ, что «какъ Леонтовичъ самъ признается, что извѣстнаго въ Вильнѣ мѣщанина съ сыномъ дѣйствительно бить велѣлъ плетьми,—мнѣ кажется, что симъ поступкомъ предѣлы умѣренности нѣсколько(!) преступлены». Дѣло было передано нашимъ правительствомъ на разсмотрѣніе св. Синода и указомъ Синода Леонтовичъ былъ отрѣшенъ отъ должности. Рѣшеніе это принято было Синодомъ proprio motu, а не вслѣдствіе представленій правительства или коллегіи иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ въ отвѣтъ на донесеніе нашего посланника послѣднему предписано было лишь подтвердить Леонтовичу, чтобы онъ «пребываніе свое имѣлъ воздержное и скромное съ должною умѣренностію»[1]). Такимъ образомъ «политическія» соображенія тутъ не имѣли вліянія[2]) и усматривать въ жалобѣ Мосальскаго на Леонтовича проявленіе его нетерпимости къ православнымъ не представляется достаточныхъ основаній. Что же касается двуличія, въ которомъ обвиняетъ авторъ сторонниковъ русской партіи въ Польшѣ за это время, то, повидимому, авторъ не обратилъ достаточнаго вниманія на факты, подобные разсказаннымъ у Щебальскаго на стр. 348 сл.

Вопросъ о политическомъ поведеніи «русской» партіи въ Польшѣ приводитъ насъ къ вопросу о самой этой партіи. Дѣло въ томъ, что вопреки мнѣнію ген. Бранденбурга (стр. 266) Чарторыйскіе переходятъ на сторону Россіи не ранѣе 1738 г.[3]) Что же касается Мосальскихъ, то въ 30-хъ годахъ они принадлежали къ партіи Потоцкихъ, которые стояли въ оппозиціи Августу II и при выборахъ 1733 г.—за выборъ поляка вообще и Лещинскаго въ частности, какъ и значительное большинство польскаго и литовскаго дворянства[4]). Кандидатура М. Мосальскаго въ маршалы конвокаціоннаго сейма выставлена была воеводою виленскимъ Огинскимъ и

---

1) Рескрипты Гроссу и Волконскому 12 сент. 1757 № 15 и 20 октяб. № 28.

2) Любопытныя для характеристики Леонтовича подробности можно найти у его защитника, Щебальскаго, на стр. 363 и 368, напр. донесеніе его преемника Синоду о томъ, что Леонтовичъ «обратилъ въ собственную пользу» монастырскія деньги и дозволялъ себѣ самоуправства.

3) См. Waliszewski; Potoccy i Czartoryscy, I.

4) Донесенія русскихъ агентовъ въ Литвѣ: Ливена и Даревскаго.

его партіею, стоявшими тоже за выборъ природнаго поляка[1]). Наконецъ и послѣ уже избранія Августа III и вступленія въ Польшу русскихъ войскъ, весною 1735 г. М. Мосальскій и Огинскій еще начальствовали въ Литвѣ надъ противниками Августа III[2]). Такимъ образомъ въ это время не было никакихъ поводовъ считать М. Мосальскаго сторонникомъ Россіи, да онъ таковымъ и не считался. Затѣмъ, въ концѣ 40-хъ годовъ М. Мосальскій состоялъ на пенсіи у французскаго правительства, получая 6000 ливровъ въ годъ, хотя французскіе послы въ Польшѣ отзывались объ немъ какъ о сомнительномъ приверженцѣ Франціи[3]). Лишь въ 1750 г. французскіе агенты въ Польшѣ отзываются о Мосальскихъ — старостѣ гродненскомъ и старостѣ волковыйскомъ,—какъ о противникахъ Франціи и сторонникахъ Чарторыйскихъ, а въ 1752 г. во время гродненскаго сейма — о стражникѣ литовскомъ — какъ о занимающемъ неопредѣленное положеніе[4]).

Такимъ образомъ считать Мосальскихъ въ первой половинѣ XVIII в. сторонниками Россіи не представляется никакихъ основаній. Ген. Бранденбургъ говоритъ (стр. 272), что «изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ видно, что кн. Михаилъ въ царствованіе Августа III не отставалъ отъ толпы прочей польской знати, осаждавшей русское правительство вымогательствами и просьбами относительно ходатайства о полученіи мѣстъ, денегъ, орденовъ, и т. п. Такимъ путемъ, — по мнѣнію автора, — сынъ кн. Михаила Игнатій получилъ напр. мѣсто коадъютора при виленскомъ епископѣ, изъ чего вмѣстѣ съ тѣмъ можно заключить, что петербургскій дворъ смотрѣлъ по прежнему на Мосальскаго, какъ на одного изъ корифеевъ русской партіи, несмотря на двусмысленныя (?) его дѣйствія во время предшествовавшаго избирательнаго сейма». Какъ мы уже замѣтили, во время избирательнаго сейма 1733 г. Мосальскій былъ открытымъ, а не двусмысленнымъ сторонникомъ Лещинскаго. Что же касается виленскаго коадъюторства для Игн. Мосальскаго, то объ немъ ходатайствовали первоначально не Мосальскіе, а Чарторыйскіе, съ которыми къ этому времени состоялось уже сближеніе Петербургскаго двора, и въ это время впервые въ нашей дипломатической перепискѣ появляется имя Мосальскихъ. Именно, въ ноябрѣ 1755 г. литовскій канцлеръ кн. Чарторыйскій обратился черезъ нашего секретаря посольства въ Варшавѣ Ржичевскаго съ ходатайствомъ о заступленіи при польскомъ дворѣ за кастеляна Брестскаго Хрептовича къ полученію имъ кастелянства Новогродскаго и за рефендарія литовскаго, сына польнаго гетмана литовскаго Мосальскаго къ доставленію ему коадъюторства вилен-

1) Донесеніе Лиѣна отъ 30 марта 1733.
2) Szujski, Dzieje Polski, IV, 310.
3) Waliszwski, I, 11, 20, 205.
4) Waliszwski.

скаго. Чарторыйскій мотивировалъ свое ходатайство въ пользу Мосальскаго тѣмъ, что онъ можетъ оказаться полезнымъ въ интересахъ защиты православныхъ въ Виленской епархіи отъ обидъ и утѣсненія. Вслѣдствіе этого ходатайства нашему посланнику при польско-саксонскомъ дворѣ Гроссу отправленъ былъ рескриптъ[1]), въ которомъ говорилось: «Мы сему магнату (Чарторыйскому) въ разсужденіи его къ нашимъ высоч. интересамъ (зачеркнуто: всегдашняго) доброжелательства по прошенію его въ такомъ нашемъ заступленіи за Хрептовича и Мосальскаго отказать не хотѣли. Того ради повелѣваемъ вамъ у его вел. короля польскаго нашимъ именемъ за Хрептовича и притомъ особливо въ пользу референдарія литовскаго Мосальскаго, въ разсужденіи выпосзначенной въ немъ для нашихъ единовѣрцевъ толь немалой потребности пристойныя представленія учинить и прилежно домагаться, чтобъ отъ короля при случаѣ вакаціи Хрептовичу каштелянство Новогродское, а Мосальскому нынѣ Виленское коадъюторство пожалованы были, которое королевское снисхожденіе мы не инако, какъ за новый опытъ его дружбы признавать будемъ». Представленіе въ пользу Хрептовича было уважено польскимъ дворомъ, а въ пользу Мосальскаго — отклонено. Брюль объявилъ Гроссу[2]), что «понеже е. в. король (какъ о томъ уже ранѣе самому референдарію Мосальскому, его отцу гетману польному, да и мнѣ, понеже тогда уже собою заступалъ я за него, референдарія, объявлено) за справедливо находитъ, чтобъ біскупъ Жмудской Тишкевичъ по настоящемъ біскупѣ виленскомъ въ сіе біскупство, яко старшій прелатъ во всемъ великомъ княжествѣ литовскомъ производился, того ради отъ такого своего намѣренія его величество отступать не можетъ, только обѣщаетъ референдарія Мосальскаго, котораго добрымъ поведеніемъ его величество доволенъ, по помянутомъ Тишкевичѣ назначить біскупомъ виленскимъ, еже де и вскорѣ случиться можетъ, понеже послѣднему 66 лѣтъ отъ рода, а Мосальскому только 27».

Такой отвѣтъ польскаго правительства не могъ, конечно, удовлетворить Россію, тѣмъ болѣе, что епископъ Жмудскій Тышкевичъ былъ «жестокимъ гонителемъ» православныхъ въ Польшѣ. А такъ какъ къ тому же недовольство русскаго правительства королемъ и его министрами Брюлемъ, Миниекомъ и др. по поводу «гоненій и утѣсненій по происканъ французскихъ партизановъ, благонамѣренныхъ и доброжелательныхъ къ намъ патріотамъ при безмѣрномъ къ тому же усиленіи власти враждебныхъ Россіи гетмановъ» все болѣе усиливалось, а «патріоты» возобновили свои просьбы о «защитѣ и покровительствѣ ихъ самихъ и правъ республики», то въ маѣ

1) 22 декабря 1755 № 64 (М. Гл. Арх. М. И. Д.).
2) Реляція Гросса 30 (19) янв. 1756 № 9.

1756 г. Гроссу предписано было[1]) сдѣлать польскому правительству «сильнѣйшія» по этому поводу представленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ «возобновить и сильнѣйшія домогательства» въ пользу Мосальскаго, — «за котораго мы причину имѣемъ чинить наше заступленіе напаче въ разсужденіе того, что онъ, какъ извѣстно (?), для защищенія отъ обидъ и утѣсненія единовѣрныхъ съ нами въ Виленской епархіи находящихся обывателей весьма потребенъ быть можетъ, чтобъ ему пожаловано было виленское коадъюторство предпочтительно другимъ и особливо Жмудскому епископу Тышкевичу, который единовѣрнымъ нашимъ въ Польшѣ повышѣ жестокимъ гонителемъ есть». Однако на неоднократныя представленія Гросса король и Брюль постоянно отговаривались тѣмъ, что по совѣсти не могутъ обидѣть епископа Жмудскаго предпочтеніемъ ему молодого человѣка, что бывшій коадъюторъ виленскій Сапѣга, хотя вполнѣ принадлежавшій къ партіи Чарторыйскихъ, былъ жесточайшимъ гонителемъ православныхъ и что напередъ объ умѣренности Мосальскаго никто поручиться не могъ бы, обѣщая, впрочемъ, что по смерти Тышкевича Мосальскій получитъ предпочтеніе передъ всѣми другими прелатами[2]). Къ этому времени относится и первый непосредственный отзывъ Михаила Мосальскаго къ русскому правительству, именно, письмо его къ Воронцову. Онъ писалъ[3]): «C'est sans doute par les bons offices que V. Exc. m'a rendu auprès de S. M. I. de toutes les Russies, que cette auguste Princesse a bien voulu s'intéresser pour un de mes fils que l'évêque de Vilna veut prendre pour son coadjuteur. J'ose encore implorer sa haute protection pour mettre la dernière main à cette affaire qui traine toujours. V. Exc. m'obligera pour toute ma vie si Elle voudra bien appuier de ses conseils ma très humble demande.»

Послѣ этого на время вопросъ о коадъюторствѣ Мосальскаго заглохъ, но онъ возобновился въ 1758 году. Нужно полагать, что русское правительство не усматривало никакой принципіальной враждебности къ православнымъ въ поведеніи Игнатія Мосальскаго во время описаннаго нами инцидента съ Леонтовичемъ, такъ какъ въ маѣ 1758 г., и на этотъ разъ уже по просьбѣ гетмана Мосальскаго, Гроссу предписано возобновить передъ королемъ ходатайство въ пользу предоставленія виленскаго коадъюторства референдарію литовскому. Вслѣдствіе настоятельныхъ приказаній изъ Петербурга[4]) «приложить всевозможныя старанія» къ желаемому окончанію этого дѣла, Гроссъ и Волконскій добились наконецъ отъ короля обѣщанія, что хотя онъ не можетъ по своей совѣсти противъ даннаго уже имъ

1) Рескр. 14 мая 1756 № 26.
2) Реляціи Гросса 3 (14) іюня и 17 (28) ноября 1756 г. № 55 и 135.
3) 28 ноября 1756 г. (М. Гл. Арх. М. И. Д., дѣла польскія 1756 г. № 3).
4) Рескрипты 26 мая, 14 и 26 іюня 1758 г.

слова предпочесть столь молодого человѣка, каковъ Мосальскій, семидесятилѣтнему прелату, но что послѣ Тышкевича епископство виленское будетъ непосредственно пожаловано Мосальскому [1]). Наконецъ, въ мартѣ 1759 г. пріѣхавшій въ Петербургъ молодой князь Чарторыйскій подалъ канцлеру Бестужеву записку [2]), въ которой писалъ, что «епископъ виленскій желаетъ назначенія аббата Мосальскаго своимъ коадъюторомъ, но ему упорно отказывали въ этой милости, такъ какъ онъ признается со всею своею семьею ревностнымъ приверженцемъ русской партіи въ Польшѣ [3]). Удача этого дѣла — говорилъ Чарторыйскій — была бы пооощреніемъ для партіи, такъ какъ ее считаютъ невозможною и доказала бы могущество покровительства императрицы, вернула бы партіи многихъ лицъ, которыя готовы отстать отъ нея и привлекла бы къ ней новыхъ приверженцевъ [4])». Записка эта сообщена была нашему новому посланнику въ Варшавѣ Воейкову [5]), но и на этотъ разъ представленія русскаго двора не имѣли успѣха.

Таковы были перипетіи этого вопроса въ царствованіе Августа III и было бы довольно трудно отвѣтить на вопросъ, кто болѣе старался и болѣе былъ заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ: Мосальскіе ли или русское правительство, вербовавшее себѣ этимъ путемъ приверженцевъ въ Польшѣ.

То же приходится сказать и по поводу отзыва автора объ отношеніяхъ Мосальскихъ къ русскимъ представителямъ въ Польшѣ. Оставивъ въ сторонѣ опубликованную въ Актахъ Виленской Коммиссіи переписку Мосальскихъ, какъ «не дающую матеріала достаточно полнаго» и представляющую «извѣстія отрывочныя, часто даже не совсѣмъ ясныя», ген. Брандербургъ однако пользуется нѣкоторыми обрывками ея для характеристики политическаго настроенія Мосальскихъ, но — не совсѣмъ удачно. Такъ напр., онъ cum grano salis отзывается объ отчетѣ Яна и Игнатія Мосальскихъ (стр. 272) о ихъ свиданіи съ кн. Волконскимъ при проѣздѣ послѣдняго въ 1757 г. черезъ Литву къ своему посту въ Варшаву. Между тѣмъ если обратить вниманіе на то, что—по отзыву того же Мосальскаго—«Чарторыйскіе ожидали Волконскаго, какъ евреи Мессію», что Чарторыйскимъ и ихъ партіи (къ которой принадлежали и Мосальскіе) при обѣщаніи русскимъ дворомъ поддержки и защиты объявлялось о миссіи Волконскаго, что «вскорѣ въ Польшу отличная персона въ качествѣ министра ея имп. вели-

1) Реляціи ихъ отъ 7 іюня, 5 и 12 іюля 1758 г.

2) Польск. дѣла 1759 № 8.

3) L'on s'est obstiné à lui refuser la faveur qu'il a demandé parcequ'il est reconnu être avec toute sa famille attaché avec zèle au parti de S. M. I. en Pologne.

4) La réussite de cette affoire serait un coup de parti puisqu'on la regarde comme impossible, et prouverait combien est puissante la protection de S. M. J., ramènerait beaucoup de personnes qui effrayées sont prêtes à quitter le parti et ferait des prosélytes.

5) При рескриптѣ отъ 30 марта 1759 № 1.

чества отправлена будетъ и что тотъ министръ главнѣйше для подкрѣпленія ихъ и ихъ партіи, будучи тамъ, старанія свои прилагать имѣетъ [1])», и что Волконскій въ бесѣдахъ съ Мосальскимъ высказывалъ, хотя лишь въ общихъ фразахъ свое расположеніе къ Чарторыйскимъ, къ Польшѣ и къ Мосальскимъ, при чемъ обѣщалъ имѣть въ виду и интересы ихъ семьи. — то похвалы Мосальскихъ Волконскому и ихъ удовольствіе его прибытіемъ будутъ вполнѣ понятны и заподозривать искренность ихъ не будетъ никакихъ основаній. Главнымъ же предметомъ забогъ русскаго правительства было противодѣйствіе французскому вліянію въ Польшѣ, замиреніе внутреннихъ тамъ несогласій и организація тамъ русской партіи, чтобы не быть вынужденнымъ набирать ее наскоро тогда уже, когда наступитъ надобность воспользоваться ею. Въ этомъ смыслѣ давались инструкціи нашимъ посланникамъ Гроссу и Волконскому; такова была цѣль и спеціальныхъ миссій въ Польшу и Литву Веймарна и Даревскаго [2]). Вступая въ союзъ съ Россіею Чарторыйскіе и ихъ сторонники имѣли въ виду опору противъ королевскаго фаворита Брюля и его зятя Минишека, борьбу противъ непомѣрнаго усиленія гетмановъ короннаго и литовскаго, стоявшихъ на сторонѣ Франціи. Соотвѣтственно этому Гроссъ, а затѣмъ и отправленные въ Польшу и Литву «для ободренія истинныхъ и благонамѣренныхъ патріотовъ» ген. Веймарнъ и Даревскій получаютъ инструкцію добиваться всѣми способами примиренія Чарторыжскихъ съ дворовою партіею, примирять враждующія партіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждать «благонамѣренныхъ» въ надеждѣ на твердую опору Россіи противъ приверженцевъ французской партіи. Въ 1756 г. съ Веймарномъ отправлены были письма [3]) Императрицы къ главѣ русской партіи Чарторыйскому, воеводѣ русскому и отъ канцлера къ второстепеннымъ корифеямъ этой партіи: примасу королевства Комаровскому, коронному канцлеру Малаховскому, литовскому канцлеру Чарторыйскому и подканцлеру Сапѣгѣ, къ гетману литовскому Радзивилу, къ вел. подскарбію литовскому Флемингу, къ воеводѣ волынскому Потоцкому, къ каштеляну краковскому Понятовскому, къ вел. подскарбію коронному Седлницкому, къ конюшему литовскому Радзивилу, къ гетману польному литовскому Мосальскому, къ маршалку вел. литовскому Огинскому и къ хорунжему литовскому Радзивилу [4]). Всѣ эти письма были тождественнаго содержанія. Въ нихъ объявлялось, что императрица принимаетъ такъ же близко къ сердцу интересы Польши, какъ свои собственные; объявля-

1) Пунктъ 2-й инструкціи ген. Веймарну 30 мая 1756 г. и письмо Императрицы къ кн. Чарторыйскому, воеводѣ русскому отъ того же числа. (Польск. д. 1756 № 11 *a* въ М. гл. Арх. М. И. Д).

2) Польскія дѣла 1756—1757 годовъ въ Моск. гл. Архивѣ М. И. Д.

3) Они помѣщены были 30 мая (Польск. д. 1756 № 11 *a*).

4) Къ послѣднимъ тремъ письма эти были отправлены лишь 4 октября съ Даревскимъ.

лось удовольствіе императрицы по поводу оказываемыхъ этими магнатами стараній въ пользу сохраненія спокойствія, вольности и правъ ихъ отечества и соблюденія дружбы съ Россіею; что она намѣрена свято исполнить свои обязательства, — не допускать никакихъ новшествъ, противныхъ или вредныхъ вольностямъ народа, и что всѣ благонамѣренные могутъ въ случаѣ нужды вполнѣ разсчитывать на покровительство и защиту Россіи; указывалось на злоупотребленія вслѣдствіе безмѣрнаго усиленія власти гетмановъ, на частыя нарушенія законовъ и вольности республики и выражалась надежда, что благонамѣренные постараются привести дѣла опять въ добрый порядокъ. Все это были вопросы, касавшіеся прежде всего внутреннихъ дѣлъ Польши, а не отношеній Польши къ Россіи и достаточно было принадлежать въ разсматриваемое нами время къ партіи Чарторыйскихъ, преслѣдовавшей тѣ же цѣли внутренней политики Польши, которыя были на руку политическимъ видамъ Россіи относительно этого государства, чтобы eo ipso получить званіе «благонамѣреннаго патріота» и право на защиту и покровительство Россіи со всѣми обычными въ такихъ случаяхъ послѣдствіями. А затѣмъ, всякому знакомому съ дипломатическою перепискою русскаго правительства по польскимъ дѣламъ извѣстно, что пенсіи и денежныя субсидіи не только выпрашивались поляками, но щедрою рукою раздавались и самимъ русскимъ правительствомъ по собственной его инціативѣ, такъ какъ подкупъ считался вообще въ дипломатіи XVIII в. весьма дѣйствительнымъ средствомъ не въ одной только Польшѣ.

Далѣе слѣдуетъ у автора довольно обстоятельный обзоръ политической дѣятельности кн. Игнатія Масальскаго, уже въ качествѣ епископа Виленскаго, въ политическихъ событіяхъ Польши съ 1762 по 1794 годъ (стр. 273—298). Авторъ сдѣлалъ здѣсь довольно подробную выборку изъ сочиненій Соловьева, Костомарова, Иловайскаго, Китовича[1]), изъ VII т. Сборника Рус. Ист. Общества[2]), изъ одного рукописнаго сборника Публичной библіотеки, изъ Volumina legum и даже изъ статьи въ Biographie universelle Michaud, но при очевидной недостаточности этихъ источниковъ характеристика и біографія этой дѣйствительно выдающейся и игравшей довольно видную роль въ историческихъ событіяхъ того времени личности оказалась у автора и неполною и далеко недостаточно рельефною, а сверхъ того у автора оказываются невыясненными и нѣкоторые не безъинтересные факты изъ жизни виленскаго епископа. Объясняется это, конечно,

---

1) Автору, повидимому, совершенно неизвѣстны другія капитальныя спеціальныя изслѣдованія разсматриваемой эпохи: Калинки, Корзина и др.

2) Авторъ цитируетъ его (на стр. 279) какъ «Русскій историческій сборникъ» (!?).

прежде всего тѣми источниками, изъ которыхъ авторъ черпалъ свои свѣдѣнія. Это, съ одной стороны, отрывочные, весьма немногочисленные оффиціальные документы, съ другой — и главнымъ образомъ — отрывочныя извѣстія, сообщаемыя историками. Само собою разумѣется, что у этихъ историковъ свѣдѣнія о Мосальскомъ встрѣчаются лишь случайно, поскольку эти свѣдѣнія оказывались нужными или полезными для ихъ общеисторическихъ характеристикъ. При этомъ понятно, для общаго историка можетъ не представлять интереса многое такое, что представляетъ первостепенную важность для біографа. Съ другой стороны, біографъ историческаго дѣятеля, черпающій свои свѣдѣнія только у общихъ историковъ, невольно долженъ подчиняться тѣмъ общимъ взглядамъ и характеристикамъ, которые онъ встрѣчаетъ въ своемъ источникѣ. Такъ было и съ авторомъ Рода Мосальскихъ. Собственно говоря, характеристика Игнатія Мосальскаго должна бы была явиться для него благодарнѣйшею темою и какъ для «историка» рода и какъ для жизнеописателя дѣятелей изъ этого рода. А между тѣмъ въ дѣйствительности мы находимъ здѣсь лишь рядъ отрывочныхъ, случайныхъ фактовъ изъ жизни епископа виленскаго, механически связанныхъ между собою пересказомъ общеизвѣстныхъ фактовъ послѣднихъ лѣтъ Рѣчи Посполитой, при чемъ читателю предоставляется на слово вѣрить тѣмъ выводамъ и характеристикамъ, которые даетъ авторъ.

Въ виду всего этого мы считаемъ безполезнымъ подвергать этотъ отдѣлъ книги ген. Бранденбурга подробному разсмотрѣнію и укажемъ лишь нѣкоторыя странности въ немъ. Такъ, на стр. 277 авторъ высказываетъ рядъ догадокъ и предположеній, которыя утратили бы этотъ гадательный характеръ, если бы онъ обратился хотя бы къ первымъ двумъ томамъ Политической переписки Екатерины II, изданнымъ Русскимъ историческимъ обществомъ [1]). Въ такомъ случаѣ, напр. «намеки» на сношенія Игнатія Мосальскаго съ Петербургомъ по вопросу о составленіи конфедераціи 1764 г. авторъ могъ бы превратить въ факты не лишенные историческаго интереса [2]). Не было бы надобности и въ догадкахъ и гипотезахъ о тѣхъ цѣляхъ, съ какими Мосальскому платились субсидіи правительствомъ Екатерины. Кстати тутъ авторъ нашелъ бы [3]) не безъинтересныя свѣдѣнія и о томъ, что въ началѣ царствованія Екатерины Мосальскіе еще не были безусловными приверженцами русской партіи, и какимъ образомъ совершилось ихъ привлеченіе на сторону Россіи. Вообще авторъ неоднократно упоминаетъ въ разсматриваемомъ нами отдѣлѣ о политикѣ Россіи въ Польшѣ, о содѣйствіи и противодѣйствіи ей Михаила и Игнатія Мосальскихъ, но

1) Сборн. этого Общества т. 48 и 51.
2) Объ этомъ документы въ 51 т. Сборника.
3) Въ 48 т. Сборника.

никакого яснаго представленія о политическихъ тенденціяхъ Мосальскихъ читатель изъ этихъ отрывочныхъ свѣдѣній не получаетъ, опять-таки потому, что для историковъ, у которыхъ авторъ черпалъ свои свѣдѣнія, интересъ представляла не характеристика политической дѣятельности Мосальскихъ, а постепенный ходъ развитія русской политики въ Польшѣ; разные Чарторыйскіе, Мосальскіе, Потоцкіе и т. д. оказывавшіе то или другое вліяніе на него, имѣли для этихъ историковъ значеніе лишь отдѣльныхъ случайныхъ факторовъ и только благодаря этому ихъ имена и дѣянія и попадали на страницы общей исторіи русско-польскихъ отношеній у Соловьева, Костомарова и т. д. Для историка же рода Мосальскихъ задача должна была представляться нѣсколько иная. Отъ него можно было бы ожидать не только перечисленія эпизодовъ изъ русско-польскихъ отношеній, указанныхъ у другихъ историковъ, а прежде всего характеристики политическихъ тенденцій Мосальскихъ въ самой Польшѣ, т. е. политическихъ взглядовъ и направленія Мосальскихъ, ихъ отношеній къ политическимъ теченіямъ въ Польшѣ того времени, а слѣд. и къ другимъ политическимъ партіямъ, а затѣмъ уже — въ виду тѣсной связи между событіями въ Польшѣ съ политикою другихъ державъ (не одной только Россіи) — ихъ отношенія и къ политикѣ этихъ державъ (и опять — не одной только Россіи). У автора, напр., ни однимъ словомъ не упоминается о разрывѣ Мосальскихъ съ Чарторыйскими въ 1769—1770 г. [1]), а между тѣмъ эти отношенія находились въ связи съ отношеніями къ епископу виленскому нашего посла Волконскаго. Такъ, изъ его депешъ къ Панину, напр., отъ 1/12 февр. и отъ 3/14 марта 1771 г. видно, что посолъ поддерживалъ отличныя отношенія къ епископу и что и тотъ и другой находились въ враждебныхъ отношеніяхъ къ Чарторыйскимъ. Поэтому мнѣніе автора, что къ 1770 году епископъ изъ матеріальныхъ соображеній измѣнилъ свое поведеніе относительно русскаго двора по меньшей мѣрѣ односторонне. Къ тому же авторъ не обратилъ никакого вниманія на нѣкоторую перемѣну къ этому времени (1768—9 г.) въ направленіи русской политики въ Польшѣ, напр., въ вопросѣ о правахъ диссидентовъ [2]), и на новый поворотъ въ ней со смѣною Волконскаго Сальдерномъ. Любопытно во всякомъ случаѣ сопоставить хотя бы отзывы объ епископѣ виленскомъ Волконскаго въ указанныхъ нами депешахъ съ отзывомъ, который далъ объ немъ въ первомъ же своемъ донесеніи Императрицѣ изъ Варшавы Сальдернъ, въ маѣ 1771 г. [3]). На насъ, по крайней мѣрѣ, просмотръ донесеній русскихъ представителей въ Вар-

1) Объ этомъ авторъ могъ бы найти свѣдѣнія и у Соловьева, и у Дубровина (Вѣстн. Евр. 1870, № 7, стр. 227 сл.).

2) См. Соловьева и 87 т. Сбор. Русск. Ист. Общ.

3) Реляція № 2. (Цитирована по Соловьеву на стр. 281 прим. 24).

шавѣ до 1772 г. произвелъ такое впечатлѣніе, что Мосальскаго можно за это время считать приверженцемъ русской политики въ Польшѣ только по недоразумѣнію и что въ донесеніяхъ русскихъ представителей онъ является въ видѣ то сторонника, то противника Россіи, смотря по колебаніямъ направленій и комбинацій русской политики и, отчасти, по личнымъ взглядамъ на него того или другого посланника. Кейзерлингъ, Волконскій, Штакельбергъ, Булгаковъ благоволили къ Мосальскому, Репнинъ и Сальдернъ — наоборотъ, и въ особенности послѣдній. Мнѣніе, высказанное Мосальскимъ относительно замиренія Польши Сальдерну и такъ сильно раздражившее послѣдняго [1]), имѣло такую же точно тенденцію, какъ и планъ реконфедераціи, поданный имъ Волконскому [2]), а между тѣмъ эффектъ того и другого на двухъ пословъ былъ совершенно различный. Въ виду всего этого характеристику, данную епископу виленскому Сальдерномъ или авторомъ на стр. 287 [3]) можно признать правильною, но она отнюдь не вытекаетъ изъ фактовъ, сообщаемыхъ авторомъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ странное смѣшеніе фактовъ у автора. Въ примѣчаніи 34 на стр. 289—290 авторъ касается факта временнаго удаленія епископа виленскаго за границу, на основаніи разсказа Китовича. Китовичъ сообщаетъ, именно, что послѣ сраженій при Несвижѣ и Столовицахъ обнаружилось участіе епископа въ конфедераціи Огинскаго и что епископъ бѣжалъ отъ русской погони за границу. Къ этому разсказу авторъ присовокупляетъ свое примѣчаніе, что «въ какой степени достовѣренъ разсказъ, ручаться трудно, но фактъ выѣзда Мосальскаго за границу извѣстенъ и изъ другихъ источниковъ: имѣется его посланіе къ епархіи отъ 25 окт. 1789 г., въ которомъ онъ прощается съ паствою и т. д. Притомъ этотъ разсказъ Китовича и примѣчаніе къ нему пріурочены авторомъ къ событіямъ 1789—1791 годовъ. Очевидно, въ представленіи автора и приводимый Китовичемъ фактъ относится къ 1789 г. Между тѣмъ въ дѣйствительности конфедерація Огинскаго и сраженія при Несвижѣ и Столовицахъ происходили осенью 1771 года. Такъ какъ эти событія имѣли значеніе въ политическихъ судьбахъ епископа Виленскаго, то мы считаемъ нелишнимъ разсказать ихъ на основаніи подлинныхъ оффиціальныхъ документовъ [4]).

Какъ мы уже замѣтили, конфедерація Огинскаго и Косаковскаго открыла свои военныя дѣйствія въ Литвѣ лѣтомъ 1771 г., и скрытое участіе

---

1) Депеша Панину 4/15 іюня 1771 г. № 10 (цитир. по Соловьеву на стр. 286).

2) Цит. стр. 284.

3) Эта послѣдняя характеристика заимствована у Соловьева, который въ свою очередь почерпнулъ ее изъ документа, напечатаннаго на стр. 498 тома 87 Сбор. Рус. Ист. Общ.

4) М. Гл. Арх. М. И. Д. Дѣла польскія III Varsovie 1771—1773 г.

въ ней епископа виленскаго не было тайною для Сальдерна. Но такъ какъ участіе это было скрытое, выражавшееся только въ сочувствіи высказывавшемся имъ конфедератамъ и въ ненависти къ русскимъ, то никакихъ мѣръ противъ Мосальскаго не принималось. Тѣмъ не менѣе въ августѣ 1771 г. онъ выѣхалъ за границу и оставался тамъ (въ Парижѣ и Лондонѣ) въ теченіи 18 мѣсяцевъ, до января 1773 года. Удачное для Огинскаго сраженіе при Несвижѣ произошло 6 сентября н. ст., а нѣсколько дней спустя конфедераты были разбиты Суворовымъ при Столовицѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, уже въ сентябрѣ открытъ былъ въ Вильнѣ въ домѣ Мосальскаго значительный складъ оружія и военной аммуниціи[1]), при чемъ оказалось, что изъ этого склада часть оружія и аммуниціи была препровождена ранѣе Огинскому. Все это открытіе было уже въ отсутствіе Мосальскаго и послѣдствіемъ этого открытія было то, что когда въ декабрѣ 1771 года въ виду предстоявшаго вступленія въ Литву значительнаго корпуса русскихъ войскъ приступлено было къ устройству продовольственныхъ магазиновъ, то при этомъ съ имѣній епископа виленскаго постановлено было забирать продовольствіе безъ вознагражденія за взятое съ нихъ[2]). Что же касается шкатулки Огинскаго, о которой разсказываетъ Китовичъ, то эта шкатулка дѣйствительно была скрыта аббатомъ Вязевичемъ послѣ сраженія при Столовицахъ, но открыта она была лишь въ январѣ 1772 г.[3]), при чемъ найденныя въ ней бумаги оказались — по свидѣтельству Сальдерна — «неважными (de peu de conséquence), а наиболѣе интереснымъ, заключавшіеся въ ней 11000 червонцевъ».

Между тѣмъ, какъ совершались эти событія, между Россіею и Пруссіею уже состоялось соглашеніе о раздѣлѣ Польши, къ которому вскорѣ присоединилась и Австрія и нужно было подготовить въ Польшѣ почву для согласія поляковъ на добровольное подчиненіе раздѣлу. Отсюда у русскаго правительства составился новый планъ отношенія къ польскимъ магнатамъ. Рѣшено было «не менажировать саксонскую партію (Потоцкаго, Мнишека, Радзивила), но отношенія къ остальнымъ поставить въ зависимость отъ отношенія ихъ къ русско-польскому соглашенію о раздѣлѣ: Ce sera là la vraie et dernière épreuve,— писалъ Панинъ Сальдерну[4]) — où nous mettrons

1) 949 паръ пистолетовъ, 3012 ружей, 881 палашъ, 543 сабли, 2150 патронташей и т. д. (Депеша Сальдерна 10/21 сент. № 43.

2) Постановлено: у участниковъ конфедераціи забирать провіантъ по количеству земли съ выдачею простыхъ удостовѣреній о забранномъ; у подозрѣваемыхъ въ такомъ участіи брать подъ квитанціи; у благонадѣежныхъ—за наличныя деньги и только въ случаѣ недостатка забраннаго у лицъ первыхъ двухъ категорій. Къ первой категоріи отнесены были вел. гетманъ литовскій Огинскій, воевода виленскій Радзивилъ, епископъ Мосальскій, Потоцкій и др. (Депеша Сальдерна 24 дек. 1771 (4 янв. 1772) № 86).

3) Депеша Сальдерна 20/31 янв. 1772.

4) Панинъ Сальдерну 30 марта 1772 № 5.

les sentiments ouverts ou cachés de chaque individu et les faveurs seront pour ceux qui se prèteront à procurer un arrangement final avec leur patrie, comme le ressentiment tombera sur ceux qui s'y opposeront». Но пока въ Варшавѣ оставался Сальдернъ, примѣненіе этого новаго принципа было довольно трудно, — Сальдернъ былъ несомнѣнно упоренъ въ своихъ взглядахъ и отношеніяхъ къ людямъ и не отличался дипломатическою гибкостію. Онъ умѣлъ дѣйствовать только угрозами и крутыми мѣрами [1]). Положеніе это совершенно измѣнилось съ назначеніемъ на его мѣсто Штакельберга, тоже человѣка не мягкаго, но ловкаго политика. Въ одномъ изъ первыхъ же его донесеній мы видимъ уже ходатайство о разрѣшеніи вернуться въ Польшу примасу королевства и о пересмотрѣ его дѣла и другихъ эмигрировавшихъ изъ Польши во времена Сальдерна магнатовъ для необходимаго образованія, путемъ благодѣяній, русской партіи «такъ какъ таковой теперь не существуетъ [2]). А составить русскую партію было необходимо, — она нужна была для составленія благопріятнаго русской политикѣ сейма объ окончаніи польскихъ дѣлъ. Обстоятельства благопріятствовали планамъ Штакельберга. Многіе магнаты стали обращаться къ нему съ повинною и ходатайствомъ о возвращеніи имъ благоволенія русскаго двора и о разрѣшеніи вернуться въ Польшу. Представленія посла были уважены [3]) тѣмъ болѣе, что они соотвѣтствовали и указанному нами новому принципу отношеній къ польскимъ магнатамъ. Такимъ образомъ возвратились въ Польшу Вессель и Велепольскій, — эти «fourbes enragés», по отзыву Сальдерна, — возвращенію которыхъ послѣдній противился до послѣдней минуты своего пребыванія въ Варшавѣ; къ этому же времени относится и возвращеніе въ Польшу пребывавшаго въ это время въ Лондонѣ епископа виленскаго. Въ концѣ сентября 1772 г. Мосальскій обратился къ Штакельбергу чрезъ Сестренцевича съ запросомъ: «s'il peut être sûr des capitaux qui lui sont hypothéqués sur Siebez et Zlobin dans la Russie blanche et dont l'une est au pr. Radzivil et l'autre à Chalecki» [4]). Отвѣтъ былъ данъ удовлетворительный, и въ январѣ 1773 г. Мосальскій вернулся въ Варшаву. Донесенія бар. Штакельберга свидѣтельствуютъ, что въ подготовительномъ къ сейму senatus-consilium'ѣ Мосальскій дѣйствовалъ вполнѣ согласно съ инструкціями посла, что онъ содѣйствовалъ затѣмъ выбору сеймиками «благонамѣренныхъ» депутатовъ въ сеймъ и т. д. [5]). Вообще съ этого времени и до

---

1) Сальдернъ Панину 4/15 іюля 1772 и др.

2) Штакельбергъ Панину 20 сент. (1 октяб.) 1772 № 9; 23 сент. (4 октяб.) и др.

3) Панинъ Штакельбергу 7 окт. 1772 № 4 и др.

4) Штакельбергъ Панину 26 сент. (6 окт.) 1772 № 13.

5) Штакельбергъ Панину 8/19 февр. 1773 № 15, 28 февр. (11 мар.) № 22, 11/22 авг. 1773 и др.

трагическаго конца своей политической карьеры Мосальскій оставался послушнымъ орудіемъ въ рукахъ русскаго правительства въ Польшѣ.

Въ заключеніе (стр. 298 сл.) авторъ даетъ весьма старательно составленный очеркъ матеріальнаго положенія Мосальскихъ въ Польшѣ и переходовъ ихъ недвижимыхъ имуществъ, сообщаетъ подробности крупнаго процесса, веденнаго Игнатіемъ Мосальскимъ съ Неселовскими, даетъ характеристику епископа виленскаго, какъ церковнаго и общественнаго дѣятеля и заканчиваетъ разсказомъ о судьбахъ красавицы Елены Мосальской-Потоцкой.

Послѣднія (326 — 330) страницы разсматриваемой нами главы Рода Мосальскихъ посвящены Мосальскимъ въ Россіи въ XVIII в.

Наконецъ на заключительныхъ страницахъ 1-й ч. Рода Мосальскихъ мы находимъ свѣдѣнія о послѣднихъ членахъ этого рода въ XIX в. и (стр. 337—363) весьма тепло составленный очеркъ жизни и дѣятельности ген.-адъютанта Н. Ѳ. Мосальскаго.

Какъ мы уже замѣтили въ своемъ мѣстѣ, часть вторая и третья книги ген. Бранденбурга заключаютъ поколѣнную роспись рода Мосальскихъ съ приложеніемъ родословной таблицы ихъ и собраніе документовъ, касающихся рода Мосальскихъ. Мы уже отмѣтили въ своемъ мѣстѣ нѣкоторые промахи и недосмотры автора въ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ имъ въ поколѣнной роспися. Что же касается документальныхъ приложеній къ книгѣ, то они представляютъ, къ сожалѣнію, лишь узкій фамильный интересъ и общеисторическаго значенія не имѣютъ.

Заканчивая разсмотрѣніе книги ген. Бранденбурга, Родъ князей Мосальскихъ, считаемъ нелишнимъ сдѣлать общую ея характеристику.

Мы находимъ въ ней два главныхъ недостатка.

1) Первый изъ этихъ недостатковъ заключается въ качествѣ источниковъ, которыми пользовался авторъ. Было бы несправедливо дѣлать автору упрекъ въ томъ, что онъ взялся писать исторію рода Мосальскихъ, не имѣя подъ руками никакого родового архива Мосальскихъ. Это фактъ прискорбный, но независѣвшій отъ воли автора. Но въ виду такого положенія историку рода Мосальскихъ, очевидно, слѣдовало обратить особенное вниманіе на то, чтобы по возможности исчерпать тотъ историческій матеріалъ, который могъ сохраниться помимо семейныхъ архивовъ. Этого авторъ Рода Мосальскихъ не сдѣлалъ. Не говоря уже о неполнотѣ источниковъ первой и второй руки, которыми онъ пользовался, читателя его книги не можетъ не поразить тотъ непонятный фактъ, что онъ совершенно игнорировалъ Мо-

сковскій главный Архивъ М. И. Д. [1]). Со стороны составителя родословія Мосальскихъ ограниченіе документами Метрики Литовской и Архива М. Ю. было бы еще допустимо, хотя книга ген. Бранденбурга является наглядным примѣромъ недостаточности этого источника. Но для исторіи рода Мосальскихъ обойти Архивъ М. И. Д. было невозможно и непозволительно, — доказательство этому то, что авторъ почерпалъ отрывочныя свѣдѣнія документовъ этого Архива изъ вторыхъ рукъ — сочиненій Соловьева и др. Затѣмъ сюда же относится нашъ упрекъ автору въ недостаточномъ вниманіи при пользованіи тѣми источниками, которыми онъ располагалъ.

2) Второй упрекъ нашъ касается въ частности первой части Рода Мосальскихъ, т. е. исторіи этого рода. Въ этомъ отдѣлѣ авторъ поставилъ себѣ задачею дать «характеристику той исторической обстановки, въ которой жили и дѣйствовали представители рода Мосальскихъ, поскольку обстановка эта связывалась съ именами тѣхъ или другихъ членовъ послѣдняго». Такая постановка вопроса можетъ быть признана съ научной точки зрѣнія правильною или неправильною, смотря по тому, въ какое отношеніе «историческая обстановка» будетъ поставлена къ лицамъ, дѣйствовавшимъ въ ней. Всякое лицо дѣйствуетъ и живетъ въ извѣстной исторической обстановкѣ, но разсказать политическія событія извѣстнаго времени и сказать, что въ это время данное лицо жило и занимало такія-то общественныя должности не значитъ, съ научной точки зрѣнія, связать ихъ вмѣстѣ. Въ этомъ отношеніи нужно имѣть въ виду и различіе въ задачахъ и методахъ, которые представляются въ подобныхъ случаяхъ историку извѣстнаго народа или даже извѣстной исторической эпохи и историку извѣстнаго рода. Для общаго историка на первомъ планѣ стоятъ массовыя событія и массовые факты и ихъ преемственная связь. Личности для него представляютъ лишь интересъ, поскольку онѣ оказываютъ индивидуальное вліяніе на эти факты и событія или являются типичными представителями общественныхъ политическихъ или культурныхъ теченій, правовъ и т. п. Въ нѣсколько иномъ видѣ представляется задача историка рода. Для него главная цѣль — характеристика членовъ рода и выясненіе ихъ роли въ историческихъ событіяхъ, въ общественной и политической жизни ихъ времени. У историка рода въ дѣятельности той или другой личности отражается и выясняется внутренній смыслъ историческихъ, хотя бы и совершенно независящихъ отъ этой индивидуальной дѣятельности событій и фактовъ, а при болѣе счастливыхъ условіяхъ того матеріала, надъ которымъ приходится

---

1) Впрочемъ, какими-то странными судьбами на стр. 18 Рода Мосальскихъ цитированъ одинъ документъ этого Архива.

оперировать, оказывается возможнымъ и выслѣдить большее или меньшее вліяніе личности на ходъ историческихъ событій и значеніе ея въ исторіи даннаго народа или государства или общественнаго класса. Въ одномъ лишь отношеніи задачи и методы историка общаго и историка рода совпадаютъ—это въ томъ, что какъ тотъ, такъ и другой, изслѣдуя историческій фактъ въ связи, конечно, съ дѣйствующими въ немъ личностями, прежде всего задается вопросомъ: чѣмъ вызванъ данный фактъ, — есть ли онъ лишь результатъ историческаго хода вещей, а историческіе дѣятели, съ именами которыхъ связывается разсматриваемое явленіе играютъ роль лишь какъ бы слѣпыхъ орудій въ общемъ теченіи исторической жизни, или же въ этомъ событіи отразилась личная инпціатива историческаго дѣятеля.

Такимъ образомъ исторія всякаго рода и даже отдѣльной исторической личности можетъ представлять весьма цѣнный историческій матеріалъ, выясняя хотя бы для отдѣльныхъ случаевъ подкладку, такъ сказать, историческихъ и бытовыхъ явленій даннаго народа, выясняя взаимодѣйствіе между роковымъ развитіемъ и теченіемъ исторической жизни народа и мелкими, но въ своей совокупности весьма вліятельными факторами, кроющимися въ самомъ этомъ народѣ. Но для того, чтобы исторія рода или лица имѣла такое научное значеніе, необходимо соблюденіе историкомъ указанныхъ нами пріемовъ изслѣдованія.

Примѣняя указанныя нами общія начала къ сочиненію ген. Бранденбурга, мы не можемъ, къ сожалѣнію, признать его удовлетворяющимъ строго научнымъ требованіямъ, такъ какъ въ немъ мы, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, не находимъ послѣдовательно проведеннаго научно-историческаго метода. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ вмѣсто исторіи рода, какъ мы ее понимаемъ, авторъ даетъ лишь обзоръ большею частію извѣстныхъ историческихъ фактовъ и эпизодовъ изъ русской или польской исторіи, въ которыхъ участвовали различные члены рода Мосальскихъ, при чемъ совпаденіе это производитъ на читателя впечатлѣніе чего-то случайнаго, такъ какъ ни личности не получаютъ освѣщенія въ случайномъ сопоставленіи ихъ съ событіями, ни событія и явленія не выясняются отъ участія въ нихъ личностей. Объясняется это по нашему мнѣнію, съ одной стороны, недостаточно полнымъ, всесторонпимъ и внимательнымъ изученіемъ архивныхъ матеріаловъ, а съ другой — неудовлетворительностью метода изслѣдованія, примѣненнаго авторомъ.

При всемъ томъ, принимая во вниманіе несомнѣнную трудность предстоявшей автору Рода Мосальскихъ задачи и несомнѣнно значительный кропотливый трудъ, положенный имъ въ особенности на составленіе II части его сочиненія, я полагаю, что трудъ этотъ заслуживаетъ высокаго поощренія.

ПРИЛОЖЕНІЕ 1-е.

Царская грамота къ кн. Станиславу Мосальскому 1656 года.

Б. М. отъ вел. государя царя и вел. князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и *бѣлыя* Росіи самодержца, московскаго, кіевскаго, владимерскаго, новгородскаго, царя казанскаго, царя астраханскаго, царя сибирскаго государя псковскаго и *вел. князя литовскаго* и т. д. нашего царскаго величества великаго княжества литовскаго князю Станиславу Мосалскому воеводичю Брескому. Вѣдомо намъ, вел. государю, нашему цар. величеству учинилось, что Петръ Вяжевичъ забывъ свое обещание, на чемъ далъ намъ вел. государю, нашему цар. величеству хочетъ[1]) отъехать въ Полшу; и тобѣ бъ князю Станиславу Мосалскому намъ, вел. государю, нашему цар. величеству послужить, Петру Вяжевичю говорити, чтобъ онъ ѣхалъ къ намъ, вел. государю въ Полоцкъ и видѣлъ наши царск. величества пресвѣтлые очи, а мы, вел. государь, наше цар. величество учнемъ его, Петра, и шляхту при немъ будучую жаловать нашимъ государскимъ милостивымъ жалованьемъ; а буде зачѣмъ къ намъ в. г. и. ц. в. въ Полоцкъ ѣхати ему нелзѣ и онъ бы, Петръ, ѣхалъ и. ц. величества вел. князя литовскаго въ столной городъ Вилню и намъ великому государю далъ вѣру по прежнему своему обѣщанію передъ нашимъ ц. величества воеводою, что служити ему намъ в. г. и. ц. величеству со всею шляхтою и добра всякаго хотѣти, а въ Полшу не ѣхать. А буде впрямъ вѣдомо тебѣ будетъ, что Петръ Вяжевичъ, забывъ свое обѣщаніе, поѣдетъ въ Полшу и тебѣ бъ итти на него со всѣми и. ц. в. ратными людми при тебѣ будучими и промышлять надъ нимъ, чтобъ его не упустить, а буде мочно, и изымать и прислать къ намъ, в. г.; а буде ты служа намъ вел. государю Петра Вяжевича въ Полшу не упустишь, и мы, в. г. и. ц. в. пожалуемъ тебя, кн. Станислава Мосалскаго, воеводича Брескаго, нашимъ государскимъ жалованіемъ (зачеркнуто: «Петра Вяжевича маетностями до болшого сейму») воеводствомъ Брескимъ. Писанъ въ нашемъ государскомъ походѣ на стану (зачеркнуто: въ селѣ Руиѣ) нашемъ царскаго величества, лѣта отъ созданія міру 7164 мѣсяца іюня 27 дня».

---

1) Зачеркнуто: измѣнять и.

Другая *грамота ему же:*

(По полномъ титулѣ). Нашего царскаго величества вел. княжества литовскаго князю Станиславу Мосалскому воеводичю Брескому. Вѣдомо намъ, вел. государю учинилось, что у тебя въ зборѣ гусары и ты бъ князь Станиславъ Мосалскій къ намъ вел. государю, къ н. ц. в-ву съ тѣми гусары ѣхалъ въ походъ, въ нашъ цар. величества городъ Полоцкъ, а гусаръ бы у тебя и у Якуба Теодоря Куицевича было 500 человѣкъ и къ Якубу о томъ нашъ цар. вел-ва указъ посланъ, а какъ пріѣдешь, и мы, в. г. н. ц. в. тебя пожалуемъ и заплату гусарамъ дать велимъ, также и тебѣ деньги твои, которые давалъ (зачеркнуто: гусаромъ) нашимъ н. велва ратнымъ людемъ, велимъ отдати изъ нашіе ц. велва казны, въ томъ бы есте во всемъ на нашу государскую милость были надежны. Писанъ въ нашемъ государскомъ походѣ на стану въ Витебску, лѣта отъ созданія міру 7164 мѣсяца іюня 30 дня.

Помѣта: Бѣлыя грамоты писаны на середнихъ александрѣйскихъ листахъ все чернилы безъ золота, запечатаны государственною большою *новою* печатью съ полными титлы. Посланы въ Вильню къ воеводѣ ко кн. Михаилу Шаховскому съ шляхтичемъ съ Станиславомъ Превлоцкимъ, которой пріѣзжалъ къ государю бить челомъ отъ кн. Станислава Мосалскаго тогожъ числа. Подпись на тѣхъ дву грамотахъ дьяка Ефима.

Грамота Вяжевичу.

(Тотъ же большой титулъ, какъ въ грамотѣ Мосальскому). Нашего цар. величества сенатору Петру Казимиру Вяжевичю, воеводѣ Новогроцкому. Изволимъ вел. государь н. ц. велво ныиѣ идти въ нашъ ц. велва городъ Полоцкъ. И тебѣ-бъ ѣхать къ намъ, вел. государю, въ походъ къ Полоцкъ, а какъ ты пріѣдешь, и мы, вел. государь н. ц. велво тебя пожалуемъ, велимъ видѣть наши государскіе пресвѣтлые очи и пожалуемъ нашимъ ц. велва жалованіемъ и отпустимъ тебя безъ задержанія. А буде бъ тебѣ къ намъ, в. г. къ н. ц. велву ѣхать будетъ зачѣмъ не мочно и тебѣ бъ, нашего ц. велва сенатору Петру Казимеру Вяжевичю, воеводѣ Новогродцкому ѣхать нашего ц. велва вел. княжества литовскаго въ стольной городъ въ Вилню къ воеводѣ нашему ко кн. Мих. Сем. Шеховскому и въ Вилнѣ намъ, в. г. царю и вел. кн. Алексѣю Михайловичю всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичю и дѣдичю и наслѣдинку и государю и обладателю и сыну н. ц. велва, благовѣрному царевичю и вел. князю Алексѣю Алексѣевичю всеа вел. и мал. и бѣл. Росіи по прежнему своему обѣщанію, какъ ты обѣщался быти вѣрне подъ н. ц. велва высокою рукою въ вѣч-

номъ подданствѣ и на чемъ по твоему велѣнью восводства новогродскаго шляхта за тебя и за себя намъ вел. государю вѣру учинила, нынѣ самому по святой и непорочной евангельской заповѣди Христовѣ учинити вѣру во всемъ потому, какъ въ нашей ц. велва въ крестоприводной записи написано. А учиня вѣру, ѣхать къ себѣ назадъ. Писанъ въ нашемъ государскомъ походѣ на стану въ нашемъ ц. велва городѣ Витебску. Лѣта отъ созданія міру 7164 мѣсяца іюня 27 дня.

Помѣта: Бѣлыя грамоты писаны на александрѣйскихъ на серединхъ листахъ, каймы и «Божіею» и государево имя по «Московского» писано золотомъ. Запечатаны государственною большою новою печатью съ полными титлы на красномъ воску подъ кустодіею. Посланы тѣ грамоты въ Вилно ко кн. Мих. Шеховскому, а ему по государевѣ грамотѣ велѣно отдать въ Вилнѣ. Подпись на тѣхъ грамотахъ думнаго дьяка Ларіона Іопухина. Посланы обѣ грамоты съ шляхтичемъ съ Станисл. Превлоцкимъ, которой присланъ былъ государю бить челомъ о дѣлехъ отъ кн. Станисл. Мосалскаго.

Грамота *Кунцевичу*.

(Тотъ же большой титулъ, что и къ Мосальскому). Нашего ц. велва вел. княжества литовскаго, Іицкаго повѣту полковнику Якубу Теодору Кунцевичю, подкоморію Іицкому Конявскому и Дубицкому старостѣ. Вѣдомо намъ вел. государю учинилося, что у тебя въ зборѣ гусары и тыбъ, полковникъ Якубъ Теодоръ Кунцевичъ къ намъ в. г. къ н. ц. вел-ву съ тѣми гусары ѣхалъ въ походъ въ нашъ, ц. велва городъ Полоцкъ». (Приказъ, чтобъ гусаровъ было у Кунцевича и Мосальскаго 500 человѣкъ. Обѣщаніе пожаловать его и уплатить жалованіе гусарамъ изъ казны). Писана въ Витебскѣ 30 іюня 7164 г.

Отправлена грамота съ Лидскими послапцы

Грамота въ Вильну *къ воеводѣ кн. Мих. Сем. Шаховскому*. Сообщается объ отправкѣ къ нему съ шляхтичемъ Превлоцкимъ двухъ грамотъ: одной Вяжевичу, другой Мосальскому (о Вяжевичѣ) и о содержаніи ихъ. Если про Вяжевича впрямь вѣдомо будетъ, что въ немъ никакой шатости нѣтъ и хочетъ быть подъ ц. велва высокою рукою, то грамоту къ нему послать съ кѣмъ пригоже, а къ Мосальскому грамоты не посылать, а буде вѣдомо будетъ, что Вяжевичъ забывъ свое обѣщаніе хочетъ измѣнить, отъѣхать въ Польшу, или уже и поѣхалъ, то грамоты къ Вяжевичу не посылать, а послать грамоту къ Мосальскому.

Когда была отдана Мосальскому въ управленіе гродненская экономія, намъ опредѣлить не удалось, но управленіе его, повидимому, было не изъ образцовыхъ. Нужно вообще замѣтить, что временное военное утвержденіе русской власти въ западномъ краѣ не возстановило тамъ гражданскаго порядка. «Шляхта повѣтовая, — писалъ новоназначенный гродненскій воевода Апрѣлевъ лѣтомъ 1656 года [1]), — которые тебѣ, вел. государю, крестъ цѣловали здѣсь въ городненскомъ повѣтѣ многое дурно чинять: другъ къ другу на дворы наѣзжаютъ и грабятъ. А что были прежъ сего въ городенскомъ повѣтѣ королевскія села, а нынѣ твоя городенская экономія, и тѣ твои государевы села шляхта грабятъ и лѣса твои государевы сѣкутъ и звѣри въ твоихъ государевыхъ лѣсахъ, лоси и иные всякіе звѣри, бьютъ безъ твоего государева указу. И многіе къ нимъ шляхты изъ Польши пріѣзжаютъ и живутъ въ городенскомъ повѣтѣ не присягавъ тебѣ, вел. государю, и не цѣловавъ креста и маетностьми твоими владѣютъ». Быть можетъ, ради огражденія «государевой городенской экономіи» и былъ назначенъ управлять ею доброхотный Московскому государству кн. Станиславъ. Но вотъ что пишетъ объ этомъ тотъ же Апрѣлевъ въначалѣ 1657 года [2]): «А буде изволишь своихъ государевыхъ ратныхъ людей прислать сюда на границу, и въ городенскомъ повѣтѣ въ экономіи городенской, что нынѣ владѣетъ князь Мосальской, тысяча или другая прокормятся, хотя и разорили жолнеры литовскіе и кн. Мосальской, и только еще остатокъ есть; а конпымъ кормомъ тожъ будетъ можно прокормиться, только нынѣ разоряетъ кн. Мосальской экономію: смѣлетъ съ тое экономіи хлѣбомъ и деньгами безъ мѣры. А что нынѣ пришелъ твой государевъ указъ, чтобы отписать экономію городенскую на тебя, вел. государя, и онъ, кн. Мосальской, ни въ чемъ твоего государева указу не послушалъ — владѣетъ экономіею по прежнему».

Польск. д. 1656 № 25 [3]): отписки пословъ кн. Одоевскаго съ товарищи бывшихъ на съѣздѣ въ Вильнѣ. Сент. 165 г. отписка съ извѣстіемъ, что въ числѣ повѣтовыхъ пословъ пріѣхавшихъ по цар. указу [4]) присланы изъ гродненскаго повѣта кн. Ст. Мосальскій воевода Брескій и панъ Щасный Тишкевичъ, а такъ какъ въ гродненскій повѣтъ вступили шведы и твою государеву шляхту и маетности ихъ грабятъ и всякое разоренье чинятъ, а въ Гроднѣ ратныхъ людей мало и боронить некѣмъ, то послы отправили

1) М. Арх. М. Ю. Москов. стола столб. № 270 л. 834.
2) Тамъ же ст. № 272 л. 53.
3) М. гл. Арх. М. И. Д.
4) Объ этомъ см. Соловьева X стр. 359.

изъ Вильны въ Гродненскій повѣтъ Мосальскаго и велѣли ему, собрався съ шляхтою и всякихъ чиновъ служилыми людьми, которые подъ государевою рукою, противъ свейскихъ и прусскихъ людей стоять и промыслъ надъ ними чинить, смотря по тамошнему дѣлу, а товарищу его пану Счастному велѣли быть въ Вильнѣ, покамѣста государево посольское дѣло вершится (Помѣта о полученіи 4 сентября).

Андрей Храповицкій затягнутъ отъ его милости пана Стан. Андреевича Мосальскаго, воеводича Брескаго въ поручики на службу царя. (Моск. Ар. Юстиціи, Моск. стол. столб. № 270 л. 904).

Въ силу царскаго указа съ селъ и деревень, розданныхъ шляхтѣ и всякимъ служилымъ людямъ въ мастности хлѣба пособнаго на кормъ ратныхъ людей брать не велѣно (Моск. ст. столб. № 270 л. 994); между тѣмъ вилен. воевода Шаховской послалъ 28 іюля 1656 г. въ Троицкій повѣтъ капитана Толстаго жать и молотить и возить въ Вильну на государя хлѣбъ въ королевскія и въ шляхетскія мастности, гдѣ шляхтъ нѣтъ; въ августѣ Толстой донесъ Шаховскому, что онъ между прочимъ велѣлъ крестьянамъ хлѣбъ жать и молотить на государя въ селѣ Серѣ — «и въ то де село Серей пріѣхалъ кн. Станиславъ Мосальской, а велѣно то село Серей, по твоему государеву указу, отказать ему, кн. Станиславу, въ вотчину. И я (Шаховской) писалъ къ нему, Ив. Толстому, а велѣлъ въ томъ селѣ Сереяхъ и въ деревняхъ, которыя отданы кн. Ст. Мосальскому, хлѣбъ, которой былъ панскій, жать и молотить на тебя, государя; а князь Станиславу Мосальскому велѣлъ выдать сѣмянной хлѣбъ (т. е. на посѣвъ только). И онъ де, кн. Станиславъ, вывезъ изъ того села насильствомъ твои государевы всякіе хлѣбные запасы, а которыхъ де служилыхъ государевыхъ людей онъ, Иванъ, оставилъ въ томъ селѣ Сереяхъ для твоихъ государевыхъ хлѣбныхъ запасовъ, и урядникъ де кн. Ст. Мосальскаго тѣхъ твоихъ служилыхъ людей изъ с. Серей выбилъ и хлѣба панскаго на тебя, вел. государя, жать и молотить не далъ[1])». Изъ лаконической помѣты «чтена» на этой отпискѣ Шаховскаго видно, что его жалобѣ никакого хода дано не было.

Въ помѣстнаго Приказа переписной книгѣ грамотамъ и памятямъ о пожалованіи по челобитью разныхъ полковниковъ Литовскихъ городовъ прежнихъ ихъ мастностей 7164—7176 (1656—1668) г. № 2 (въ Мос.

1) М. гл. Архивъ М. Ю. Моск. стола столб. № 285 л. 11 сл.

гл. Арх. М. И. Д.) подъ 165 (1657) годомъ читаемъ: «Апрѣля въ 4 день послана государева грамота въ Вилню къ боярину и воеводамъ къ Борису Васильевичу Шереметеву съ товарищи по челобитью полковника князь Станислава Мосалскаго, а велено ево князь Станиславова тестя каштелянта Жмотцого Нарушевича маетностью Чабишками [1]) съ селами и съ местечками и зъ деревнями владѣть по сыску будетъ ему былъ тесть» [2]) (л. 82).

Мая въ 4 день дана государева жалованная грамота полковнику князь Станиславу Мосалскому, а велено ему селомъ Сереемъ да селомъ Кордымокштами, да селомъ Святымъ Озеромъ зъ деревнями и со всѣми угодьи къ нимъ належащими которыми владѣлъ родител напередъ сего» (л. 85).

ПРИЛОЖЕНІЕ 2-е.

I.

Письмо еп. виленскаго И. Мосальскаго къ русскому послу въ Варшавѣ гр. Кейзерлингу.

26 Avril 1763 à Dombrowna.

Mgr. C'est une vérité bien consolante pour l'humanité que les grandes âmes joignent d'ordinaire aux talens éminens qui les élèvent au dessus des autres hommes, cette sensibilité qui les en rapproche. V. Exc. nous en convainct en daignant dans les calamités dont il plait à l'Eternel de nous affliger dans sa colère ménager la puissante protection de S. M. I. Hâtéz Vous Mgr. de nous en faire sentir les effets. La mesure est à son comble. L'injustice triomphe et le prince-palatin de Vilno, fier de ses odieux succès et d'une protection hazardée que le Roi ne lui accorderait surement pas, s'il connaissait l'atrocité de son âme, ne met plus de bornes à ses indignités. Toute la nation s'est en vain élevée contre lui en proscrivant son tribunal d'oppression; mais cette démarche prudente serait cependant la cause inévitable de la perte de quantité de citoyens vertueux si ces juges étaient maintenus dans leur activité inique. — M. le comte Poniatowski vous aura sans doute peint avec le feu patriotique qui l'embrase, la position funeste, dans laquelle nous nous trouvons, le mérite qui décore la plupart des opprimés et surtout le germe singulier des talens militaires qui se développent journellement dans le jeune comte Branicki. Mais, Mgr., la modestie du

---

1) Чабишки перешли и къ сыну кн. Станислава Михаилу (См. Родъ Мосальскихъ ч. I, стр. 158).

2) Онъ былъ дѣйствительно женатъ на Марцибеллѣ Нарушевичъ. (См. Родъ Мосальск. ч. II, № 122, стр. 71).

comte Poniatowski qui est extrême l'aura sans doute empêché de faire sentir à V. Exc. le degré d'estime, de confiance, d'admiration et pour ainsi dire d'enthousiasme que la nation a pour sa personne, son génie, ses talens, ses moeurs, son activité, son zêle et ses vertus courageuses, et c'est Mgr. sous ces titres respectables que je me fais un vrai plaisir de vous le faire connaître. — Interprète des intentions de mes concitoyens, j'ose encore vous prier en leur nom de porter aux pieds du trône de votre auguste Souveraine l'expression de la reconnaissance légitime, mais muette de leurs âmes, l'admiration d'une Princesse qui de la même main qui sauva un empire dont elle était si digne par son génie puissant et ses vertus magnanimes, donne encore à l'univers, en suivant les sages conseils d'un ministre véritablement fait pour l'être, le grand exemple de protéger l'innocence par tout où l'on e l'opprimer.

II.

Письмо еп. виленскаго И. Мосальскаго къ императрицѣ.

A Varsovie, le 1 Déc. 1763.

Madame. La grande âme de V. M. qui s'est si bien peinte dans tant d'actions héroïques que l'Europe admire, s'élève, pour ainsi dire, au déssus d'elle-même en daignant nous assurer de sa puissante protection dans les circonstances funestes qui nous la rendent si précieuse: dissimuler sa reconnaissance — c'est être indigne des bienfaits: j'ose porter aux pieds du trône de V. M. l'expression naïve de celle dont mes compatriotes et moi sommes vivement pénétrés. — Puisse l'Eternel qui donne quelquefois aux nations des rois dans sa colère, nous en donner un dans sa miséricorde qui nous retrace les vertus bienfaisantes du monarque que nous avons perdu! Puisse-t-il avoir encore cette activité, ces vues profondes et ce génie puissant qu'avaient autrefois quelques-uns de nos concitoyens rois qui sûrent rendre leurs peuples heureux! Un Souverain, en un mot, tel que le trône de Pierre le Grand, par une époque bien mémorable pour l'histoire, nous offre actuellement un modèle.

III.

Письмо еп. виленскаго къ императрицѣ.

25 Mars 1764 à Vilno.

Madame. Votre grande âme est sans doute indignée des attentats énormes du prince-palatin de Vilna, qui n'ont actuellement d'autre principe que la protection généreuse, dont V. M. I. daigne nous honorer. Tout est perdu pour la patrie, si l'on ne met un frein à ses violences. L'impunité de son dernier crime, dont sans la main visible du Toutpuissant j'aurais été

une mémorable victime, accroissant son orgueil farouche, il ose même braver Votre autorité suprême, croyant, Mme, que V. M. I. ne nous assistera jamais des forces de son empire. En conséquence de cette idée il ne met plus de bornes à ses forfaits, et, foulant sans pudeur toutes les lois divines et humaines, il renverse nos tribunaux, en établit d'illicites, dont il s'élit chef, fait assassiner dans les diétines les citoyens qui ont le noble courage de maintenir leurs droits et de s'opposer à ses fureurs; enfin l'horreur que la nation a pour sa personne est montée à un tel degré, que tous les citoyens vertueux dont le nombre, grâces au Ciel, est considérable et suffisant pour l'accabler, veulent absolument se confédérer pour le juger selon les lois qu'il méprise et qu'il outrage. Mais considérant que dans les désastres d'une guerre civile le sang innocent est souvent versé avec celui du coupable, je me suis servi de la confiance et de l'amitié dont ils m'honorent, pour les conjurer de suspendre leur juste vengeance jusqu'à l'auguste réponse de V. M. I. ayant osé les assurer (aucun d'eux n'en doute) qu'Elle remplira sans restriction les promesses magnanimes qu'Elle a daigné leur faire. C'est donc au nom de mes concitoyens, Mme, que je supplie V. M. I. de leur envoyer promptement 4000 hommes de trouppes choisies, lesquelles de concert avec nos amis qui feront d'avance leurs actes de justice, seront suffisantes pour enlever ou dissiper sans verser une seule goutte de sang, cette foule de soldats mercenaires ou de criminels proscrits par nos lois, dont le prince palatin de Vilna se sert pour nous opprimer et dont sans doute les Puissances étrangères qui connaissent l'esprit audacieux et les richesses immenses de ce prince, se serviraient aussi pour fomenter leurs divisions. — Alors tout étant paisible en Lituanie, la voix unanime de cette province serait du plus grand poids à la future élection et V. M. I. à qui ma patrie devrait son bonheur, donnerait un grand exemple à l'univers qui n'étonnerait cependant pas, son génie et ses vertus y étant universellement admirés.

IV.

Письмо гетмана литовскаго М. Мосальскаго къ императрицѣ.

Le 11 d'Avril 1764 à Grodno.

Madame. Plus ma reconnaissance est vive pour la protection éclatante dont V. M. I. a daigné m'assurer par mon fils, moins je puis l'exprimer. C'est cette inclination à répandre les bienfaits qui caractérise toutes les actions mémorables de votre regne auguste. Puisse ce grand exemple en servir à notre roi futur et me rendre digne de ses bontés.

V.

Письмо гетмана М. Мосальскаго къ императрицѣ.

A Olekszyce, le 15 Nov. 1764.

Confiant dans la grande âme de V. M. j'ose lui rappeler les déclarations magnanimes qu'Elle a daigné faire de maintenir nos lois et de soutenir nos libertés, et j'ose spécialement la supplier qu'elle ordonne à son ambassadeur de faire des instantes remontrances au roi et à la république assemblée pendant la diète de couronnement afin que l'on y confirme une constitution sage de la diète de convocation qui porte que les deux chefs suprêmes de l'armée de Lituanie seront maintenus à perpétuité dans tous les droits et dans toutes les prérogatives annexées à leurs charges et dont ils y jouissent actuellement. — Cette nouvelle preuve de votre amour pour la justice accroitrait, Mme, si elles n'étaient déjà à leur comble, les sentimens de reconnaissance et d'admiration que mes concitoyens et moi conserverons éternellement pour vos bienfaits et vos vertus.

VI.

Письмо М. Мосальскаго къ императрицѣ.

Le 22 de Sept. 1764.

Madame. Je ne puis manquer au devoir d'exprimer à V. M. I. la reconnaissance dont mon âme est pénétrée en recevant de M. le comte Kayserling les déclarations que V. M. I. a daigné me faire obtenir le palatinat de Vilna. Me trouvant dans la triste impuissance de la lui prouver, j'ose espérer, Mme, que votre grande âme en recevra un prix digne d'elle par les biens que cette place me facilitera de faire à mes concitoyens. En suppliant V. M. de redoubler ses insinuations pour en assurer le succès, je suis, avec le plus grand respect, etc.

VII.

Письмо еп. виленскаго къ гр. Огинскому.

A Vilna, le 3 Mars 1764.

Mgr. Vous jugerez aisément de la situation où mon âme doit se trouver par le récit que j'ai l'honneur de Vous envoyer d'un nouvel attentat du prince palatin de Vilna. Je ne doute pas, Mgr., qu'il ne fasse sur V. Exc. l'impression la plus vive, ma cause étant celle de la patrie et conséquemment la vôtre. Heureusement vous vous trouvez auprès d'un princesse magnanime qui ne fait usage de son génie puissant et de son autorité suprême que pour rendre les hommes heureux. Je sais qu'elle a pour vous,

Mgr., les sentimens d'estime et de confiance que vous doit tout être vertueux: ainsi j'ose espérer que vous me ménagerez sa puissante protection dans ces circonstances où sa gloire et notre tranquillité commune sont également intéressés. — Je suis...

Niech pieniędzy nie żałują; ja biorę na siebie przeciw niemu zrobić konfederacyą, która skutek swój zrobić jeszcze może przed sejmem. za 30/m # choć by i 50/m # tę największą do spokojney elekcyi zawadę uprzątnąć, było by to małym kosztem uszczęsliwić Oyczyzną. Gdyby tylko wojewodę Wileń uspokoić, żaden w Polszcze nie pozwie się przeciwko naszym siłom. Czekam w tym jak najprędzej od JWWMP[a] rezolucyi co się będzie zdało Jemu y co też JWMMP[a] na ten projekt odpowiedzą.

VIII.

Письмо еп. виленскаго Н. П. Панину.

25 Mars 1764 à Vilno.

Mgr. Il est heureux pour ma patrie que votre aug. Souveraine ait le bonheur d'avoir pour ministre et pour ami un être tel que V. Exc. et quoique je n'aye pas le bonheur de vous connaître personnellement, j'ose, Mgr., vous écrire avec la confiance que l'on doit à un vrai philosophe et à un homme de génie. — Je sais que V. Exc. est parfaitement instruite de l'état déplorable de notre pays dont l'anarchie en accroît encore les malheurs. Ainsi je ne m'étendrai pas sur les causes diverses qui en sont la source. Au reste la tyrannie du Prince Palatin de Vilno en est une des plus funestes et jamais la tranquillité et la sureté publique ne seront retablies tant qu'il aura la puissance de fomenter des divisions, de renverser nos lois et de nous opprimer. Il faut donc absolument ou se rendre maître de sa personne, ou qu'une confédération salutaire le juge et le punisse de ses crimes, n'y ayant aucuns tribunaux qu'il ne brave, ni de lois qu'il n'enfreigne. C'est là le dernier parti que toute la Lituanie se propose de suivre, tandis que les trouppes indisciplinées de ce Prince sont dispersées, qu'il n'a pas encore reçu les sommes immenses qu'il se flatte d'obtenir des Puissances étrangères dont il veut se servir pour soudoyer jusqu'à 10/m. hommes, que ses dettes et ses débordements sont excessifs, qu'un crime affreux et l'assassinat qu'il avait médité contre moi l'ont rendu l'objet de l'exécration de la patrie; d'ailleurs si l'on ne prévenait pas la diète de convocation, il y trouverait malgré ses forfaits des ressources puissantes et la protection des partis opposés. Mais pour éviter l'effusion du sang et donner le plus grand poids à cette démarche indispensable, nous supplions tous S. M. I. de nous envoyer le plus promptement qu'il sera possible 4/m. hommes de trouppes choisies qui ne

seront peut-être nécessaires que pour peu de tems, nos lois exigeant que dans les troubles civils les armées nationales se réunissent à la saine partie de la république et dès que nos amis seront instruits de leur marche, ils commenceront par se saisir de tous les perturbateurs du repos public, rendre l'activité à la justice, défendre l'infortuné de l'oppression, enfin — prouver à l'Univers que l'honneur, la liberté, la justice et la religion sont les seuls motifs qui les animent. — Cette grâce de S. M. I. sera certainement un beau monument de la générosité de son coeur; mais les circonstances fâcheuses où se trouve notre patrie nous forcent encore à la supplier de nous accorder des subsides, afin de nous attacher le plus qu'il nous sera possible de cette noblesse pauvre, mais courageuse, dont la pluralité décide chez nous du succès des plus grandes affaires. Avec la somme de 60/m. ducats nous espérons nous en concilier d'avantage que ce Prince ne pourrait faire avec une somme quatre fois plus forte; tant le mépris et la haine que l'on a pour sa personne sont universels. V. Exc. sait encore le triste état de l'armée Lituanienne et surtout de l'artillerie qui malgré les soins assidus de mon père n'ont pu encore se remettre sur un pied décent et il faut au moins 20/m. ducats pour leurs nécessités les plus urgentes. Au reste chaque sénateur dignitaire ou citoyen aisé se propose de faire le plus grand effort possible, soit en hommes ou en argent, afin de recouvrer sa liberté, de maintenir ses droits et d'élire un roi patriote qui sache nous aimer et nous rendre heureux. — Voilà, Mgr., nos projets, nos désirs et le seul parti décisif que nous sommes résolus de prendre. V. Exc. sait les obligations fondées sur les traités où votre Empire se trouve de maintenir nos privilèges et l'activité de nos lois surtout pendant les interrègnes. Vous savez encore les promesses solennelles de votre aug. Souveraine. Sa grandeur d'âme nous est connue; enfin votre zèle pour Sa gloire et votre amour pour la vertu nous sont de sûrs garants que vous voudrez bien les lui rappeller, en accélérer l'exécution et mettre ma patrie dans le cas de vous en marquer sa reconnaissance aux yeux de l'Univers.

Si les 4/m. hommes que nous demandons sont envoyés sur le champ et à la réception de cette lettre, ils seront suffisans; mais si l'exécution n'en peut être aussi prompte, il en faudrait jusqu'à 6/m. Nous supplions instamment V. Exc. de nous dépêcher sur le champ un courrier avec la réponse décisive de S. M. I. afin que nous prenions nos mesures et que nous fassions les préparatifs que les circonstances exigeront.

IX.

Письмо императрицы.

St. Pétersbourg le 4 Avril 1764.

Mons. l'évêque de Vilna Massalski. J'ai appris avec un vrai chagrin par votre lettre du 25 du mois passé la fâcheuse situation où vous aussi bien que tous ceux qui vous sont attachés se trouvent réduits dans leur propre patrie. Les injustices et les violences du Pr. Radziwil sont parvenues à leur comble et exigent sans doute des remèdes convenables pour en prévenir les suites. Vous pouvez être bien assuré que de mon côté tout est prêt à vous faire jouir des effets de mes sentiments particuliers à votre égard ainsi que des engagemens pris avec une nation voisine et libre. J'ai ordonné à mon conseiller privé actuel de Panin de vous écrire plus amplement sur cet objet et la nécessité d'agir avec un parfait concert en tout ce qui y a du rapport. Sur ce je prie Dieu qu'il vous ait, Mr. l'évêque de Vilna, en sa sainte et digne garde. Fait à St. Pétersbourg, le 4 avril 1764.

X.

Письмо еп. виленскаго Панину.

A Varsovie, ce 22 Mai 1764.

Mgr. Les effets salutaires dont S. M. I. nous fait jouir par la puissante protection qu'elle nous accorde ne peuvent que nous exciter les sentimens de la plus vive et la plus parfaite reconnaissance. La confédération de la noblesse du gr. duché de Lituanie, par l'appui que S. M. I. lui a prêté est devenue si générale, que plusieurs même de la maison de Radziwil, alliés du palatin de Vilna s'y sont joints pour ne pas s'exposer à la vengeance de la noblesse irritée et connaissant toute la force dont S. M. soutient leur liberté, leurs privilèges. L'arrivée du gén. Rennenkampf avec le corps des trouppes ne manquera pas de nous aider efficacement à faire réussir les projets et j'espère qu'au tems de l'élection il n'y aura qu'une seule voix de la province de Lituanie pour soutenir un roi qui serait agréable à S. M. I. et utile à sa patrie. Le succès de la diète de convocation a mis les premiers fondemens en faisant une loi que l'élection future ne doit mettre sur le trône qu'un roi Piaste. Autant que les grâces de S. M. I. m'impriment de respect et d'admiration de son âme grande et généreuse, autant la voye qu'elle a mis d'en faire couler les effets par les mains de V. Exc. m'inspire un devoir de lui en témoigner ma reconnaissance, en me faisant l'honneur d'être...

XI.

Изъ депеши кн. Волконскаго къ гр. Панину изъ Варшавы,
отъ 1/12 февраля 1771 г. № 7.

Изъ приложенной при семъ переписки моей съ епископомъ Виленскимъ и письма отъ ген.-маіора Колонга изъ Вильны ваше сіятельство изволите усмотрѣть какъ стараніе сего магната въ собраніи намъ партіи, такъ и новый замыслъ Чарторыскихъ. Хотя въ проектѣ инструкціи, разосланномъ отъ нихъ по всей Литвѣ, и неупоминается просьба къ королю объ неотдаленіи ихъ, но внушали они, чтобъ о томъ также было внесено. Здѣсь изъ десяти мѣстъ уже есть извѣстіе, что епископъ Виленскій не допустилъ на депутатскихъ сеймикахъ таковой въ ихъ пользу делегаціи; въ одной только Гродиѣ опредѣлено оную выслать, естьли другія воеводства тоже учинятъ. Да и тутъ не всѣ подписались. Въ Бжесцѣ же до саблей дошло, какъ скоро имя Чарторыскихъ упомянули. Стараніе Чарторыскихъ о положеніи на каждый крестьянскій дворъ по талеру въ награжденіе для нихъ за секвестръ, есть новый опытъ лукавой ихъ политики; ибо сверхъ собственной прибыли и славы подняли бы они всю Литву противъ насъ наложеніемъ сей тягости на мужиковъ, коимъ бы набивали головы, что они терпятъ то отъ насъ. Слава Богу, что сіе зло предупреждено и отвращено съ толикимъ успѣхомъ.

Съ другой стороны получено здѣсь извѣстіе, что въ Велунскомъ, Остpешовскомъ, Петриковскомъ и Скрадскомъ градахъ внесенъ дѣйствительно въ акты универсалъ о междуцарствіи и чрезъ то обнародованъ. Видясь съ королемъ спрашивалъ я у него, что думаетъ онъ по сему дѣлу; на что Его Величество сказалъ мнѣ, что самъ не знаетъ и что вездѣ препятствія находитъ, какъ-то и теперь въ Литвѣ хотѣли дезапробовать все чинимое конфедераціею, но епископъ виленской съ помощію генерала Колонга до того не допустилъ. На сіе я ему отвѣчалъ, что то не правда и на сеймахъ бы не могли опорочить актовъ конфедераціи не сочиня реконфедераціи; а естлибъ Его Величество отъ меня не потаилъ и открылся напередъ, то бы я не толко не воспротивился делегаціи съ увѣреніемъ о вѣрности къ нему всей Литвы, но напротивъ всѣ бы силы къ тому употребилъ (дабы тѣмъ его съ націею нѣсколько въ соединеніе привесть) и что въ прочемъ видитъ Его Величество изъ проекта инструкціи, сколь его дядьи хитры и сколь они стараются, даже будучи въ бѣдѣ, отъ часу больше землю огорчать противъ его особы и противъ насъ, хотя и знаютъ, что безъ нашего вспомоществованія ни онъ на тронѣ удержаться, ни Польша успокоиться не можетъ.

Хотя бы въ прочемъ сія делегація и имѣла мѣсто, то бы ничего не помогла противъ обнародованія междуцарствія, а испровергнуть оное инаго

способа нѣтъ, какъ чрезъ конфедерацію и потому нужно, чтобъ господинъ Салдернъ не замедлилъ своимъ сюда пріѣздомъ.

Приложеніе 1-е къ депешѣ № 7.

Copie d'une lettre du comte Massalski évêque de Vilna au prince Wolkonsky, écrite de Vilna en date du 21 Janvier 1771.

J'apprends que le Ministère veut briguer dans toutes les diétines d'obtenir des délégations à S. M. avec la prière de ne point l'éloigner des affaires publiques. Comme je crois que cette délégation est tout à fait contraire aux instances de S. M. I., il faudrait obtenir une autre avec demande contraire et empêcher partout où l'on pourra en si peu de temps celle que le ministère veut avoir. Ainsi je supplie V. A. de vouloir bien insinuer à ses subalternes de publier partout, que tous ceux, qui se délareront amis des ministres, seront traités comme eux. — Je suis intentionné d'envoyer une lettre circulaire à toutes les diétines avec l'exposition des violences, que le ministère a fait dans les tribunaux pour disposer par là les esprits à ne point s'émouvoir par l'odieuse raison, que le dit ministère débite partout, qu'il souffre le séquestre des biens pour s'être opposé aux volontés de S. M. I., qu'ils disent être très défavorables à notre nation. J'espère par là en même temps de réussir plus facilement à obtenir des délégations au roi pour prier S. M. de procurer à son pays la paix et la justice. Comme cependant je ne voudrais pas le faire sans savoir préalablement là-dessus les sentimens de V. Altesse, je la supplie de vouloir bien m'en informer à temps, car les diétines se tiendront dans deux semaines.

Въ своемъ отвѣтѣ епископу виленскому отъ 17 (28) января кн. Волконскій писалъ, что приказалъ генераламъ де Колонгу и Карру дѣйствовать согласно съ епископомъ: d'agir de concert avec V. Exc. et d'insinuer que tous ceux qui prendront part dans les intrigues des Czartoryskis, seront traités de même que leurs protecteurs. Онъ одобряетъ поданную епископомъ мысль о циркулярѣ къ сеймикамъ и выражаетъ надежду, что его патріотическія старанія увѣнчаются успѣхомъ.

Copie d'une lettre du même au même de Vilna du 28 Janv. 1771.

J'ai l'honneur de mander à V. A., que l'espérance de pouvoir retourner aux anciennes lois, de recouvrer la paix et de voir le ministère éloigné des affaires publiques, a disposé les esprits à souhait. Ils ne désirent que d'en voir la sureté. Ils m'ont prié même de leur adresser une lettre circulaire et d'y exprimer les motifs, la sureté et les Puissances, qui me déterminent à

l'écrire, par ce que la nation a quelque confiance en moi pour la pouvoir sauver. Je ne doute pas de l'effet désiré de cette lettre, pourvû qu'elle fût conforme aux idées de V. A. — Et comme nous ne sommes pas encore venu à arranger cette matière et surtout les moyens de donner des assurances à la nation, si V. A. ne m'en peut pas communiquer le précis par la poste, je serai obligé de me rendre encore une fois à Varsovie, pour m'instruire là-dessus des intentions de S. M. I. Avant tout ceci je n'ai pas même voulu assembler le conseil national, quoique nombre de bons citoyens le souhaitaient et je l'ai remis au temps, où je pourrai prouver l'authenticité de mes assurances par les lettres des Monarques qui m'engagent à ce travail et par une déclaration ministériale pour la conviction intérieure de la nation. — J'envoie à V. A. la copie de l'instruction envoyée de la part de notre ministère telle que doivent avoir les délégués des diétines. V. A. verra bien par ses propres réflexions combien elle est préjudiciable aux vues pacifiques de S. M. I. et contraire à nos lois.

На это письмо кн. Волконскій отвѣчалъ 26 января (6 февраля), между прочимъ: «Pour ce qui est des motifs et de la sureté qu'ils veulent savoir d'avance, V. Exc. les connait par les points qui lui ont été communiqués ici et qui doivent servir de baze à tout l'affaire. Je ne puis rien ajouter là dessus actuellement, en attendant les ordres ultérieurs de ma Cour; mais dès qu'ils me parviendront, je ne tarderai pas de vous en informer, Mgr., en vous priant de vous rendre alors ici pour nous concerter finalement sur les moyens et sur la façon, dont cette ardeur des bien-intentionnés doit être employée pour le bien-être de leur patrie.»

Приложеніе 2-е къ депешѣ № 7.

Копія съ письма къ послу князю Волконскому отъ генералъ-маіора де-Колонна изъ Вильны, отъ 26 февраля 1771 г.

Вашего Сіятельства письмо отъ 7/18 имѣлъ честь получить, въ согласіе котораго секретарь литовской Хрептовичъ съ бискупомъ лифлянскимъ Гедровичемъ въ субботу, т. е. 22 числа сего мѣсяца сюда прибыли, которые старались склонить дворянство о посылкѣ къ Его Величеству королю делегаціи со объявленіемъ объ рекогницціи и съ просьбою тою, какъ въ письмѣ упомнпать изволите, но еще со включеніемъ о выпускѣ предъ симъ взятыхъ и нынѣ содержащихъ у насъ бискуповъ министра и посла, да чтобъ опредѣлено было въ сборъ отъ крестьянъ канцлеру Чарторыжскому и подканцлеру Пршездецкому съ каждаго дыму по одному талеру, о чемъ и со мною разговоры были, напротивъ которыхъ я въ сходствіе вашего сіятельства

повелѣнія бравъ обходительные приличные мѣры общеи съ бискупомъ виленскимъ Масалскимъ по ихъ пропозиціи отъ всего здѣсь и вблизи состоящихъ повѣтовъ отвратили и не допустили, о чемъ вашему сіятельству покорнѣйше доношу.

Депеша № 13 кн. Волконскаго гр. Панину изъ Варшавы,
отъ 3/14 марта 1771 г.

Вчерась пріѣхалъ сюда изъ Литвы епископъ виленской, который увѣрялъ меня, что тамъ съ охотою приготовляются къ конфедераціи и ожидаютъ, чтобъ мы оную начали. Между главными магнатами весьма онъ хвалится великимъ подскарбіемъ Бростовскимъ, которой ревностно принялся за дѣло и оказываетъ сколь случай есть свою къ намъ преданность. Причемъ разсуждалъ онъ о наступающемъ трибуналѣ, почитая за нужно, чтобъ не допустить Чарторыскихъ выбрать въ маршалы онаго кого изъ своихъ креатуръ, до чего съ помощію денегъ донти можно, или и совсѣмъ трибуналъ разрушить, если къ тому времяни сочинимъ мы конфедерацію; ибо въ таковомъ случаѣ отъ нея оной долженъ же быть перерванъ.

Епископъ виленскій сказывалъ мнѣ такожъ, что Чарторыскіе всякіе продолжаютъ чинить разглашенія для отвращенія отъ нашей партіи, какъ то, что по ихъ старанію я отсюда отозванъ буду, что на мое мѣсто опредѣленъ искренней ихъ другъ, что слѣдовательно все мною чинимое обратится во вредъ новыхъ нашихъ партизановъ, и прочіе сему подобные развратные въ землѣ чинятъ толкованіи, кои многихъ приводятъ въ страхъ. Я сказалъ для ободренія епископу, что мнѣ повелѣно для предупрежденія сей импрессіи увѣрить ихъ продолженіемъ высочайшей протекціи и что система нашего двора по поводу польскихъ дѣлъ нимало не перемѣнилась.

XII.

Письмо еп. виленскаго И. Масальскаго къ императрицѣ.

Paris, 25 d'Avril 1772.

Madame. Dans le moment même que je reçois la nouvelle que le sequestre mis sur mes terres a été commué en une imposition, je m'empresse d'en rendre grâce à V. M. I. Quelque intéressante que soit cette nouvelle pour moi en ce qu'elle prévient la ruine totale de ma maison, elle me l'est encore plus par l'espoir qu'elle me donne de recouvrer les bontés dont V. M. I. m'honorait autrefois. — Mes ennemis jaloux de ces bontés n'ont pas trouvé de meilleur moyen pour me perdre que de surprendre la bonne foi des ministres, honorés de la confiance de V. M. pour les affaires de Pologne, jusqu'au point de leur rendre mon intégrité douteuse, et par une suite naturelle — de faire parvenir

ces coupables imputations au trône de V. M. I. Je n'ai jamais cessé de respecter le caractère sacré, dont ces ministres sont revêtus, même dans le tems qu'on me faisait tout le mal possible. — Sensiblement affligé de voir soupçonner la sincérité de mes sentimens, j'ose dire si conformes à mon état et aux devoirs sacrés d'un vrai citoyen, j'ai quitté ma patrie crainte qu'on ne m'imputât de participer aux troubles affreux qui la déchirent et renonçant à toute espèce de liaisons qui pourraient rendre ma façon de penser suspecte; je vis en France dans une retraite absolue, ne m'occupant que de l'éducation des deux seuls rejettons de ma famille, ne voyant que des personnes qui ne peuvent qu'être agréables à V. M. et me flattant, qu'une pareille conduite me servirait d'apologie. — Cependant si je savais que mon séjour dans ce pays pût déplaire à V. M., le moindre avis qui me viendrait de sa part me le ferait quitter, et comme personne n'est plus persuadé que mon infortunée patrie ne peut être sauvée que par V. M. I., je serais prêt de me rendre à St.-Pétersbourg ou partout où ma présence serait de quelque utilité, si je pouvais contribuer au grand ouvrage du rétablissement de la paix. — Ce serait alors que V. M. connaîtrait mes vrais sentimens et que je n'aurais plus rien à redouter de mes ennemis, car c'est le sort de tout bon citoyen d'en avoir pendant les temps de troubles. En attendant ce moment heureux je me rappelle sans cesse celui où j'ai eu l'honneur de rendre un respectueux et sincère hommage à V. M. I. et d'en être comblé de marques de bienveillance, dont Elle a depuis daigné plusieurs fois me faire assurer la continuation. — Quelle satisfaction sera-ce pour moi de concilier tous les devoirs de mon état avec la loi que je me suis faite d'être toute ma vie avec le respect le plus profond, etc.

XIII.

Письмо еп. виленскаго Мосальскаго (къ Панину).

Paris, 25 d'Avril 1772.

Mgr. Quoique je n'aye point encore de réponse aux lettres et au mémoire que j'ai eu l'honneur de faire passer à V. Exc. par M. le pr. Galliczin et par M. le comte de Saldern, je prends la liberté, Mgr., de vous prier instamment de remettre l'incluse à S. M. I. et de l'appuyer de votre puissant crédit. V. Exc. y verra l'expression sincère de mes sentimens et l'exposé fidèle de ma conduite. — Ce n'est point encore le moment ni les circonstances favorables pour les mettre dans tout leur jour afin de détruire les impressions qu'on peut avoir donné à M. le comte de Saldern et à V. Exc. Mais j'ose croire qu'il viendra un tems où votre coeur bienfaisant et sensible sera touché des maux qu'on m'a fait souffrir et de l'oppression où je

suis encore à beaucoup d'égards. — Mes malheurs m'affligent d'autant plus qu'ils ont peut-être retardé le jour si désiré et si nécessaire du rétablissement de la paix dans mon infortunée patrie. Que ne puis-je, Mgr., être à portée de vous exposer mes idées à ce sujet! J'ose croire que vous les approuveriez, puisqu'elles n'ont pour objet que la tranquillité et le bonheur de la Pologne et du roi, votre propre gloire et celle de votre auguste Souveraine.

XIV.

Отрывокъ депеши посла гр. Штакельберга гр. Панину изъ Варшавы

5/16 октября 1772. № 18.

. . . Такъ какъ послу предстоитъ une opération ayant pour but indispensable de me rendre à la réunion des partis, formés par nos soins, le chef de tous les trois et par conséquence l'Impératrice maîtresse de la diète prochaine, j'ose prier V. Exc. de soumettre au jugement et à la décision de S. M. I. les articles suivants, comme faisant essentiellement partie des mesures qu'il faudra prendre sur un objet aussi important et qui ne regarde rien moins que l'appréciation de nos influences futures dans les affaires de ce Royaume, influences que deux grandes cours ambitionnent déjà de partager avec nous:

. . . 4) Que je puisse envoyer le lieut.-col. Kachowsky en courier à l'évêque de Vilna pour le porter à venir ici, en cas que mes insinuations par l'abbé Sestrencewicz n'eussent par l'effet désiré. Le caractère, les passions et l'histoire de cet évêque m'ont fait jetter les yeux sur lui pour le mettre à la tête de la Lithuanie et c'est pour cet effet que j'attends également la permission de le faire rentrer dans la pleine jouissance de ses biens, lorsqu'il m'aura convaincu de son zèle.

XV.

Тоже, 7/18 января 1773. № 4.

. . . L'évêque de Vilna s'est d'abord rendu ici au premier avis que je lui ai fait donner et je ne puis qu'être content de sa façon d'agir.

XVI.

Тоже, 28 февраля (11 марта) 1773.

Après avoir eu l'honneur d'entretenir V. Exc. de quelques points généraux dans mes dépêches d'aujourd'hui, Elle me permettra de Lui rendre compte aussi d'un article particulier, essentiellement relatif au reste et fort

important pour ma négociation. Il regarde l'évêque de Vilna. Quelque zélé que ce prélat soit pour le bien de sa patrie, ce n'est qu'en m'engageant à beaucoup que j'ai pu le déterminer à travailler avec moi en Lithuanie. Les circonstances m'y ont forcé, car personne dans cette province n'ose lever la tête contre le parti de la Cour. L'évêque n'a pu s'y résoudre que parceque je lui ai promis la protection de S. M. I. dans toute son étendue. Sa situation critique a eu besoin de cette assurance. Après avoir toujours été l'ennemi persécuté des Czartoryski, il n'espéra que dans le soutien de la Russie et il en jouissait effectivement. Je ne sais pas par quelles intrigues de la famille et quel concours de fatalités il l'a perdu d'une manière que ses terres furent séquestrées et sa personne et ses biens livrés à la persécution de ses ennemis. Obligé de quitter le Royaume, tout paraissait conspirer contre lui. On jugea des procès injustement, on en rechauffa d'autres et l'art de la chicane polonaise s'épuisa contre lui, au point, qu'abandonné par la Russie, il fut obligé de se remettre pour le procès le plus important à l'arbitrage de son plus cruel ennemi le prince chancellier, afin de suspendre au moins les iniquités et sauver s'il était possible, quelque chose. C'est dans cette situation qu'étaient les affaires à mon arrivée en Pologne. Je ne connaissais l'évêque que par le portrait que m'en avaient fait quelques gens de lettres, avec lesquels il vivait à Paris pour ainsi dire dans la retraite. J'ai trouvé mon prédécesseur revenu en sa faveur; M. Kochowsky me donna les plus grands témoignages du mérite et des intentions de ce prélat. V. Exc. se souviendra qu'afin d'avoir un acteur de poids qui ne fût vendu à la Cour, je l'ai fait venir en soulageant ses terres. Il s'est rendu ici incessamment. Je le vois tous les jours et c'est à mon avis le seul polonais qui connaisse et veuille le bien. Il a parlé au Sénat comme je l'ai voulu, et son éloquence a porté coup pour le bien en plus d'une occasion. Mais lorsque voyant l'inaction qu'on désirait de produire en Lithuanie et le besoin que j'ai de cette province pour finir les affaires, je lui proposai d'y employer son crédit, il m'a dit que quoiqu'il ne le pouvait qu'en sacrifiant son procès et en s'exposant à un redoublement de persécution, il servirait malgré cela encore une fois la Russie et sa patrie, mais qu'il était juste que la protection de S. M. I. non seulement réparât ses pertes passées, mais le mit aussi à couvert contre les injustices futures. Lui ayant demandé ce qu'il désirait, il m'a dit que c'était: 1) une constitution moyennant laquelle ses affaires devaient être jugées dans l'ordre; 2) la survivance héréditaire d'une starostie à ses neveux pour leur dédommagement de toutes les pertes et séquestrations si peu méritées; 3) la charge de vice-chancellier de Lithuanie. Après avoir trouvé les deux premiers points justes et le dernier utile à la Russie et la Pologne pour la destruction de l'aristocratie, parceque l'évêque a l'ambition

d'être célèbre par son patriotisme, je lui ai promis d'écrire fortement en sa faveur et ce prélat s'est abandonné entièrement à nous dans cette espérance. J'espère que V. Exc. la justifiera en le recommandant à la clémence de S. M. I. non seulement sur cet article, mais aussi par rapport à ses biens dans les nouveaux gouvernements. Ayant été dans les pays étrangers il n'a pu aller prêter serment en personne et revenu ici, je l'en ai empêché ayant eu besoin de lui pour le senatus-consilium et la diète. Il ose implorer lui-même les bontés de l'Impératrice dans la lettre que je joins ici. — V. Exc. me permettra encore une réflexion générale à ce sujet qui est qu'il serait bon de faire à cette diète des actes de bienfaisance pour établir de nouveau le crédit et l'influence de la Russie et c'est par le nouvel établissement du Senatus ad latus qu'il faudra tâcher de remettre en vigueur notre concourrence perdue aux affaires d'une puissance aussi importante pour nous que cette république. — J'attends incessamment la résulution de S. M. I. relativement à l'Evêque ainsi que pour la recommandation des autres charges vacantes de l'Etat.

XVII.

Письмо епископа виленскаго И. Мосальскаго къ императрицѣ.

12 Mars 1773 à Varsovie.

Madame. C'est trop longtems languir dans la disgrâce de V. M. Elle scaura mes malheurs; Son coeur généreux s'attendrira en apprenant qu'ils ont frappé sur l'homme du monde qui l'honore, qui l'aime, qui la respecte le plus. — Non, Mme, ceux qui ont porté les atteintes les plus vives au respect dû à votre auguste trône n'ont point éprouvé plus de revers que moy. C'est tout dire; mes maux ont été aussi grands que mon attachement inviolable pour la personne la plus digne de porter une des premières couronnes de l'Europe. Mais c'est ma faute s'ils ont duré si longtems: je connaissais la grandeur d'âme de V. M.; c'est à ce tribunal que je devais plaider ma cause dès le commencement. — J'oseray seulement icy présenter à V. M. que la terre de Siebiez sur laquelle j'ai une hypothèque de 800/m. flor. ayant été séquestrée, je la supplie de me faire remettre en possession de ce bien, et si elle daigne m'agréer pour son sujet, d'avoir égard à mes travaux indispensables pour le bien public avant et durant la diète, et de me permettre que je prête icy, entre les mains de son ministre, un serment de fidélité qui sera l'expression la plus vive et la plus naturelle de l'inviolable et respectueux attachement, avec lequel j'ay été et seray toute ma vie, Mme, de V. M. I. le très humble et très obéissant très dévoué serviteur et sujet.

2007041566